

ВЕСТНИК

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin Of Nizhnevartovsk State University

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>А. С. Иванов</i> Сталинская политика в отношении «наказанных народов» (1940—1950-е гг.): геноцид, ассимиляция, «политика населения»?.....	3
<i>С. Н. Кистерев</i> О двух уставных таможенных грамотах конца XVI в. Соловецкому монастырю	9
<i>Е. В. Неделькин, В. В. Хапаев</i> Село Чоргунь в первой половине 20-х гг. XX века	15
<i>Я. Г. Солодкин</i> Окончательный разгром Кучума (1598 г.) в сибирской летописной традиции	23
<i>И. Н. Стась</i> Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии	29
<i>В. В. Цысь</i> Помощь войск 1-го Белорусского фронта в восстановлении народного хозяйства Белоруссии на завершающем этапе Великой Отечественной войны (осень 1943 г. — начало 1945 г.)	40
<i>О. П. Цысь</i> Палестинские чтения в Западной Сибири на рубеже XIX—XX вв.	50

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>В. И. Гребенюков</i> Археологическое изучение неолита и энеолита Восточного и Центрального Казахстана (50—60-е гг. XX столетия).....	60
<i>В. Н. Ерохин</i> Дискуссии о причинах Английской революции XVII века в современной британской историографии	67
<i>М. М. Чорэф</i> К вопросу об административном устройстве ранневизантийской Таврики: по данным нумизматики	78
<i>Л. А. Якубова</i> Государственное финансирование социальной политики лейбористского правительства Тони Блэра в 1997—2001 гг.	89

Главный редактор

Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Коричко А.В., кандидат педагогических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Секретарь

Чорэф М.М., кандидат исторических наук (г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Ерохин В.Н., доктор исторических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Ибрагимова Л.А., доктор педагогических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Grabowska Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Kludacz Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Krzetowska Agnieszka, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Кулагин А.Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Нурбеков Б.Ж., доктор педагогических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Михайлова О.Ю., доктор психологических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Медведев С.С., доктор биологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Соколов С.Н., доктор географических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Усманов И.Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Нижневартовск)

Цысь В.В., доктор исторических наук, доцент (г. Нижневартовск)

Editor-in-Chief

Gorlov S.I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Korichko A.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin Ya.G., Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Secretary

Choref M.M., Candidate of Historical Sciences (Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Erokhin V.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Ibragimova L.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Grabowska Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Kludacz Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Krzetowska Agnieszka, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Nurbekov B.Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Mikhailova O. Yu., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Medvedev S.S., Doctor of Biological Sciences, Professor (Saint Petersburg)

Sokolov S.N., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Tsys V.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Nizhnevartovsk)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)
- Academic Resource Index Research Bible
- Google Академия
- MIAR (Information Matrix for the Analysis of Journals)
- Scientific Indexing Services (SIS)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)
- Eurasian Scientific Journal Index (ESJI)

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 27.10.2015
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 1733

Отпечатано в Издательстве НВГУ
628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (571.1)(=512.37)

А. С. Иванов
Сургут, Россия**СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ «НАКАЗАННЫХ НАРОДОВ» (1940—1950-Е ГГ.):
ГЕНОЦИД, АССИМИЛЯЦИЯ, «ПОЛИТИКА НАСЕЛЕНИЯ»?**

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления сущности сталинской политики в отношении «наказанных народов». Изучение историографии позволяет говорить о плюрализме и поляризации мнений исследователей относительно феноменов депортации и спецпоселения.

Автор выделяет ряд мероприятий органов власти, которые свидетельствуют о том, что депортация не была орудием геноцида или маргинализации населения: выделение правительством специальных продовольственных и промтоварных фондов и стройматериалов; принятие органами власти актов, направленных на нормализацию материального положения репрессированных; воссоединение с санкции НКВД разрозненных депортацией семей; проведение на общих основаниях идеологической и культурно-массовой работы, а также школьного и производственного обучения; сохранение калмыками-коммунистами и комсомольцами своего додепортационного статуса с возможностью вступления в партию (до начала 1950-х гг.) и ВЛКСМ (с ограничениями); предоставление опытным производственникам и управленцам работы в тех структурах (в т.ч. в партийно-советских органах), где их навыки были востребованы.

В статье показано, что государство добивалось не уничтожения отличительных этнических черт калмыцкого народа, а формирования из депортантов населения, состав которого гарантировал его лояльность режиму. Не случайно для выстраивания «правильной» структуры населения власть пошла на воссоединение малых семей, являвшихся нормой для социалистического общества.

Нужно полагать, что основной целью было «вылепливание правильного населения» посредством корректировки социально-классовой структуры. В соответствии с марксистской доктриной «носителем социализма» и одновременно главной движущей силой на пути общества к коммунизму считался рабочий класс, который и должен был стать основой для будущего бесклассового общества. Поэтому не удивительно, что за 20-летие, включающее годы пребывания на спецпоселении (1944—1956 гг.), число представителей рабочего класса среди чеченцев выросло в 5 раз, среди ингушей — в 15 раз (!), а среди калмыков, только за 5 лет пребывания на поселении, — в 2,5 раза. Данные факты свидетельствуют о цели государственной политики спецпереселения.

Таким образом, принудительное переселение «наказанных народов» и спецпоселение были единым комплексом мер, обеспечивавшим формирование необходимого государству состава населения. Советской властью, следовательно, проводилась политика формирования состава населения, именуемая П. Холквистом «политикой населения».

Ключевые слова: депортации; репрессии; наказанные народы; спецпоселенцы; геноцид; ассимиляция; политика населения.

Сведения об авторе: Александр Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-экономических дисциплин.

Место работы: Сургутский институт нефти и газа.

Контактная информация: 628404, г. Сургут, ул. Энтузиастов, д. 38; тел.: (3462) 35-25-88; e-mail: 88d@bk.ru

Данная статья написана в начале мая 2015 г., когда страна готовилась отпраздновать 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. В очередной раз разгорелась дискуссия относительно исторической роли Сталина. Проведенный социологами «Левада-центра» в марте опрос показал, что треть жителей России относятся к Сталину с уважением,

восхищением или симпатией, а 45% оправдывают жертвы сталинской эпохи (еще три года назад таковых было всего 25%) (Рачева 2015).

Налицо «раздвоение общественного сознания», особенно ярко проявляющееся при ответе на вопрос: «Мог ли преступник привести народ к Великой Победе?» В

сознании происходит замыкание, и общество разделяется на два непримиримых лагеря. И как это ни странно, сегодня подобное разделение происходит не только в обыденном сознании, но и среди историков-профессионалов. Поляризацию мнений мы наблюдаем при попытке исследователей разобраться в сущности и задачах политики советского государства в отношении депортированных в годы войны представителей «наказанных народов» (немцев, калмыков, чеченцев, ингушей и др.).

В современной историографии существует ряд фактически противоположных точек зрения. Эти позиции представлены в исследованиях К. Н. Максимова, Л. П. Белковец и А. А. Шадта. К. Н. Максимов, как и ряд других калмыцких авторов, в своих исследованиях обосновывает тезис о депортации и спецпоселении как о «политике геноцида» в отношении калмыцкого народа (Максимов 2009: 583). Напротив, Л. П. Белковец пишет: «можно смело утверждать, что переселения народов в годы Великой Отечественной войны, введенные государством ограничения некоторых прав части советских граждан, режим спецпоселения и нарушения “законных прав” переселенных народов не представляли собой репрессивного механизма» (Белковец 2003: 298), а «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940—50-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления, как геноцид» (Белковец 2003: 301). Данный автор квалифицирует спецпоселение как «своеобразный способ использования трудовых ресурсов в целях восстановления разрушенного войной хозяйства и освоения малозаселенных территорий Зауралья» (Белковец 2003: 301).

Существенно отличная точка зрения высказана А. А. Шадтом, который отмечает, что «мероприятия советской власти, предшествующие этническим депортациям... позволяют выделить цель и причину “силового” направления в советской национальной политике — курс на ассимиляцию этнических групп в единый советский народ» (Шадт 2002: 244—245). При этом исследователь признает, что «этническая ссылка стала... средством заселения и освоения Сибири, механизмом контроля над населением и использования его в интересах государства» (Шадт 2002: 243).

П. М. Полян говорит о том, что «депортации... мыслились насущным и эффективным орудием социальной инженерии, причем орудием “гуманным”, поскольку тем или иным социально-неблагонадежным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда бы это был геноцид), а “всего-навсего” в праве на свободу» (Полян 2005: 10).

Существует еще одна точка зрения, наиболее целостно представленная в монографии Н. М. Игнатовой. Исследуя на материалах Коми АССР политику государства в отношении спецпереселенцев в 1930—50-е гг., автор, признавая ее репрессивную сущность, все же приходит к выводу о том, что «именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений», а «спецпереселенцы стали в своем роде “заложниками” экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесозаготовках, шахтах, рудниках и фабриках» (Игнатова 2009: 41). Указывая на тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была направлена в Коми без согласования цифр между руководством региона и Москвой, Надежда Максимовна заключает: «политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов» (Игнатова 2009: 41). Последний тезис Н. М. Игнатовой представляется дискуссионным.

Поэтому мы считаем необходимым на конкретных примерах показать свое концептуальное видение проблемы. Наиболее удобно это сделать на примере вторичной компенсаторной репрессии, проведенной на территории Северо-Западной Сибири в 1942 г. Здесь интересны действия местных властей. 17 февраля 1942 г. Ханты-Мансийский окружной комитет ВКП (б) утвердил план размещения 4 000 семей переселенцев (ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 632. Л. 101). Не совсем понятно почему, но лишь 28 сентября 1942 г. было принято совместное постановление Омского обкома и облисполкома «О приеме и расселении 10 тысяч спецпереселенцев в Северные районы области» (ИсА. ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 4—6), в тексте которого, несмотря на заглавие, речь шла лишь о районах Ханты-Мансийского округа, хотя к тому времени спецпереселенцы были завезены уже и на Ямал.

В реальности при проведении вторичной репрессии на территорию Северо-Западной Сибири было завезено 13 513 человек (в

Ханты-Мансийский округ — 6 924; Ямало-Ненецкий — 6 589 спецпереселенцев) (ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 116).

Из этих данных видно, что местные власти не владели информацией о количестве переселенцев, подлежащих заводу. Но почему реальные цифры завоза людей оказались совершенно иными? Ответ заключается в том, что еще 1 января 1942 г. заместитель наркома внутренних дел Чернышев в своих «замечаниях» к проекту постановления СНК и ЦК ВКП (б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (в рамках которого осуществлялись вторичные репрессии) посчитал целесообразным «сократить количество переселяемых в пределах Омской области до 3 тыс. семей — 10—12 тыс. человек» (Спецпереселенцы в Западной Сибири 1996: 131). Из данных о количестве реально завезенных видно, что «замечания» Москвы оказались решающими, а регионы выступали в роли пассивных получателей рабсилы.

Судьба переселения 1943 г., формально отмененного в связи с неспособностью рыбопромышленных предприятий обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия прибывающим спецпереселенцам, подтверждает наше мнение (Иванов 2008: 234—239). Управляющий Омгосрыбтрестом В. П. Боганов считал, что реальной причиной отмены переселения является нежелание областного руководства выделять необходимую рабочую силу (ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 22. Л. 139). Если мы посмотрим на данные события в более широком контексте, то увидим, что по той же формальной причине в 1943 г. было отменено переселение на территории Красноярского края (Зберовская 2006: 92). Это позволяет говорить о том, что и в данном случае все решила Москва. Таким образом, политика спецпереселения строилась исходя из экономических потребностей Москвы.

Можно выделить также ряд мероприятий органов власти, которые свидетельствуют о том, что депортация не была орудием геноцида или маргинализации населения: выделение правительством специальных продовольственных и промтоварных фондов и стройматериалов; принятие органами власти актов, направленных на нормализацию материального положения репрессированных; воссоединение с санкции НКВД разрозненных депортацией семей; проведение на общих основаниях идеологической и культурно-

массовой работы, а также школьного и производственного обучения; сохранение депортированными коммунистами и комсомольцами своего додепортационного статуса с возможностью вступления в партию (до начала 1950-х гг.) и ВЛКСМ (с ограничениями); предоставление опытным производственникам и управленцам работы в тех структурах (в т.ч. в партийно-советских органах), где их навыки были востребованы (Иванов 2014).

В то же время интересы советской власти не ограничивались лишь экономикой, обеспечением социально-бытового и трудового устройства. Известный американский историк Стивен Коткин справедливо указывает на то, что еще в 1936 г. в речи, посвященной новой Конституции, Сталин объявил о «ликвидации эксплуататорских классов» и сохранении в СССР только двух классов, «рабочих и крестьян, и прослойки интеллигенции, которые радикально изменились благодаря ликвидации эксплуатации» (Kotkin 1995: 341). Спустя более чем 20 лет, уже после развенчания «культы личности», в период «оттепели», работники Центрального статистического управления СССР, по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г., продолжали говорить «сталинским языком», заявляя что «в Советском Союзе нет эксплуататорских классов, и социалистическое общество нашей страны состоит из двух дружественных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства. Значительное место в населении Советского Союза занимает интеллигенция — работники умственного труда, численность которых составляет одну пятую часть населения, имеющего занятия» (Численность, состав, и размещение населения 1961: 39).

Если мы вспомним, что за 20-летие, включающее годы пребывания на спецпоселении (1944—1956 гг.), число представителей рабочего класса среди чеченцев выросло в 5 раз, среди ингушей — в 15 раз (!) (Кузнецова 2005), а среди калмыков, только за 5 лет пребывания на поселении, — в 2,5 раза (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136, 139, 241—242, 247; Максимов 2007: 31), то станет понятно, что являлось целью государственной политики спецпереселения.

Нужно полагать, что основной целью было «вылепливание правильного населения» посредством корректировки социально-классовой структуры, поскольку в соответствии с марксистской доктриной «носителем

социализма» и одновременно главной движущей силой на пути общества к коммунизму считался рабочий класс, который и должен был стать основой для будущего бесклассового общества. При этом нужно учитывать (в соответствии с замечаниями Терри Мартина), что русский язык и русская культура были наиболее очевидными параметрами советского единообразия, потому что русских было больше и потому, что «русскость воспринималась как наиболее прозрачная, без особого значения, и тем самым равная модернизации...» (Муканова 2009: 69). Поэтому политика государства носила оттенок русификации, хотя не была ей тождественна.

Отечественный вариант перехода к индустриальному обществу под патронатом государства осуществлялся в условиях приоритетного решения военно-стратегических и экономических вопросов (Шиловский 2010: 110). В случае с депортациями народов это приводило к игнорированию социальных, в том числе национальных, особенностей и ускорению ассимиляционных процессов в среде репрессированных, дисперсно расселенных в иноэтничной среде.

Мы полагаем, что государство добивалось не уничтожения отличительных этнических черт калмыцкого народа, а формирования из представителей «наказанных народов» населения, состав которого гарантировал его лояльность режиму. Не случайно для выстраивания «правильной» структуры населения власть пошла на воссоединение

малых семей, являвшихся нормой для социалистического общества. В качестве регулятора состава населения, инструмента интервенции в социальную среду властями использовался административный надзор, гарантировавший проведение мероприятий государственной политики в отношении спецпереселенцев (в т.ч. жесткое предписание сфер и мест приложения труда). Он обеспечивал чистоту формируемой в ходе «общественно-полезной» деятельности социальной среды, являясь инструментом контроля за рабсилой, позволявшим отделить «вредные элементы» от «здорового ядра».

Таким образом, принудительное выселение и спецпоселение были единым комплексом мер, обеспечивавшим формирование необходимого государству состава населения. Поэтому, мы полагаем, советской властью проводилась существенно видоизменившаяся, но в своей основе унаследованная с царских времен политика формирования состава населения, именуемая П. Холквистом «политикой населения» (Холквист 2011). Насильственные методы проведения «специальных мероприятий» (депортации, спецпоселение) и попрание правовых норм придавали действиям сталинского государства (и Сталина как его фактического руководителя) репрессивный характер, делали их незаконными и преступными, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям.

ЛИТЕРАТУРА

- Белковец Л. П. 2003. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1955 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: СО РАН. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484.
 ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 632.
 ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10.
 ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 22.
 Зберовская Е. Л. 2006. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940—1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск.
 Иванов А. С. 2014. «Изьять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943—1959 гг.). Москва: РИСИ.
 Иванов А. С. 2008. Судьба переселения 1943 г. на Югорскую землю как показатель мотивации осуществления принудительных миграций в годы войны // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов II региональной молодежной науч. конф. Новосибирск, 234—239.
 Игнатова Н. М. 2009. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. ИСА. ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3268.
 Кузнецова А. Б. 2005. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957—1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Дис. ... канд. ист. наук. Москва // <http://annyku.narod.ru/disser.htm> (2015. 07 май).
 Максимов К. Н. 2007. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Москва: Наука.
 Максимов К. Н. 2009. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943—1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Элиста: ГУ Издательский дом «Гэрэл». Т. 2.
 Муканова А. С. 2009. Эволюция взглядов на феномены нации и национализма в контексте советской национальной политики // Уральский исторический вестник 4 (25), 65—71.

- Полян П. М. 2005. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928—1953. Москва: Демократия, 5—19.
- Рачева Е. 2015. Иосиф Виссарионович Грозный // Новая газета. 2015. 6 апреля (№ 35) // <http://www.novayagazeta.ru/society/67936.html> (2015. 07 май).
- Спецпереселенцы в Западной Сибири (1939—1945): Сб. документов. 1996 / Данилов В. П., Красильников С. А. (сост.). Новосибирск: Экор.
- Холквист П. 2011. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Суни Р., Мартин Т. (ред.). Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Москва: РОССПЭН, 139—179.
- Численность, состав, и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения СССР. 1961 / Чупрова Е. С. (ред.). Москва: Госстатиздат ЦСУ ССР.
- Шадр А. А. 2002. Этническая ссылка как инструмент советской национальной политики (1940—1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 224—248.
- Шиловский М. В. 2010. Этносоциальные процессы в Сибири: реформы в контексте формирования российской идентичности XVII—XX веков // Вестник НГУ. Т. 9. Вып. 1, 104—112.
- Kotkin S. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИТО	—	Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАХМАО	—	Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ИсА ОО	—	Исторический архив Омской области

REFERENCES

- Belkovets L. P. *Administrativno-pravovoye polozheniye rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941—1955 gg.: Istoriko-pravovoye issledovaniye* [Administrative and legal status of Germans in special settlements of Russia in 1941—1955: A historical and legal study]. Novosibirsk: Siberian department of Russian Academy of Sciences, 2003 (In Russian).
- The State Archive of the Russian Federation. Fund 9479. Inventory 1. Case 484 (In Russian).
- The State Archive of Socio-Political History of Tambov region. Fund 107. Inventory 1. Case 632 (In Russian).
- The State Archive of Khanty-Mansyisk Autonomous Area. Fund 118. Inventory 2. Case 10 (In Russian).
- The State Archive of Khanty-Mansyisk Autonomous Area. Fund 118. Inventory 2. Case 22 (In Russian).
- Zberovskaya E. L. *Spetsposelentsy v Krasnoyarskom kraye (1940—1950-ye gg.)* [Special settlers in Krasnoyarsk Region: A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Krasnoyarsk, 2006 (In Russian).
- Ivanov A. S. “Izlyat, kak antisovetskiy element...”: Kalmyki v gosudarstvennoy politike (1943—1959 gg.) [“Remove as being an anti-soviet element...”: The status of the Kalmyk in state policy]. Moscow: Russian Institute of Strategic Research. 2008 (In Russian).
- Ivanov A. S. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical studies in Siberia: problems and prospects]. Novosibirsk, pp. 234—239 (In Russian).
- Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930—1950-e* [Special settlers of the Komi Republic of 1930-1950s]. Syktyvkar: Komi Centre of Ural department of Russian Academy of Sciences, 2009 (In Russian).
- Research Archives (IsA). Fund. Protocol-17. Inventory 1. Case 3268 (In Russian).
- Kuznetsova A. B. *Etnologicheskie protsessy v Checheno-Ingushskoy ASSR v 1957—1990 gg.: posledstviya deportatsii i osnovnye aspekty reabilitatsii chechentsev i ingushey* [Ethno-political events of Chechen-Ingush ASSR of 1957-1990s: deportation outcome and basic rehabilitation prospects of the Chechen and the Ingush: Thesis for the degree of the Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2005. <https://annyku.narod.ru/dissert.htm> (Accessed May 7, 2015) (In Russian).
- Maksimov K. N. *Velikaya Otechestvennaya Voyna: Kalmykiya i kalmyki* [The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyk people]. Moscow: Nauka, 2007 (In Russian).
- Maksimov K. N. *Istoriya Kalmylii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia through the ages], vol. 2 (2009) (In Russian).
- Mukanova A. S. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], no. 4 (25) (2009): 65—71 (In Russian).
- Polyan P.M. *Stalinskie deportatsii. 1928—1953* [Deportations made by Stalin. 1928—1953]. Moscow, 2005. p. 5-19 (In Russian).
- Racheva E. *Iosif Vissarionovich Grozniy* [Josef Stalin the Terrible]. *Novaya gazeta*, no. 35 (2015). <http://www.novayagazeta.ru/society/67936.html>, (Accessed May 7, 2015) (In Russian).
- Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri (1939—1945)* [Special settlers of West Siberia of 1939-1945: A collection of papers]. Compiled by Danilov V.P., Krasilnikov S.A. Novosibirsk: Ekor, 1996 (In Russian).
- Holkvist P. *Gosudarstvo natsiy: imperiya i natsionalnoye stroitelstvo v epokhu Lenina i Stalina* [A state of nations: Imperia and national development in the times of Lenin and Stalin]. Moscow: ROSSPEN, 2011. p. 139—179 (In Russian).
- Chislennost, sostav i razmeshcheniye naseleniys SSSR. *Kratkiye itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya SSSR* [Population size, composition and distribution in the USSR. Summary of all-Union USSR census]. Moscow: Gosstatizdat. 1961 (In Russian).
- Shadr A. A. *Ural i Sibir v stalinskoj politike* [Urals and Siberia in Stalin's policy]. Novosibirsk: Sibirsky khronograf. p. 224—248 (In Russian).
- Shilovski M. V. *Vestnik Novosibirskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University], vol.9, issue 1 (2010): 104—112 (In Russian).
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.

*A. S. Ivanov
Surgut, Russia*

STALIN'S POLICY TOWARDS THE «PUNISHED PEOPLES» (1940s — 1950s): GENOCIDE, ASSIMILATION OR A «POPULATION POLICY»?

Abstract. The study is an attempt to comprehend the essence of Stalin's policy in respect of the «punished peoples». The study of historical research sources speaks for the diverse and often polar views concerning deportation and special settlements of those times.

The author points out a number of activities arranged by the authorities suggesting that deportation was not a way of genocide or marginalization of the population. Such activities include allocating special food and manufactured goods; adopting a number of acts aimed at improving the financial state of the repressed population; reuniting the deported families with the approval of the NKVD; conducting ideological and cultural activities and events, school and industrial training; preserving pre-deportation status of Kalmyk communists and Komsomol members enabling them to join the Communist Party (before the 1950s) and the Komsomol (with limitations); providing jobs for skilled production workers and managers in relevant fields where their skills are required, including Communist Party organizations.

This paper emphasizes that state authorities had no intention of destroying distinctive ethnic features of the Kalmyk people. Rather, the goal was to develop a community of deported people loyal to the regime. There is no accident that the authorities made efforts to reunite the uprooted families, which is a norm for a socialist society, in order to develop the «proper» social structures.

There is a point in believing that the major purpose was «to develop the proper population» by means of adjusting social and class structures. In accordance with the Marxist doctrine, the working class was considered as «the carrier of socialism» and the main driving force on the way to communism. Thus, the working class was supposed to become the basis for the future classless society. Therefore, it is not surprising that over 20 years, including the years spent in special settlements (1944—1956), the number of workers increased 5 times among the Chechen, 15 times (!) among the Ingush and 2.5 times among the Kalmyk within only 5 years of living in the settlements. It becomes clear that this process was the goal of the state policy.

Thus, the forced relocation of the «punished peoples» and special settlements were a set of measures to ensure the development of «proper» communities. The Soviet authorities, therefore, pursued a policy of developing a certain composition of the population, which is referred to as the «population policy» by as P. Kholkvist.

Key words: deportation; repression; punished peoples; specialsettlers; genocide; assimilation; population policy.

About the author: Alexander Sergeevich Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanitarian and Economic Disciplines.

Place of employment: Surgut Oil and Gas Institute.

УДК 93/94

С. Н. Кистерев
Москва, Россия**О ДВУХ УСТАВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ГРАМОТАХ КОНЦА XVI В.
СОЛОВЕЦКОМУ МОНАСТЫРЮ**

Аннотация. Статья представляет собой продолжение серии работ, имеющих целью путем сопоставительного анализа положений уставных таможенных грамот выяснить степень изменчивости норм взимания таможенных пошлин на территории Русского государства на протяжении конца XV — первой половины XVII в. Объектом исследования явились две уставные грамоты 90-х гг. XVI столетия, изданные от имени царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича и призванные регулировать таможенные сборы в пределах вотчин Соловецкого монастыря на Белом море. Сравнение установлений обеих грамот сопровождается исследованием обстоятельств их появления и причастности к этому событию отдельных деятелей из числа монашеской братии Соловецкого монастыря. Изучение действенности декларируемых в уставных грамотах норм иллюстрируется сведениями, содержащимися в монастырских приходо-расходных книгах последнего десятилетия XVI в. Окончательное заключение подтверждает выводы, сделанные ранее на основании анализа уставных таможенных грамот Белозерского края (1497—1602 гг.), Калуги (1621 г.) и Курска (1620 г.).

Ключевые слова: Россия; Соловецкий монастырь; таможенные пошлины; уставные таможенные грамоты.

Сведения об авторе: Сергей Николаевич Кистерев, независимый исследователь, генеральный директор издательства «Альянс-Архео».

Место работы: издательство «Альянс-Архео».

Контактная информация: 105275, г. Москва, пр. Буденного, д. 47а, кв. 8; тел. 916 4237862; e-mail: otcherKi@yandex.ru

Распространенное в историографии мнение о многообразии и постоянной изменчивости норм взимания таможенных пошлин на территории Русского государства конца XV — первой половины XVII вв. в последнее время несколько поколеблено. Сопоставительное изучение текстов уставных таможенных грамот, относящихся к одному и тому же региону и отстоящих друг от друга промежуток в столетие, показывает принципиальную стабильность правил, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность таможенных учреждений и устанавливались размеры подлежащих взиманию пошлин (Кистерев 2007: 195—205; 2009b: 48—53). Более того, практикуемое по инициативе откупщиков или верных голов использование ранее изданных для городов центра страны нормативных документов в качестве образца при организации или восстановлении таможен на относительно недавно освоенных территориях естественным образом приводило к унификации пошлинных сборов на значительных пространствах южных уездов (Кистерев 2009a: 78—82; 2011: 284—286). Однако проведенные исследования не охватывают всего доступного комплекса уставных грамот и, соответственно, большого

числа пунктов извлечения таможенных доходов, потому уже полученные результаты остаются недостаточно репрезентативными для суждения о системе в целом. Отсюда возникает необходимость продолжения сравнительного изучения данных разновременных уставных документов, относящихся к одному и тому же региональному центру, или нескольких, действовавших синхронно в какой-то исторически сложившейся области.

На сей раз объектом нашего внимания должны стать две грамоты, полученные Соловецким монастырем на протяжении одного десятилетия и нормирующие сбор пошлин в беломорских владениях обители. Первая из них датирована 19 июня 1591 г. и дана от имени царя Федора Ивановича за подписью дьяка Андрея Щелкалова (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 136. Л. 191—196; Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 150. Л. 80 об. — 82 об.; ААЭ 1836a: 425—427, № 352; Материалы по истории Карелии 1941: 316—318, № 258; РНБ. Солов. № 18/1477. Л. 124 об. — 127 об.). Вторая, с датой 30 января 1599 г. и выданная от имени нового государя Бориса Федоровича, не имеет дьячей подписи (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 136. Л. 267—273; Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 150. Л. 115—118 об.; Досифей 1836:

64—70, № XVIII; Материалы по истории Карелии 1941: 365—368, № 293; Тебекин 1981: 217, № 368).

Особенностью данных нормативных актов, определяющих перечень и ставки таможенных пошлин, является то, что они составлены как жалованные грамоты. Это обстоятельство обуславливает отличие их формуляра от уставных грамот, выдававшихся городским таможенникам. Однако частичное несходство формуляра не меняет функционального назначения документов, каковым является нормирование сборов.

В июне 1591 г. монастырю по прошению игумена Иакова взамен новгородского двора с каменными палатами была пожалована половина Кемской и Пудожемской волостей. В качестве причины необходимости владения всей Кемской волостью Иаков выставлял потребность в устройстве сторожевых городков от нашествия немецких воинских людей. В этом вопросе монастырь встречал противодействие со стороны кемских волостных крестьян, отчего уже дважды, в 7087 и 7098 гг. от с.м., ратные люди беспрепятственно разоряли волость. Пожалование сопровождалось определением размера причитающихся в царскую казну платежей: «А Соловецкого монастыря игумену Иакову с братьею с тое Кемские волости и с Пудожемья, и с Пебоозера, и с Маслаозера, и со всее Кемские волости со крестьян, и с луков, и с соляных варниц, и с рыбных ловель, и с морских тонь, и с леших озер, и со всяких угодей, в нашу казну давати им дани и оброку, и за волостелин доход, и за тамгу, и за десятую рыбу, и за всякие наши доходы, по сту по тридцати по четыре рубли по двадцати по четыре алтыны с денгою на год; а тамгу и рыбную десятину в Кеми собирать с проезжих людей самим по нашей по уставной по таможенной грамоте; а платити им те наши оброчные денги на Москве в чети диака нашего Андрея Щелкалова, а дати им впервые тот оброк 100 году на Крещение Христово» (ААЭ 1836а: 428, № 353).

Примечательно, что если о владениях монастыря в Варзужской волости в таможенной грамоте говорится как о четверти, то указания на половинное владение в Кемской волости нет, и Кемская волость называется в целом владением монастыря. Это наводит на мысль о выдаче таможенной грамоты после жалованной вотчинной. В то же время, в грамоте на половину Кеми уже предписывается собирать

пошлины по уставной грамоте, что заставляет думать, будто таковая уже существует. Все-таки более предпочтительным кажется полагать, что именно пожалование половиной Кеми с упоминанием о порядке сбора тамги и рыбной десятины послужило поводом для игумена Иакова просить выдать дополнительно и уставную таможенную грамоту. Необходимость защиты кемских и прочих владений и содержания для этого ратных людей была насущной проблемой, которую, в первую очередь, и должны были бы решать монастырские власти. Буквально в момент получения грамот Иаковым в монастырских владениях годовали люди Смирного Шокурова и 40 черкас под командой Василия Халецкого¹ (Корецкий 1981: 242). В таком случае вотчинная грамота должна была предшествовать таможенной.

В записи позднее 15 декабря 1590 г. находим: «С старцем с Ыльею послан к Москве слуга Ждан Кузнецов, дан ему на рубашки рубль денег» (Приходо-расходные книги 2013: 349). Вероятно, отправленный в самом конце года старец Илья задержался в столице на относительно длительный срок, занимаясь, насколько можно понять, хозяйственными и финансовыми делами монастыря. Несколько далее в расходной книге читается: «Донскому казаку Ивану Иванову сыну Пьяного заплачено 100 рублей, что у него старец Илья занял на Москве» (Приходо-расходные книги 2013: 349). Столь солидное заимствование, видимо, было связано с непредвиденными обстоятельствами, иначе трудно представить, почему деньги не были взяты еще при отъезде из монастыря. При этом одна из нижеследующих записей сообщает о выдаче игумену Иакову небольшой суммы для милостыни нищим, что дает основания считать местом его пребывания в это время Соловки. Следовательно, старец Илья занимал деньги у казака с тем, чтобы расходовать их самому, будучи в Москве в это время самостоятельной фигурой, возглавляя московское монастырское подворье².

Полученной сотней рублей не ограничивались средства, находившиеся в распоряжении Ильи. В монастыре казакам Василия Халецкого были выплачены 12 рублей 20 алтын взамен денег, посланных из Москвы с

¹ Расходная книга монастыря уточняет число черкас — 34 человека, кроме самого Василия, — и определяет затраты на их содержание в 93 рубля (Приходо-расходные книги 2013: 342).

² Его преемником осенью 1592 г. станет старец Архип (Приходо-расходные книги 2013: 573).

монастырским слугой Михаилом Малым. Последний, не желая рисковать в дороге значительной суммой, оставил деньги старцу Илье, получившему, таким образом, дополнительные деньги для покрытия возможных расходов (Приходо-расходные книги 2013: 349)¹.

Высокое место руководителя московской монастырской службы в сочетании с необходимостью срочного займа крупной денежной суммы в первой половине 1591 г. позволяет видеть в старце Илье получателя жалованных Соловецкому монастырю грамот, а в заимствованных у И. И. Пьяного деньгах — обеспечение расходов, связанных как с состоявшимся церковным собором, так и с оформлением документов — вотчинной и таможенной грамот.

Вторая из таможенных грамот — 1599 г., — появилась в связи с потребностью иметь документ, выданный от имени нового царя. Летом 1598 г. игумен Исидор и старец Протасий «ездили к Москве для монастырского дела» (Приходо-расходные книги 2013: 449). Игумен должен был принять участие в соборе, утвердившем Бориса Годунова на царстве, и его присутствие удостоверяется подписью на грамоте² (ДРВ 1788: 112, 120; ААЭ 1836b: 42, № 7). Однако на итоговом соборном акте подписи Исидора нет, что, видимо, свидетельствует об отъезде игумена из столицы, зато присутствует подпись старца Вассиана Напольского³ (ДРВ 1788: 115, 126; ААЭ 1836b: 47, № 7). О Вассиане находим запись в приходной книге 1598/99 г.: «Взято у соловецкого старца Васьяна Напольского, что у него осталось от московские службы за розходом, денег 26 рублей 31 алтын. Взято у Васьяна же старца, что он привез с Москвы Троицы Живоначальные Сергиева монастыря от келаря, соловецкого постриженника, старца Акакия вкладом денег 12 рублей. Да у Васьяна же старца взято, что он привез с Москвы от

Акакия же старца за казенной шатер 3 рубли денег» (Приходо-расходные книги 2013: 411). С Акакием Вассиан встретился на соборе: подпись троницкого келаря стоит под актом⁴ (ДРВ 1788: 114, 125; ААЭ 1836b: 47). Поскольку подписи на экземпляре грамоты собирались в январе-феврале 1599 г. (Скрынников 1981: 123—124; Павлов 1978: 213—214, прим. 46) или даже до апреля того же года (Солодкин 2013: 144—145), можно считать, что еще в зимние месяцы 1599 г. Вассиан находился в Москве, почему получение новой таможенной грамоты, датированной 30 января, без него не обошлось.

Таким образом, относительно недавно, в 1591 г., установленный порядок взимания таможенных пошлин в монастырских владениях на Беломорье мог быть изменен правительством уже спустя восемь лет, будь в этом какая-то потребность. Сравнение текстов двух уставных грамот показывает, что дело обстояло иначе.

Документ 1591 г. повествует, что его появление стало следствием инициативы монастырских властей, обратившихся с просьбой о предоставлении им права сбора таможенных пошлин. Мотивируя свою просьбу, игумен Иаков с братьею указали, что монастырь платит с Кемской, Сумской, четверти Варзужской и других поморских волостей в четверти дьяка Андрея Щелкалова в Москве таможенную пошлину, явку и сбор за рыбную десятину вместе с данными и оброчными деньгами в соответствии с оброчными грамотами и «по книгам». В то же время в те же волости приезжают торговые люди (поморцы, каргопольцы, двиняне, новгородцы, заонежцы и прочие), торгуют собственными товарами, покупают местные соль, рыбу и иное, но пошлин ввиду отсутствия у монастыря таможенной грамоты не платят. Естественно, монахи постарались восстановить справедливость, как они ее понимали, и их стремление не осталось без внимания правительства. Грамота предписала осуществлять сбор пошлин с приезжих торговых людей и их товаров.

Документ 1599 г. в своем начале излагает ту же историю, только в просьбе соловецких

¹ Действия Михаила Малого напоминают операции с аккредитивом. Внесение суммы в одном пункте с тем, чтобы получить ее же в другом, избегая опасности утраты денег ввиду дорожных превратностей, часто осуществлялось в практике денежных расчетов. См., например, такую же операцию печенгских старцев в 1580 г. (Приходо-расходные книги 2013: 174).

² Перечень участников собора 1598 г. об избрании Бориса Годунова на царство, читающийся в тексте утвержденной грамоты, составлен во второй половине июля 1598 г. (Мордовина 1970: 135).

³ О Вассиане подробнее см.: (Панченко 2006: 722—724). Участие Вассиана в выборном соборе О. В. Панченко не отмечено.

⁴ Р. Г. Скрынников, указывая на несоответствие между перечнями и подписями членов собора, полагал, что «невозможно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом» (Скрынников 1983: 130). Нетрудно заметить, что старцы Вассиан и Акакий были непосредственными участниками всех событий.

обитателей среди монастырских владений фигурируют еще и по четверти Умбской и Керетской волостей, указание на которые дописано над строкой основного текста другой рукой и отличающимися по цвету чернилами. Эту дописку нельзя признать правкой подлинного документа в выдавшей его инстанции, поскольку несколько ниже перечисление волостей дано в прежнем, кратком виде. Следовательно, дополнение сделано позднее и вряд ли официальной структурой, хотя существенно влиять на ареал пошленного сбора не могло ввиду тут же читающегося неопределенного «и в ыные их поморские волости».

Просьба, на сей раз игумена Исидора, о переписке грамоты на имя нового государя была также уважена, почему и появился документ 1599 г.

Обе грамоты предписывали собирать тамгу, явку и рыбную десятину. С приезжих людей полагалось по семи денег с рубля, а с крестьян монастырских волостей — всего лишь по две деньги. С конного человека причиталось еще «полозового явки» две деньги, а пешеход обязан был уплатой вдвое меньше. Торговля без явки монастырским приказным людям запрещалась, как и складирование товаров в амбарах.

Продажа лошадей облагалась сбором по две деньги с купца и продавца, тогда как за куплю-продажу коровы оба контрагента платили только по деньге. Примечательно отсутствие в тексте обычных для подобных статей о сборах терминов «пятно» и «роговое», хотя в собственно монастырской хозяйственной документации они употреблялись. Например, в приходной книге 7107 г. от с.м. записано: «Взято Кемьские волости у монастырьсково крестьянина таможенного целовальника у Федора Жолны, что он привез ис Кеми десятинных, и таможенных, и пятенных, и явочных, и роговых денег на 107-й год, 54 рубли 9 алтын 2 денги» (Приходо-расходные книги 2013: 419). Следовательно, использование этой терминологии в повседневной практике не было обусловлено требованиями уставных документов.

Прибытие в волости в ладье, сойме или карбасе с остановкой на ночлег предполагало уплату «наслежного» по деньге со всякого человека. Если же ночевка не планировалась, то плата не должна была взиматься.

Продажа соли крестьянами монастырских волостей из варниц на морском побережье или

по рекам приезжим торговцам («гостем») обкладывалась сбором с покупателей по семи денег с рубля, а с продавцов — по две деньги с рубля. Интересно совпадение нормы платежа при сделках с солью и при торговле другими товарами. Фактически, в соловецких грамотах пошлина с продавца соли выступает как обычная рублевая, не связанная со взвешиванием и расфасовкой товара, как это наблюдается в некоторых других регионах, например, в Тотьме или Нижнем Новгороде, судя по документам более позднего времени (Кустерев 2003: 152, № 104; 2013: 310—312).

Крестьяне монастырских волостей и приезжие люди, будь они даже казаками или бобылями, занимающиеся ловлей семги, лосося или тинды, обязывались уплатой десятой рыбы.

Особо оговаривался порядок сборов в монастырской четверти Варзужской волости, где тамга, явка и десятина должны были поступать в пользу монастыря, помимо волостных крестьян и в соответствии с положениями таможенной грамоты, поскольку монастырь за свои владения в волости все пошлины платил самостоятельно в Москве. О размерах этих доходов в начале 90-х гг. XVI в. дает представление запись в приходной книге 1593 г., согласно которой «взято у старца Исаяя Вятки таможенных варзуских денег 3 рубли 10 алтын, что собрано зимою 102-го году после старца Измайла» (Приходо-расходные книги 2013: 362). В 1593 г. старец Карион прислал с Варзуги таможенных денег уже 23 рубли 15 алтын (Приходо-расходные книги 2013: 365).

Уклонение от уплаты тамги со стороны приезжих торговцев или жителей монастырских волостей наказывалось штрафом в два рубля, если же вся стоимость товара была меньше такого штрафа, то нарушитель был обязан уплатить рубль.

Привоз спиртного не возбранялся, но торговать им было запрещено. Доставленное вино подлежало опечатыванию и возвращению владельцу без уплаты пошлин при его отбытии. Противозаконная торговля вином наказывалась двухрублевым штрафом.

Приведенные нормы в обеих грамотах представлены одинаково, и, за исключением лексических вариантов, не наблюдается никаких различий между документами. Следовательно, как и декларировалось, пожалование царя Федора Ивановича было попросту переписано от имени его преемника на троне. Таким образом, можно заключить, что правительство не стремилось в конце 90-х гг.

XVI в. изменить существовавшие с начала того же десятилетия нормы торговых пошлинных сборов на территории поморских волостей, находившихся в обладании Соловецкого монастыря. То есть в этом отношении в данном обширном по площади районе наблюдалась

определенного рода стабильность. И у правительства было тем менее оснований стараться каким-то образом нарушить ее, что декларируемые грамотами 1591 и 1599 гг. доходы должны были пополнять не царскую, а монастырскую казну.

ЛИТЕРАТУРА

- ААЭ. 1836. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- ААЭ. 1836. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. № 136.
- Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. № 150.
- Досифей*. 1836. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 3. Москва: Университетская типография.
- Кистерев С. Н.* 2003. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. Москва: Древлехранилище.
- Кистерев С. Н.* 2007. Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Павлов А. П. (сост.). Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. Санкт-Петербург: Наука, 195—205.
- Кистерев С. Н.* 2009а. Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в. // Раздорский А. И. (сост.). Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сб. материалов Второй международной науч. конф. (Курск, 2009 г.). Курск: Курский государственный университет, 78—82.
- Кистерев С. Н.* 2009б. Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Вестник Нижневартского гос. гуманитар. ун-та. Вып. 2, 48—53.
- Кистерев С. Н.* 2011. География уставных таможенных грамот и формирование единого экономического пространства в Европейской России первой трети XVII в. // Румянцев М. Ф. (отв. ред.). Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII Международной науч. конф. (г. Москва, 27—29 января 2011 г.). Москва: Российский гос. гуманитар. ун-т, 284—286.
- Кистерев С. Н.* 2013. Нижегородский конфликт московских гостей в 1619 году // ОФР. Вып. 16. Москва—Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 310—312.
- Корецкий В. И.* 1981. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 год. Москва: Наука.
- Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. 1941 / Гейман В. Г. (ред.). Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, № 258, 361—318.
- Мордовина С. П.* 1970. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 год. Москва: Наука.
- ДРВ. 1788 / Новиков Н. (изд.). Ч. 7. Москва: Типография Компании Типографической.
- Павлов А. П.* 1978. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Ленинград: Наука.
- Панченко О. В.* 2006. Книжники Соловецкого монастыря XVII в. Статья 1. 1620-е — нач. 1640-х гг. // ТОДРЛ. Т. 57. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 722—724.
- Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571—1600 гг. 2013 / Французова Е. Б. (сост.). Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- РНБ. Солов. № 18/1477.
- Скрынников Р. Г.* 1981. Россия накануне «Смутного времени». Москва: Мысль.
- Скрынников Р. Г.* 1983. Борис Годунов. Москва: Наука.
- Солодкин Я. Г.* 2013. О датировке поздней редакции «Утвержденной грамоты» Земского собора 1598 года // Дорони А. В., Назаров В. Д. (отв. ред.). Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII вв: Международная науч. конф. Тезисы докладов (г. Москва, 7—10 октября 2013 г.). Москва: Артпоход, 144—145.
- СПБИИ РАН. Кол. 2. № 136.
- Тебекин Д. А.* 1981. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. Ч. 2 // АЕ за 1979 год. Москва: Наука.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СПБИИ РАН	—	Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
РНБ	—	Российская национальная библиотека
ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи
		Археологическою экспедициею Императорской Академии наук
АЕ	—	Археологический ежегодник
ДРВ	—	Древняя российская вивлиофика
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы
ОФР	—	Очерки феодальной России

REFERENCES

Arkheologicheskiye akty ekspeditsii [Archaeological Expedition Acts], vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoy Ego imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 1836 (In Russian).

- Arkheologicheskiye akty ekspeditsii [Archaeological Expedition Acts], vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoy Ego imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 1836 (In Russian).
- Archive of Saint Petersburg History Institute of the Russian Academy of Sciences. Collection 2. No. 136 (In Russian).
- Archive of Saint Petersburg History Institute of the Russian Academy of Sciences. Collection 2. No. 150 (In Russian).
- Dosifey*. Geograficheskoye, istoricheskoye i statisticheskoye opisaniye Solovetskogo monastyrya [Geographic, historical and statistical description of the Solovetsky Monastery]. Part 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 1836 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Normativniye dokumenty tamozhennykh uchrezhdeniy gorodov Ustyuzhskoy chetverti kontsa XVI-nachala XVII v. [Regulations of customs authorities in Ustiug cities in late 16th – early 17th century]. Moscow: Drevlekhranilishche. 2003 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV — nachala XX veka [Russian state and society in the 15th — early 20th centuries]. Saint Petersburg: Nauka, 2007. p. 195—205 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI—XIX vv. [Trade, merchantry and customs services in Russia in the 16th — 19th centuries]. Kursk: Kursk State University, 2009a. p. 78—82 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], vol. 2 (2009b): 48—53 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve [Historical geography: a space of men and men in their space]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011b. p. 284—286 (In Russian).
- Kisterev S. N.* Nizhegorodskiy koflikt moskovskikh gostey v 1619 godu [A conflict of Moscow visitors in Nizhny Novgorod in 1619]. In: Ocherki feodalnoy Rossii. Issue 16. Moscow—St Petersburg: Alliance Arkheo, 2013. p. 310—312 (In Russian).
- Koretsky V. I.* Solovetsky letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky chronicle in the late 16th century]. In: Letopisy i khroniki 1980. Moscow: Nauka, 1981 (In Russian).
- Materialy po istorii Karelii XII—XVI vv. [Materials on the history of Karelia in the 12th — 16th centuries], no. 258 (1941): 361—318. (In Russian).
- Mordovina S. P.* Arkheograficheskiy ezhegonik 1968 [Archeographical year-book 1968]. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian).
- Drevnyaya rossiyskaya vivliofika [Ancient Russian library]. Part 7. Moscow: Tipografiya Kompanii Tipograficheskoy, 1788 (In Russian).
- Pavlov A. P.* Vspomogatelniye istoricheskiye distsipliny [Auxiliary historical sciences], vol. 10 (1978) (In Russian).
- Panchenko O. V.* Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proc. of the Department of Early Russian History], vol. 57 (2006): 722—724 (In Russian).
- Prikhodo-raskhodniye knigi Solovetskogo monastyrya 1571—1600 gg. [Account books of the Solovetsky Monastery in 1571-1600]. St. Petersburg: Alliance-Arkheo, 2013 (In Russian).
- Russian National Library. Solov. No. 18/1477 (In Russian).
- Skrynnikov R. G.* Rossiya nakanune “Smutnogo vremeni” [Russia before the “Time of Troubles”]. Moscow: Mysl, 1981 (In Russian).
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov. Moscow: Nauka, 1983 (In Russian).
- Solodkin Ya. G.* Soslovnnoye predstavitelstvo v Rossii v kotekste evropeyskoy istorii. Vtoraya polovina XVI — seredina XVII vv. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 7-10 oktyabrya 2013. Tezisy dokladov [Social classes in Russia in the context of the European history in the second half of the 16th — middle 17th centuries. Abstracts of proceedings of the international conference on 7-10 October 2013]. Moscow: Artpokhod Moskva, p. 144—145 (In Russian).
- Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. Collection 2. No. 136 (In Russian).
- Tebekin D. A.* Arkheograficheskiy ezhegonik [Archeographical year-book], Part 2. Moscow: Nauka, 1981 (In Russian).

S. N. Kisterev
Moscow, Russia

ON TWO CUSTOMS CHARTERS IN THE LATE XVITH CENTURY SENT TO THE SOLOVETSKY MONASTERY

Abstract. The paper is part of a series of works studying the way customs duties changed at the territory of Russia through the period of late 15th — early 17th centuries via a comparative analysis of customs charters. Here the author studies two charters dated 1590s issued on behalf of Russian Tsars Fyodor Ivanovich and Boris Fyodorovich to control the customs duties in fiefdoms of the Solovetsky Monastery located on the banks of the White Sea. The author compares these two charters and considers the circumstances of their issue and the way the monks of the Solovetsky Monastery were related to the charters. The author uses the information contained the monastery account books of the later 17th century to illustrate the declared charters’ standards. The final conclusion confirms the analysis of customs charters discovered in Belozersk region (1497—1602), Kaluga (1621) and Kursk (1620).

Key words: Russia; the Solovetsky Monastery; customs duties; customs charters.

About the author: Sergey Nikolaevich Kisterev, Independent Researcher, Director General of Alyans-Arkheo publishing house.

Place of employment: Alyans-Arkheo publishing house.

УДК 908 (475.75) «19»

Е. В. Неделькин
Симферополь, Россия
В. В. Хапаев
Севастополь, Россия

СЕЛО ЧОРГУНЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена изучению истории села Черноречье (быв. Чоргунь), находящегося на территории города федерального значения Севастополь, в первой половине 20-х гг. XX в. Авторы на основе архивных данных изучили, как в одном из самых крупных на тот момент сел Балаклавского района города Севастополя протекали процессы установления советской власти, трансформации общественно-экономического уклада, формирования новых государственных и общественных институций. Также изучены демографические процессы, как в самом селе, так и в Балаклавском районе в целом. Отдельно рассмотрен вопрос административных изменений, затронувших Чоргунь, в рассматриваемый период.

Показан процесс преодоления продовольственного кризиса начала 20-х гг. XX в., пик которого пришелся на 1921—1923 гг. Как свидетельствуют изученные документы, в формировании и организации работы советских органов власти принимали участие как представители крымско-татарского, так и русского населения Чоргуня, но руководящие должности занимали, в основном, крымские татары, что отвечало проводимой в тот период политике «коренизации».

Ключевые слова: Черноречье; Чоргунь; Севастополь; Балаклавский район; XX век.

Сведения об авторах: Евгений Владимирович Неделькин¹, магистрант исторического факультета; Вадим Вадимович Хапаев², кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений.

Место работы: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского¹; филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе²

Контактная информация: 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4; e-mail: kafedra-tnu@mail.ru¹; 299001, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7, +7(8692) 48-79-07, e-mail: kdp@msusevastopol.net²

После того, как в Крыму в ноябре 1920 г. окончательно утвердилась Советская власть, Таврическая губерния была упразднена, а полномочия по управлению полуостровом перешли к Крымскому революционному комитету. На местах были созданы уездные, городские, волостные и сельские революционные комитеты (Бикова 2011: 132). 15 декабря 1920 г. выделен Севастопольский уезд (Государственный архив города Севастополя 2000: 178). В его составе 23 января 1921 г. был образован Балаклавский район. В состав района вошли населенные пункты: Балаклава, Бельбек (Фруктовое), хут. Манухина, хут. Кокораки, Камышлы, Шули (Терновка), Ай-Тодор (Гористое), Уппа (Родное), Чоргунь (Черноречье), Узенбаш (Хворостянка), Алсу (Морозовка), хут. Носова, Бага (Новобобровское), Саватка (Россошанка), Узунджа (Колхозное), эк. Мордвинова, Календо (Подгорное), Сахтик (Павловка), Байдары (Орлиное), Биюк-Мускомья (Широкое), Варнутка (Гончарное), ст. Укрепление, Кадыкой (Пригородное), Камара (Оборонное), Карань (Флотское) (Никитина 2007: 16). Самыми крупными населенными пунктами района, помимо Балаклавы (2 750 чел.) (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1.

Д. 28. Л. 14), были с. Чоргунь (1 336 чел.), Шули (1 270 чел.) и Уппа (600 чел.) (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87. Л. 1).

Острым вопросом в первой половине 1921 г. оставалось снабжение Балаклавского района и Севастополя топливом. Для его решения в районе была проведена специальная топливная кампания — «неделя топлива» (Никитина 2015: 61). Начало ей положил Приказ № 25 Севастопольского Уездного Военно-Революционного комитета от 14 января 1921 г., в котором говорилось:

§ 1. Все средства передвижения и рабочая сила сего числа мобилизуются для заготовки и перевозки топлива и поступают в ведение Рай-Вол-Сел-Ревкомов.

§ 6. В отношении § 1 настоящего приказа к Байдарскому подрайону прикрепляются: Биюк-Мускомья, Байдары, Скеля, Узунджа, Сахтик, Бага, Хайто, Календо, Саватка, Уркуста, хутора: Авлоха и Николаевка.

К прибрежному подрайону прикрепляются: с. Кадыковка, Камара, Балаклава, Варнутка, Кайто, Ласпи, Тессели и Форос.

К железнодорожному подрайону прикрепляются: Чоргунь (Верхний и Нижний), Шули, Кучки, Уппа, Инкерман, Бельбек, Камышлы,

Узенбаш, Ай-Тодор, Хаджа-Сала, Каралез, Сюрень (Верхняя и Нижняя), Теберти, Отаркой, Биюк-Отаркой, Заланкой, Черкез-Кермен, Сююрташ, Дуванкой, Адым-Чокрак, Маркур, Коккозы, Коклуз и Янджу, Алсу (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 21. Л. 5).

Одним из первых мероприятий советской власти в Чоргуне была организация одноименного совхоза. Событие, казалось бы, положительное, направленное на благо народа, но на практике оказалось иначе. О неотлаженности управления такими вопросами, а может быть и бездарности руководства, свидетельствует обращение в Балаклавский Продком управляющего совхозом «Чоргунь» от 25 февраля 1921 г., в котором говорится, что в это время в нем было 96 чел. (служащие, рабочие и их семьи), и хотя они и состояли на довольствии «при Севастопольском Уземотделе, но до настоящего времени, кроме продовольственной муки и табака, ничего не получали». Далее следует, что всего один раз был выдан сахар «на едаков» по ½ фунта. Из повседневной пищи была одна мука. Люди начали болеть, «все истощены от работы и без пищи», опасались начала эпидемий и цинги. Были также проблемы с одеждой и обувью (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27. Л. 37).

30 марта 1922 г. совхоз «Чоргунь» (в документах также встречается название «Бекорюково») был передан в арендное пользование Севастопольскому морскому заводу на основании соответствующего договора с Крымсовхозом. Данный участок был сдан в аренду сроком до 1 ноября 1930 г. 26—28 апреля 1923 г. совхоз был обследован инспектором Представительства НК РКК по Севастопольскому округу.

В это время под пашней находилось 94 дес. земли, под сенокосом — 28 дес., под выгоном — 26 дес., под виноградником — 10 дес., под плодовыми садами — 34 дес., под огородами — 28 дес. Общая площадь засева озимых и яровых хлебов на момент обследования составляла 38% общей площади пахотной земли. Озимой пшеницы было засеяно 13 дес., ячменя — 5 дес., ярового овса — 18 дес. Остальные земли были заняты под усадьбой и хозяйственными постройками (7 дес.) и под кустарником. Неудобной земли насчитывалось 3 дес. Общая площадь совхоза составляла 507 дес.

В совхозе было 4 лошади и 8 волов. Из рабочего инвентаря имелось в наличии: плугов лемешных — 2 шт. и одноконных — 2 шт., борон — 2 шт., борон с железными зубцами — 4 шт., почвоуглубителей — 3 шт., сенокоси-

лок — 1 шт., молотилок — 2 шт., сортировок — 2 шт., веялок — 2 шт., соломорезок с приводом — 1 шт., двигателей: дизель в 14 л/с (значится в документах, но отсутствует), «Триумф» в 10 л/с (передан на мельницу соседнего бывшего хутора Колбасьева, находящегося в ведении Винтреста), «Болиндер» в 8 л/с, центробежных насосов — 2 шт.

Постройки совхоза «Чоргунь» состояли из 3 каменных флигелей, 1 каменной казармы (общежития), 1 амбара, конюшни на 8 лошадей, загона и навеса для скота, свинарни, птичника, подвалов: 1 винного и 1 продуктового, навеса, мучного амбара, гаража, плотницкой мастерской и винодельни. В совхозе было 2 «неисчерпаемых» колодца. Виноградник имел ограду: частично из камня, частично провололочную.

Административно-технический персонал совхоза: уполномоченный представитель Севморзавода, управляющий, конторщик, виноградарь (он же винодел), 3 садовника. Постоянных работников в совхозе был 31 чел., число временных рабочих достигало 70 чел. Сроки и размер выдаваемой заработной платы рабочим и служащим регулировались коллективным договором, заключенным с союзом «Рабземлес» (ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 580. Л. 13).

В апреле 1921 г. в доме Демотаса разместили читальню и канцелярию сельского Ревкома, а мельницы Лашкова и Александрова должны были быть взяты на баланс Упродкомом с назначением контролеров для «правильного распределения помольщиков» (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27. Л. 45). В августе сельсовет просил передать бывшие мельницы Лашкова, Колбасьева и Александрова для осуществления помола, при этом сельсовет обязался выполнить их ремонт (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27. Л. 157).

Упоминается Чоргунь и в приказе № 203 Севастопольского Уездревкома, изданного в апреле 1921 г., который касается распределения уроков на заготовку и вывоз топлива (дров) и «делового леса» на май-июнь. В частности, Верхнему и Нижнему Чоргуню было отведено 18 000 уроков на заготовку и 18 000 уроков на вывоз (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 28. Л. 100).

Важным событием в жизни села были выборы президиума в райсельревком. Так, «общее» собрание граждан Чоргуня (81 чел. от Чоргуня и 3 чел. от Алсу, 1 чел. от Кара-Кобы) избрало: предревкомом — Апаса Ибраима, тов. предревкома — Умера Мемета, секретарем — Пинчука Тита, уполномоченным от с. Алсу — Русенко Владимира, уполномоченным от

с. Кара-Коба — Павленко Ивана (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 23. Л. 116).

На заседании районной избирательной комиссии по выборам в сельские Советы 30 июля 1921 г. были определены границы каждого сельского Исполкома. В результате Чоргунь объединили с селами Алсу и Кара-Коба (общее количество населения которых составило 1 605 чел.). Выборы членов сельсовета Чоргуня состоялись 2 августа. На них явилось 250 чел. из 747 чел., имевших право голоса (АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 16. Л. 17, 25). По их результатам в сельсовет были выбраны: Михаил Забияко, Халил Куртумер, Сулейман Садула, Тит Пинчук, Джемиль Хайредин, Эмирсен Абдураман, Ефим Федорченко, Григорий Забияко, Фепен Пересыпкин, Семен Калабухин, Константин Яни. Председателем сельского Совета был избран Михаил Забияко, зам. предсовета — Сулейман Садула, секретарем — Ефим Федорченко (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 23. Л. 159).

Не забыла советская власть провести в 1921 г. детальную перепись населения и хозяйства Чоргуня. В этот период в селе было 243 двора, в которых проживало:

— мужчин: детей моложе 8 лет — 142 чел., от 8 до 15 лет — 126 чел., от 16 до 49 лет — 277 чел., 50 и более лет — 95 чел.;

— женщин: детей моложе 8 лет — 146 чел., от 8 до 15 лет — 130 чел., от 16 до 49 лет — 258 чел., 50 и более лет — 70 чел.

Общее число населения Чоргуня составляло 1 244 чел. (640 муж. и 604 жен.). 3 человека на момент составления ведомости служили в Красной армии.

Также за жителями Чоргуня числилось 222 рабочих и выездных лошади, 5 подростков старше одного года, 7 жеребят до одного года; 145 коров и 102 теленка до одного года. Из мелкого рогатого скота было 722 овцы и барашка, 222 козы и козла. Было и небольшое количество свиней, а именно: боровов старше одного года — 3, подростков старше четырех месяцев — 24, поросят моложе четырех месяцев — 44. Из птицы имелось 5 индеек, 152 куры, 10 гусей, 19 уток. Имелось у чоргунцев и 32 рамочных пчелиных улья.

Из «посевов хлебов» было: яровой и озимой ржи 20½ дес., пшеницы озимой 69¼ дес. и яровой 4½ дес., 2½ дес. овса и 117 дес. ячменя. Имелись и небольшие посадки картофеля в 2½ дес. Под садами было 215 дес., а под усадьбами 16 дес. земли. Всего же Чоргуню принадлежало 447¼ дес. земли, на которой находилось 463 строения жителей, как самого села, так и

подчиненных ему хуторов. Из рабочего инвентаря было 59 плугов, 2 молотильных катка, 157 лопат, 285 цапок, 69 кос и 84 вил.

В это же время в организованном при Чоргуне одноименном совхозе числилось 5 дворов (22 строения). Общее число жителей совхоза составляло 169 чел., из которых мужчин: детей до 8 лет — 9 чел., от 8 до 15 лет — 7 чел., от 16 до 49 лет — 90 чел., 50 и более лет — 1 чел.; женщин: детей до 8 лет — 6 чел., от 8 до 15 лет — 4 чел., от 16 до 49 лет — 51 чел., 50 и более лет — 1 чел.

В совхозе было 5 рабочих лошадей, 2 вола, 7 коров и 1 подросток старше одного года. Также имелось 8 свиней старше одного года, 10 — старше четырех месяцев и 7 поросят — моложе, 3 индейки, 31 кура, 5 уток и 23 рамочных пчелиных улья. Под посевами ячменя находилось 28 дес. земли, под картофелем — 1½ дес., под огородами — 2 дес., под виноградниками — 13 дес., под садами — 93 дес., под сенокосами — 35 дес., под паром — 103 дес., под усадьбами — 16¼ дес. Рабочий инвентарь составляли 5 плугов, 1 сеялка, 3 веялки, 350 лопат, 30 цапок, 1 коса, 3 бороны, 4 вил (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 47. Л. 87).

К осени 1921 г. положение населения ухудшилось: не смогли собрать натуральный налог с 68 домохозяйств (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 53. Л. 22), как было запланировано ранее. Хорошо иллюстрирует сложившиеся тяжелые условия протокол общественного собрания жителей Чоргуня от 24 ноября, где значится, что продналог на масло население выплатить не в состоянии, «мясо и шерсть некоторые лица не несут. Однокоровные хозяйства платить как масло, так и мясо не в состоянии, потому что скотина стоит без корма, а люди голодают без хлеба» (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27. Л. 59). Решение о невозможности выплаты продналога на масло было подтверждено и на собрании 5 декабря (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 23. Л. 31).

В результате с Чоргуня, Алсу и Кара-Кобы в 1921 г. был собран следующий продналог: из положенных 68 п. 17 ф. зерна было собрано 21 п. 27 ф., из 9 п. 20 ф. масла — 19¾ ф. (поступило от Кара-Кобы), из 14 п. 28 ф. шерсти — 8 п. 48 ф., из 491 шт. яиц — 360 шт. (109 шт. внесено Кара-Кобой), из 90 000 шт. орехов — 4 300 шт. Из причитавшихся 6 600 п. овощей собрали: 3 (?) п. яблок, 86 п. 18 ф. капусты, 3 п. 24 ф. картофеля, 1310 п. 22 ф. свеклы, 120 п. 22 ф. моркови, 113 п. 19 ф. тыквы. Также было сдано 7 п. 10 ф. петрушки (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 52. Л. 18; Д. 55. Л. 5; Д. 57. Л. 143—144).

18 октября 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет об образовании Крымской АССР в составе РСФСР. Ее территория была разделена на 7 округов: Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский (Административно-территориальные преобразования в Крыму 1999: 11; Федоров 1999: 5). В составе Севастопольского округа был выделен Чоргунский район, который состоял из Алсуйского (175 чел.), Каракубского (94 чел.), Кучского (400 чел.), Изенбашского (530 чел.), Ай-Тодорского (981 чел.), Уппского (600 чел.), Инкерманского (1 080 чел.) и Шульского (1 260 чел.) сельских Советов (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87. Л. 3, 6).

Тяжелый для села 1922 г. начался с незаконной вырубкой садов, что впоследствии еще больше отяжеляло жизнь крестьян, так как они потеряли часть будущего урожая фруктов. Однако мародер был арестован, а для его содержания первоначально использовали старинную Чоргунскую башню. В качестве надзирателей были избраны П. Дейнеко, И. Приходько, С. Забияко (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36. Л. 2).

Уже 22 января на общем собрании граждан Чоргуня председателем был избран Абибула Муждаба, а секретарем Ф. Приходько. 29 января секретарем избрали Загробскую Веру. Однако в начале марта от Балрайисполкома было получено извещение, что перевыборы проводятся только с разрешения Райисполкома, «чем и предлагает руководствоваться» (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36. Л. 3—4, 7). Также 17 марта милиционером был избран Халил Ибрагимов, а кандидатом — Смаил Ибрагимов. Но уже 17 апреля милиционером избрали Юнуса Радлу (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36. Л. 10, 12).

1922 г. для жителей Чоргуня был не менее тяжелым, чем прошлый. Поэтому 20 февраля было постановлено общим собранием села, чтобы «с сегодняшнего дня не пускать барашек на огороды, в случае нарушения взымалось 2 барашки в пользу голодающих». 25 марта председателем взаимопомощи избрали Асана Мемета (АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36. Л. 6, 13).

Дальше — хуже. На посевах в Балаклавском районе напала саранча. Все села района находились в критическом положении. В этот период в качестве помощи жителям Чоргуня было выдано 70 продовольственных пайков (Терещук, Шевякова 2007: 192–193).

Новый 1923 г. ознаменовался административно-территориальными изменениями, коснувшимися Чоргуня. 16 октября на

заседании пленума Севастопольского окружного исполнительного комитета было постановлено упразднить Чоргунский район, а вместо него создать сельсоветы. Первоначально в Чоргунский сельский Совет входили Чоргунь (1 359 чел.), Инкерман (1 080 чел.), Алсу (175 чел.) и Кара-Коба (94 чел.) (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87. Л. 55). Однако вскоре в его состав были включены еще 5 сел, и количество населения увеличилось до 4 877 чел., из которых мужчин — 979 чел., женщин — 1 751 чел., детей до 18 лет — 2 147 чел. В этническом плане население сельсовета было смешанным (ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 453. Л. 348).

Для организации помощи голодающим в 1923 г. все вакуфные земли были конфискованы и переданы в распоряжение Комитетов Взаимопомощи на местах. В начале февраля 1924 г. было удовлетворено заявление «бедных граждан» Верхнего и Нижнего Чоргуня о помощи продовольствием — постановили выдать с мельницы ржаной муки: Магбубе Эмир Усеинову на 3 души — 1 п. 20 ф.; Хатадже Вели на 4 души — 1 п. 20 ф.; Арзы Муждабе на 2 души — 1 п.; Айше Ягтя на 1 душу — 20 ф.; Марии Даниловой на 2 души — 1 п. (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 12, 16).

Были, однако, и положительные моменты. Так, жителей села обязали убрать все нечистоты «со дворов и улиц». Сельсовет ходатайствовал перед Севрайисполкомом о сооружении водопровода, который бы питал водой жителей Чоргуня из источника, находившегося на расстоянии не менее 100 саж. от центра села. Причиной этого, в частности, было большое количество заболевших малярией (до 20%) и глазными инфекциями (до 15%) в результате употребления воды из р. Черной. Также говорилось о необходимости обследования детей и остального населения и принятия мер по борьбе с комарами (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 33—34).

В мае был решен вопрос о поливе водой реки Суук-Су: с 20 мая жители с. Шули должны были пропускать воду в Чоргунь через каждые шесть дней на двое суток. Положительным моментом был и ремонт всех школ в селах сельсовета, выполненный к началу учебного года, а также открытие в Чоргуне дошкольной группы (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 47, 61, 70). В это время в селе уже существовал участок Балаклавского отделения уголовного розыска (Пашеня 2006: 97) и даже филиал Севастопольского музея краеведения (Веникеев 1993: 4).

1924 г. в истории Чоргуня ознаменовался еще и периодом активного перераспределения

собственности бывших «эксплуататоров». В марте было разрешено временно поселиться на даче Лейбмана Мурату Каджаеву, а на даче Дематаса — Склярено Григорию. В апреле сельсоветом был составлен план по использованию усадеб «неблагонадежных», который предусматривал:

1. Хутора Сапонько и Вязмитинова со всеми строениями и 12 дес. сада передать обществу Чоргуня для организации школы садоводства и огородничества.

2. Хутор Дематаса с «удобной землей» передать обществу для организации школы полеводства.

3. Хутор Колбасьева на данный момент конфискации не подлежал, а водяная мельница «ввиду денационализации» должна была быть возвращена прежнему хозяину.

4. Дом Лейбмана и деревянный навес передавались под склад сельсовета.

5. Усадьба Лашкова и Чоргунская башня передавались под общественный семенной фонд.

6. Дом Дематаса передать официально под школу, которая в нем уже находилась.

7. Дача Каириса не имела общественной и сельскохозяйственной важности (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 24, 38).

В ноябре сельсовет просил Райисполком пересмотреть вопрос о ранее переданных бывшим владельцам мельницах. В частности, предлагалось отобрать мельницу Ислямова, происходившего из семьи бывшего муллы, которой «сами не пользуются и получают проценты». Также просили передать дома бывшего земначальника Мартынина и Вагнера в распоряжение общества, для школы и клуба (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 87). С муллой Абдул Вели Усеином комитет взаимопомощи заключил договор на аренду его дома, «как удобного для открытия дома Крестьянина» (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 70).

1924 г. принес хорошие вести в семьи Забияко Федора, Бари Смаила, Ваапа Меина, Сефля Муждабы, Эмурсиина Абдурамана, Абдул Вели Усеина, Абдулы Амета, Колбасьева Евгения Евгеньевича, которые были восстановлены в избирательных правах. В это же время в Чоргунском сельсовете числилось 77 человек, лишенных избирательных прав (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 77). В данный период лишение избирательных прав существенно влияло на положение человека в советском обществе. Списки лиц, лишенных избирательных прав, печатались в типографии и развешивались по всему городу. Всех «лишенцев» увольняли с работы, лишали имущества, выселяли из

собственных домов, часто выселяли за пределы Крыма (Серокурова 2010: 21—22; Терещук 2002: 91—92). Также лишение избирательного права автоматически распространялось на членов семьи, находящихся на иждивении у данного лица, зависящих от него экономически (Федорова 2007: 490).

В мае 1924 г. Севземотдел проводил распределение яровой сеялки ячменя, в результате чего населенные пункты Чоргунского сельсовета получили: Чоргунь — 192 п., Инкерман — 176 п. (от ссуды отказался), Шули — 172 п., Уппа — 168 п., Ай-Тодор — 48 п., Кучки — 40 п., Узенбашик — 40 п., Алсу — 32 п., Кара-Коба — 32 п. (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 25). К 30 июня был составлен отчет с предполагаемыми цифрами урожайности сельскохозяйственных культур в 1924 г. (1 пуд с 1 десятины). Планировалось собрать 351 пуд озимой пшеницы, 92 пуда яровой пшеницы, 146 пудов табака и 2 544 пуда картофеля. По Чоргуню, в частности, планировалось собрать 48 пудов озимой пшеницы, 10 пудов яровой пшеницы, 26 пудов табака и 414 пудов картофеля (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 50).

Из-за заморозков в садах севастопольского региона замерзло около 35-40% косточковых растений, а семечковых — 90%. Способствовали снижению урожайности фруктов и морские туманы, ветряные бури и ураганы. Также прохладное лето 1925 г. сказалось на уменьшении сахаристости винограда на 10-12% (Юрченко 2012: 294).

В это время председателем сельсовета по-прежнему оставался Ибрагимов Апас, а секретарем был Никифоров Агафон. Делопроизводителем 9 августа был назначен Спритов, а практикантом Бекиров Нафе, которые приступили к выполнению своих обязанностей 11 августа. Но 5 ноября сельсовет просил назначить нового практиканта, так как Бекирова призвали в Красную армию. Соответственно, делопроизводителем был назначен Смирнов Александр, а практикантом Амет Абдулла, сторожем-уборщиком — Кубедин Мустафа. Почтальоном чоргунского вспомогательного почтового отделения был назначен Григорьев Марк (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215. Л. 94; Д. 219. Л. 56, 64, 68, 95).

В 1925 г. население Чоргунского сельсовета составляло 4 372 чел. (1 741 муж. и 2 631 жен.). По социальному положению оно разделялось следующим образом: 42% бедняков, 38% середняков, 15% кулаков, 5% батраков. Общая площадь сельсовета, по данным отчета о деятельности сельсовета с 1 января по 1 апреля 1925 г., была 9 043 дес., из которых под

посевами было 1 139 дес., под лесом — 5 300 дес., под лугами — 221 дес., под фруктовыми садами — 219 дес., под огородами — 142 дес., под виноградниками — 17,5 дес., 2 005 дес. земли были непригодными для обработки. Также сельсовет имел 485 коров, 412 лошадей, 408 волов (ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 2. Л. 5).

Важным событием в жизни тогда еще довольно многочисленной мусульманской общины Чоргуня было официальное разрешение власти на создание мусульманских религиозных обществ в Верхнем и Нижнем Чоргуне. Так, 14 мая ЦАУ Крымской АССР препроводило утвержденный устав мусульманского религиозного общества «Ашага-Маале» при пятывременной мечети Нижнего Чоргуня. Правление этого религиозного общества состояло из 5 чел. (Гафар Мемет, Осман Каяли, Муедин Эбу-Бекир, Зекерия Лятиф, Ибрагим Али), а его членами были 51 чел. Однако, впоследствии мулла мечети подал список, в котором числились только 42 чел. (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 241. Л. 3, 6, 9, 11, 32).

Также 14 мая 1925 г. устав получило и мусульманское религиозное общество «Юхары-Маале» при Соборной мечети Верхнего Чоргуня. Правление общества состояло из 5 чел. (Джемил Хайреддин, Ислям Кайли, Сюин Али, Шерфеддин Халиль, Таир Сеитслям), муллами были Сеит Таир и Сеит Суфьян, а муэдзином — Шваит Эсаат. Членами этого религиозного общества были 62 чел. (АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 420. Л. 3, 5—6, 32—33).

Следует также упомянуть, что после окончательного установления советской власти на полуострове здания мечетей были переданы в пользование религиозным общинам селения в соответствии с договором от 25 ноября 1922 г. При их страховании в 1928 г. здание мечети Верхнего Чоргуня было оценено в 1 320 руб., а Нижнего Чоргуня — в 2 111 руб. (АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 316. Л. 363).

В «списке представителей и членов земельных советов деревень Чоргунского сельсовета» по состоянию на 1 августа 1925 г. значились:

1. Асан Мемет, 37 лет, крестьянин, образование низшее, председатель земсовета.

2. Амза Булгаков, 30 лет, дворянин, секретарь.

3. Умер Мемет, 33 года, крестьянин, образование среднее, член Совработника, член земства, в партии не состоит.

4. Аким Абибула, 26 лет, образование низшее, член земства.

5. Федорченко Касьян, 48 лет, член земства (ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 42, 44).

Также интерес представляет «список бывших помещиков, проживавших в Чоргунском имении». В нем значатся два человека:

1. Вагнер Александр Павлович, мещанин, 6 душ семейства, 100 дес. леса, 7 дес. виноградников, 3 дес. фруктовых садов. До революции весь лес продал крестьянам, в кооперации с 1921 по 1924 гг., в 1921—1922 гг. стал членом сельсовета, имел двух постоянных работников и двадцать сезонных.

2. Ягъа Аджи Али, турецкий подданный, 2 чел. семьи, плантации табака и леса ок. 500 дес., 10 дес. под посевами, 1 дес. фруктового сада, постоянных работников 4 чел., сезонных 15 чел. (ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

Однако, несмотря на постепенный рост благосостояния населения сельсовета в этот период, существовал и ряд проблем. Среди них были слабая работа кооперации, крестьянский долг в 13 тыс. руб. (1925 г.) который «долго тянулся», несвоевременная выплата сельхозналога, уменьшение численности мелкого рогатого скота на 30% из-за отсутствия достаточного количества пастбищ. В 1925 г. в Чоргунском сельсовете числилось 64 человека, лишенных избирательного права, из которых в Чоргуне проживало 11 чел. Лишенными права голоса были, в основном, священнослужители, помещики, дворяне, «царские» военнопленные и их родственники (ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 21—22, 27, 33, 42; Д. 2. Л. 5).

Проведенные при подготовке настоящей статьи архивные изыскания дают возможность установить, как в одном небольшом селе под Севастополем протекали процессы установления советской власти, трансформации общественно-экономического уклада, формирования новых государственных и общественных институций, как преодолевался продовольственный кризис начала 20-х гг. XX в. Немаловажным является и тот факт, что, как показали изученные документы, в формировании и организации работы советских органов власти принимали участие как представители крымско-татарского, так и русского населения села, но руководящие должности занимали, в основном, крымские татары, что отвечало проводимой в тот период политике «коренизации».

ЛИТЕРАТУРА

- Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783—1998 гг. Справочник. 1999 / Гурбова Л. В. (гл. ред.). Симферополь: Таврия-Плюс.
- Архив города Севастополя (далее — АГС). Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 16.
- АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 316.
- АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215.
- АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 219.
- АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 241.
- АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 420.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 21.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 23.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 28.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 47.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 52.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 53.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 55.
- АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 57.
- Бикова Т. Б.* 2011. Створення Кримської АССР (1917—1921 рр.). К.: Інститут історії України НАН України.
- Веникеев Е. В.* 1993. Большинство экспонатов погибло // Таврические ведомости. 36 (94). 10 сентября, 4.
- Государственный архив города Севастополя. Краткий справочник. 2000 / Крестьянников В. В. (ред.). Севастополь: Государственный архив города Севастополя.
- Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 453.
- ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 580.
- ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87.
- ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 1.
- ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 2.
- Никитина И. В.* 2007. Балаклавский район г. Севастополя. К вопросу об истории административно-территориальных изменений. (1921 год — настоящее время) // Вишневская Е. Б. (гл. ред.). VIII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 1 июня 2007 г.). Ч. 2. Симферополь: ЧП «Еврострой», 15—21.
- Никитина И. В.* 2015. Балаклава: 1921-й год в архивных документах // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования 1 (5), 60—64.
- Пащенко В. Н.* 2006. Влияние этнонационального фактора на ход советизации Крыма (1905—1945 гг.) // Культура народов Причерноморья 90, 71—117.
- Серокурова Л. А.* 2010. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921—1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Терецук А. М.* 2002. Греки Севастополя в 20-х годах XX столетия (по материалам Государственного архива Севастополя) // Керасиди Н. Х. (отв. ред.). Греция и славянский мир. Вып. 1. Симферополь: Крымский архив, 85—93.
- Терецук Н. М., Шевякова Д. П.* 2007. Голод в Севастополе в 1920—1930-е годы // Крестьянников В. В. (сост.). Память о прошлом: Сб. науч. ст. сотрудников Гос. архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьева, 192—197.
- Федоров А. В.* 1999. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. Москва: Изд-во МГУ.
- Федорова Н. А.* 2007. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследования социальной политики. Т. 5. № 4, 483—496.
- Юрченко В. С.* 2012. Развитие сельского хозяйства в Севастопольском районе в 20-е годы XX века // Соколов М. Э. (ред.). Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012». Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 294—295.

REFERENCES

- Administrativno-territorialniye preobrazovaniya v Krymu. 1783—1998. [Administrative and territorial changes in the Crimea. 1783-1998]. Simferopol: Tavriya-Plus, 1999 (In Russian).
- Archive of the city of Sevastopol (hereinafter ACS). Fund. P-79. Inventory 1. Case 16 (In Russian).
- ACS. Fund P-79. Inv. 1. Case 316 (In Russian).
- ACS. Fund P-420. Inv. 1. Case 215 (In Russian).
- ACS. Fund P-420. Inv. 1. Case 219 (In Russian).
- ACS. Fund P-420. Inv. 1. Case 241 (In Russian).
- ACS. Fund P-420. Inv. 1. Case 420 (In Russian).
- ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 21 (In Russian).
- ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 23 (In Russian).
- ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 27 (In Russian).
- ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 28 (In Russian).

- ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 36 (In Russian).
 ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 47 (In Russian).
 ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 52 (In Russian).
 ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 53 (In Russian).
 ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 55 (In Russian).
 ACS. Fund P-427. Inv. 1. Case 57 (In Russian).
Bikova T. B. Stvorennaya Krimskoy ASRR [Establishment of Crimean ASSR] (1917–1921). Kiev: Institute of History of Ukraine, 2011. (In Ukrainian).
Venikev Ye. V. Tavricheskiye vedomosti [Taurida news]. 36 (94) (1993) (In Russian).
 Gosudarstvenniy arkhiv goroda Sevastopol [State archive of the city of Sevastopol: A short reference book]. Sevastopol: State Archive of Sevastopol, 2000 (In Russian).
 State archive of the Republic of Crimea (hereinafter SARK). Fund P-460. Inv. 4. Case 453 (In Russian).
 SARK. Fund P-460. Inv. 4. Case 580 (In Russian).
 SARK. Fund P-663. Inv. 1. Case 87 (In Russian).
 SARK. Fund P-1086. Inv. 1. Case 1 (In Russian).
 SARK. Fund P-1086. Inv. 1. Case 2 (In Russian).
Nikitina I. V. Balaklavskiy rayon g. Sevastopolya. K voprosu ob istorii administrativno-territorialnykh izmeneniy [The Balaklavskiy district of Sevastopol. To the history of administrative and of territorial changes (1921 – present times)]. Part 2. Simferopol: Yevrostroy, 2007. p. 15–21 (In Russian).
Nikitina I. V. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarniye issledovaniya [Bulletin of Omsk State University. Humanity studies], no. 1 (5) (2015): 60–64 (In Russian).
Pashchenya V. N. Kultura narodov Prichernomor'ya [Cultures of the Black Sea region], no. 90 (2006): 71–117 (In Russian).
Serokurova L. A. 2010. “Lishentsy” Krymskoy ASSR v kontekste sotsialno-ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov (1921–1936) [“Disenfranchised people” of the Crimean ASSR in the context of social, economic and political processes (1921–1936): An abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2010 (In Russian).
Tereshchuk A. M. Gretsiya i slavyanskiy mir [Greece and the Slavic world], no. 1 (2002): 85–93 (In Russian).
Tereshchuk N. M., Shevyakova D. P. Pamyat o proshlom [Memory of the past]. Sevastopol, 2007. p. 192–197 (In Russian).
Fedorov A. V. Pravovoy status Kryma. Pravovoy status Sevastopolya [Legal status of the Crimea. Legal status of Sevastopol]. Moscow: Moscow State University. 1999 (In Russian).
Fedorova N. A. Zhurnal issledovaniya sotsialnoy politiki [Journal of social policy studies], no. 4 (2007): 483–496 (In Russian).
Yurchenko V. S. Materialy Nauchnoy konferentsii “Lomonosovskie chteniya” 2012 goda i Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “Lomonosov-2012” [Proc. of the research conference “Lomonosov Readings 2012” and the International research conference for students and young researchers]. Sevastopol: Ekspress-pechat, 2012. p. 294–295 (In Russian).

E. V. Nedelkin
 Simferopol, Russia

V. V. Khapaev
 Sevastopol, Russia

CHORGUN VILLAGE IN THE FIRST HALF OF THE 20s OF XXth CENTURY

Abstract. The study touches upon the history of the Chernorechye village (formerly Chorgun) located on the territory of the federal city Sevastopol in the early 20s of the XXth century. Based on archived data, this paper presents a study devoted to the development of the Soviet power, transformations in social and economic structures, and establishment of new state and public institutions in a large village of the Balaklavsky district in Sevastopol. The authors also considered the demographic processes in the village and in the Balaklavsky District and administrative changes that affected Chorgun during the given period.

The paper describes the way the village population coped with the food crisis of 1921–1923. As shown in study documents, the local Soviet authorities in Chorgun had representatives of both Crimean Tatars and Russians. However, the leading positions were mainly held by Crimean Tatars in order to meet the policy of «indigenization» pursued during that period.

Key words: Chernorechye village, Chorgun, Sevastopol, the Balaklavsky District, the XXth century.

About the author: Evgeniy Vladimirovich Nedelkin¹, Master Student, Faculty of History; Vadim Vadimovich Khapaev², Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and International Relations.

Place of employment: V. I. Vernadsky Crimean Federal University¹; Sevastopol branch of Lomonosov Moscow State².

УДК 94 (47). 04

Я. Г. Солодкин
Нижевартовск, Россия**ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ КУЧУМА (1598 Г.)
В СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ**

Аннотация. О ставшем окончательным поражении, нанесенном хану Кучуму отрядом служилых людей летом 1598 г., рассказывается во многих сибирских летописях. В «Повести» Саввы Есипова об этих событиях говорится весьма риторично и скорее всего понаслышке, сибирские же книжники второй половины XVII в. воспроизводили имевшую отчасти документальную основу статью Нового летописца, и если подчас существенно редактировали ее, то иногда прибегали к устным свидетельствам.

Ключевые слова: разгром Кучума в 1598 г.; Есиповская летопись; «Новый летописец»; Сибирский летописный свод; Ремезовская летопись; хронология летописных статей; источники.

Сведения об авторе: Яков Григорьевич Солодкин, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510; e-mail: roshist@mail.ru

20 августа 1598 г., через полтора с лишним десятилетия после разгрома «ермаковыми казаками» и бегства из Кашлыка (Искера) хан Кучум потерпел в сражении на Оби, близ озера Ик (Зайсан), у реки Ирмени, окончательное поражение, теперь уже от тарских и тобольских служилых людей, и следом при невыясненных до сих пор обстоятельствах скончался. Перипетии этого сражения, вскоре после которого московский самодержец принял титул сибирского царя, получили отражение в официальном летописании — и общерусском, и провинциальном (тобольском), причем появившийся в российской столице рассказ «О побое Кучумове» в «первоименитом граде» Сибири не раз подвергался более или менее существенной правке. Ее изучение немаловажно для выяснения путей эволюции летописной традиции Азиатской России.

В Новом летописце (далее — НЛ) старшей редакции, созданной в середине царствования Михаила Федоровича, глава о разгроме Кучума завершает обширное повествование за 106 (1597/98) г.¹ и предшествует сообщению о коронации преемника «освятованного» государя «на сам Семен день» 107 г. Как утверждает книжник, близкий к патриарху Филарету, «повелением» царя Бориса «въ Сибири ис Тарскова города ... воеводы и головы» выступили против хана «и ево сошли и

на станахъ его побиша на голову и взяша ... многой полонъ», в том числе восемь цариц и три царевича; Кучуму «не съ великими людми» удалось спастись, его же родственников «прислаше къ Москве» и по распоряжению Бориса Федоровича «подаша имъ кормъ велий, чтобы имъ никакой скудости не было», а сопровождавшие их «посланники» удостоились «великого жалованья»² (ПСРЛ 1965: 51). Известия анонимного «слогателя» о том, что экспедицию против «кучумлян» предприняли тарские воеводы и головы, выполняя распоряжение царя Бориса, и, одержав победу, взяли в плен восемь «цариц» Кучума, затем «присланных» в Москву, часть его свиты и других татар, находят аналогию в отписках об этом походе, отправленных в Москву в сентябре 1598 г., из которых, однако, выясняется, что служилыми людьми тогда предводительствовал письменный голова А. М. Воейков, а в неволе оказались не три, а пять или шесть ханских сыновей³ (Акты исторические 1841: 1—3, 5, 9, 17, 18, 22;

² Ранее в НЛ сказано о разгроме сибирского «царя» Ермаком «с товарищи» и «поставлении» за «Камнем» нескольких русских городов, включая Тару (ПСРЛ 1965: 33, 43).

³ Согласно ряду наказов русским дипломатам, в сражении на Оби в плену очутились пять сибирских царевичей, десять цариц и восемь царевен (Белокуров 1889: 341; 17. С. 51; СБРИО 1883: 297, 379). По данным же А. Г. Нестерова, в ходе этого сражения невольниками сделались девять сыновей Кучума (Нестеров 2002: 210—211).

¹ Накануне читаем о возвращении недавно избранного на трон Бориса Годунова из Серпуховского похода.

Миллер 1999: 494). Скорее всего документальную основу имеют и летописные сообщения о щедром награждении Борисом Федоровичем тарских «начальных людей» и «посланников», доставивших к его двору свыше десятка родственников непокорного «салтана», хотя о пожаловании «великим жалованьем» упоминается еще в нескольких статьях НЛ (ПСРЛ 1965: 48, 75, 51, 96, 134, 139, 146; Миллер 1999: 363), а служилым людям за участие в боях нередко выдавались золотые¹ (Кауфман 2006: 11—13). Возможно, при создании интересующей нас главы, как и многих других, «списатель» из придворных кругов пользовался материалами посольского архива, точнее, каким-то «письмом» о пленении родственников Кучума и их отправке в Москву² (ПСРЛ 1987: 137).

Создатели других крупных памятников общерусского летописания XVII в., в частности, Пискаревского и Бельского летописцев, об экспедиции, покончившей с угрозой для Тары и особенно «верхних» волостей сложившегося вокруг нее уезда, скорее всего, не знали.

В Есиповской летописи (далее — ЕЛ) Основной редакции, возникшей в 1636 г., о сокрушительном поражении, нанесенном хану русскими «воями» незадолго до его гибели, сообщается «весьма абстрагировано» (Дворецкая 1984: 64), быть может, по воспоминаниям местных служилых людей: после того, как в Тобольске узнали, что на пути к этому «и ко прочим градам» Сибири, у Иртыша, Кучум «поплени тотарския веси», ратники³ двинулись за ним, настигли его «близ поля» и разгромили, взяв в плен сына и двух жен «царя»⁴ (ПСРЛ 1987: 68, 97). В открывающей Сибирский летописный свод (далее — СЛС) ЕЛ Распространенной редакции, относящейся к концу XVII в., находим те же строки (ПСРЛ 1987: 187, 254—

255, 313, 366), несмотря на то, что они противоречат версии, которая утверждается в помещенном следом «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири...».

Примечательно, что хотя в сентябре 1598 г. воевода Тары, очевидно, сообщил тобольским администраторам о разгроме накануне Кучума в Барабинской степи письменным головой этого города А. М. Воейковым, в изображении Есипова окончательное поражение сибирскому «царю» нанесли «русский вои», выступившие из Тобольска⁵. Вероятно, отписками тарских либо тобольских воевод и голов о «побое Кучумове» автор ЕЛ не располагал.

В самой ранней из дошедших до нас редакций этого «Описания...» — Книге записной (далее — КЗ) — констатируется, что «за Кучумом царем ... в поход ходили в поле» управлявшие Тарой на протяжении 109—111 (1600/01—1602/03) гг., в пору тобольского воеводства Ф. И. Шереметева «с товарищи», воевода князь И. В. Кольцов-Мосальский, письменные головы Г. Г. Желябужский и А. П. Поленов (ПСРЛ 1987: 141), в действительности ведавшие «Тарским городом» в 1608—1611 гг.⁶ (Вершинин 1998: 168, и др.). Затем под 109 (1600/01) г. в КЗ встречаем восходящий к НЛ рассказ о полном разгроме Кучума, разделяющий «ропись» воевод за 111—113 гг.⁷ и сообщение о смерти царя Бориса в апреле 1605 г., — рассказ, завершающийся указанием: «Поход был с Тары на Кучума царя при воеводе князе Иване Масальском», что тоже позволяет признать свидетельство об этом походе вставкой.

Первоначальное указание летописца на поход «в поле» воеводы и письменных голов Тары — видимо, результат сокращения довольно пространной статьи, приведенной следом. Одновременно анонимный книжник опустил, вероятно, и ряд подробностей экспедиции А. Поленова «по соль к Ямышу озеру»: в КЗ отмечается, что письменный голова, «не ведая обычая калмытских людей (какого, умалчивается. — Я. С.), а за гордость у

¹ Древний город на Оби 1994: 33; Корецкий, Морозов 1984: 216; ПСРЛ 1987: 133, 245, 248, 362, прим. 39—40.

² Одно из уникальных известий НЛ, восходящее, по видимому, к документальному источнику, на что ранее не обращалось внимания, — это сообщение о ссылке «окаянного» боярина С. Н. Годунова с приставом князем Ю. Приемковым-Ростовским в Переяславль-Залесский, где опального по воле первого самозванца и удавили (ПСРЛ 1965: 56, 66, 74).

³ Надо думать, тобольские.

⁴ В Лихачевской разновидности ЕЛ указание на плененных тогда двух ханских жен оказалось пропущенным (ПСРЛ 1987: 127).

⁵ После того, как хан «поплени» «немногие веси агарянския» у Иртыша.

⁶ Следом за обычной в дальнейшем ремаркой «В тех же годах Тобольскаго розряду в городех воеводы» помещено несколько других записей за 107—109 гг., а ранее из администраторов Тары упомянут только основавший ее князь А. В. Елецкой.

⁷ Времени тобольского «сидения» князя А. В. Голицына.

сибирцов не спрошася, и многих татар (каких, оставлено без пояснения. — Я. С.) побил, а соли не взяв, со стыдом возвратился».

Вначале в КЗ к годам тобольского воеводства Ф. И. Шереметева «с товарищи» (109—110, что верно) приурочено «сиденье» в Таре князя И. Мосальского и подчиненных ему письменных голов, которые предприняли «за Кучумом царем ... поход ... в поле»; далее создатель КЗ уже отнес этот поход к 109 г.

В старшей из дошедших до нас редакций СЛС ошибочно (Вершинин 1998: 151, 158, 166, 176) сказано о воеводстве в 107—108 гг. в Сургуте Ф. В. Волынского и И. В. Благово, в 108—109 гг. в Березове — князя Ф. Козловского и А. Ширина, в самом начале XVII в. в Кетском остроге — Г. Ф. Елизарова, о «поставлении» в 109 г. Томского острога В. Ф. Тырковым, а в следующем году — города на Томи воеводами В. В. Волынским и М. И. Новосильцевым. Видимо, составитель КЗ располагал чередой недатированных сообщений о воеводах и их «товарищах» Тары, Нарыма, Кетска, Томска, — сообщений, которые, дабы представить всех администраторов недавно образованного разряда, наугад приурочил к 109—110 гг.¹, и аналогичными сведениями по Сургуту и Березову, произвольно отнесенными к 107—108 и 108—109 гг.² Кстати, путаница допущена создателем КЗ и при перечислении верхотурских и туринских администраторов начала XVII в. Впоследствии подобные ошибки в своде встречаются изредка.

Замечания о том, что «сошли ево (Кучума. — Я. С.) на станех стояща ... А царик и царевичей Кучюмовых отослаша к Москве с посланники», обнаруживают стилистическую правку. Но создатель КЗ³ внес в текст главы НЛ «О побое Кучюмове» и более значительные изменения. Оказывается, русским отрядом, выступившим из Тары⁴, предводительствовал воевода, а золотые за победу были пожалованы и головам. Сравнительно с официальным летописцем конца 1620-х гг. редактор добавил, что служилые люди «внезапу на него (хана. — Я. С.) нападаша, и улус его разбиша весь ...

¹ Т.е. к тому времени, когда Тобольском, Сургутом, Мангазеей, действительно, управляли названные летописцем «начальные люди».

² Хотя Ф. И. Шереметев стал вестать Тобольским разрядом с 109 г., а о событиях 108 г. в своде читаем ранее.

³ Либо его предшественник.

⁴ Опять-таки «в Сибире», что примечательно.

ясырю много взяша живьем»; ратников наградили золочеными копейками, привезенных в Москву царик и царевичей разместили «на добрых дворах, чтоб ... всем бы изобильны были», но в российской столице жены и дети Кучума «живучи, перецынжали и перемерли все некрещены, не восхотеша креститься» (ПСРЛ 1987: 142). Стало быть, возводить сопоставляемые статьи НЛ и КЗ к единому протографу⁵, как представлялось Л. Е. Морозовой (Морозова 2000: 367), явно не приходится.

Хотя об улусах и ясыре мы читаем и в царских грамотах, присланных в ответ на отписки сибирских воевод и голов (Александров, Покровский 1991: 103, 233; Древний город на Оби 1994: 103—105; Миллер 1999: 400, 417, 418, 420, 433, 434, 444, 478, 486, 494; Миллер 2000: 198, 243, 283, 295, 307, 313, 350, 357, 423, 459, и др.; Перевалова 2004: 38, прим. 6), и многих других документах, соответствующие указания склоняют к выводу о редактировании главы НЛ в Тобольске (ПСРЛ 1987: 52, 60, 68, 77, 97, 132, 134, 228, 240, 246, 299, 380, прим. 17—18, 28—37; Русская историческая библиотека 1884: 460, 473—476, 499, 502, 504, 511, 513, 542—559, 577, 678; Сибирские летописи 2008: 381, и др.). Один из плененных на озере Ик сибирских царевичей, Алтанай, умер спустя много десятилетий, около 1655 г., и в конце жизни перешел в православие (Беляков 2005: 25; Нестеров 2002: 210). Это наводит на мысль, что о привезенных в Москву ханских родственниках редактор НЛ знал едва ли не понаслышке.

В Миллеровском варианте СЛС — как определила Н. А. Дворецкая, промежуточном звене между КЗ и Головинской редакцией (далее — ГР) свода (Дворецкая 1984: 42, 48, 71) — об экспедиции русских «воев» против «кучумлян» в самом начале царствования Бориса Федоровича говорится⁶, причем уже менее подробно, по НЛ, но опять-таки под 109 г. и с уже процитированным дополнением о смерти всех знатных плененных «на Москве» от цинги (ПСРЛ 1987: 191, прим. 20—23).

В ГР, где целиком повторена глава НЛ⁷, начавшийся из Тары поход приурочен к 106 г.

⁵ Источнику «сибирского происхождения».

⁶ После того, как упоминается о «поставлении» Мангазейского острога в 108 (1599/1600) г.

⁷ К которому книжник обращался и ранее (ПСРЛ 1987: 181, 185).

Примечательно, что в Музейском списке этой редакции свода к тому времени приурочено не «побоище» Кучума, а его бегство «из царства своего» после разгрома ермаковцами (Дворецкая 1984: 53, 64, 101; ПСРЛ 1987: 187, 190, прим. 34), т.е. налицо анахронизм¹. Создатель Нарышкинской редакции (далее — НР) СЛС заметил, что русские в 106 г. двинулись из Тары против Кучума «воинским ополчением», отсюда родственников хана послали в Москву, а воеводам и ратным людям были присланы золотые «коемуждо по указу»². В ГР и НР, кстати, сообщениям об очередном поражении Кучума предпослана запись о воеводстве «на Таре» С. Козмина³ с товарищи» (ПСРЛ 1987: 98, 190, 259, 315, 316).

В самой поздней из выявленных редакций СЛС, Академической (далее — АР), которая наиболее близка к КЗ, сравнительно с последней опущены свидетельства о воеводе князе И. Мосальском и станах Кучума, которые подверглись неожиданному нападению русских «воев», и сообщается о распоряжении царя Бориса, чтобы пленники, относившиеся к ханской семье, «всем бы довольны (а не «изобильны». — Я. С.) были»⁴ (ПСРЛ 1987: 370).

В Ремезовской летописи (далее — РЛ) рубежа XVII—XVIII вв. подобно НР сказано о том, что в 106 г. князь И. Мосальский «ополчением ходил на кучюмлянь»⁵; выступление «воев» из Тары отнесено при этом к 9 мая (ПСРЛ 1987: 216) вместо 4 августа, о чем мы узнаем по известной еще Н. М. Карамзину отписке А. М. Воейкова в Москву⁶. Благодаря отписке тарского

письменного головы о разгроме Кучума на Оби известно, что войско, двинувшееся против него, насчитывало не семьсот русских и триста служилых татар, как на основании РЛ подобно Г. Ф. Миллеру утверждают С. Г. Филь, Ю. С. Худяков и В. В. Трепавлов, а, о чем совсем недавно вслед за Н. И. Никитиным напомнил Е. В. Вершинин, четыреста четыре ратника (Вершинин 2014: 186). Оригинально, хотя опять-таки не внушает доверия, свидетельство тобольского «списателя» петровской эпохи о том, что помимо трех сыновей, в сражении у озера Ик в плену оказались шесть жен и две дочери Кучума (Сибирские летописи 2008: 351—352, 442—443, 584). В «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова⁷ по сравнению с его летописным рассказом добавлено, что тарскому воеводе князю И. Мосальскому было «велено ити в Степь в поход ... ополчением тремя городами» — Тобольском, Тюменью и Тарой, включающем по сотне татар из каждого, а в плен попали семь жен хана (Дергачева-Скоп, Алексеев 2006: 32).

В «Описании Сибирского Царства» Г. Ф. Миллера сказано, что согласно некоторым летописям, в 1598 г. были пленены три жены хана⁸. По-видимому, это опечатка, в более позднем издании знаменитого труда говорится о восьми царицах (Миллер 1999: 292; Миллер 1998: 242), да и в дошедших до нас летописных сочинениях, созданных в XVII в. на востоке России, про трех жен Кучума мы не прочтем.

Таким образом, если во владычной летописи 1636 г. запечатлены бытовавшие, видимо, среди тобольских служилых людей толки о походе, который привел к окончательному разгрому властителя Сибирского юрта, то создатели нескольких редакций СЛС и РЛ об очередном, теперь уже последнем, «побое» сторонников хана, как правило, сообщали, следуя НЛ, воспроизводя его текст (к примеру, в ГР) или, что случалось гораздо чаще, дополняя рассказ московского «слогателя» рядом подробностей, нередко устного происхождения⁹, а то и видоизменяя стилистику данного рассказа.

¹ Накануне читаем о воеводстве в Тобольске в 106—107 гг. Е. В. Бутурлина и его сослуживцев.

² В Томском виде той же редакции свода о золотых умалчивается.

³ Точнее, Кузьмина-Короваева.

⁴ Выдержки из НЛ налицо и в главах ГР, НР и АР о предыстории сибирской экспедиции, гибели Ермака и его соратников на перекопи, возвращении уцелевших казаков «на Русь», а также в Румянцевском летописце (ПСРЛ 1987: 34, 40, 73, 78, 181, 183, 185, 186, 239, 249—250, 305—306, 310—311, 359, 364, прим. 7, 48; ПСРЛ 1965: 33, 34).

⁵ Об этом упоминали и М. К. Иоффе, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. А. Миненко.

⁶ В. В. Трепавлов, относящий окончательное поражение Кучума к царствованию Федора Ивановича, ошибочно принимает названную С. У. Ремезовым дату, которая часто попадает в его «гистории», за указанное там время сражения с татарами и неточно пишет в данной связи о князе В. В. Кольцове-Мосальском (Солодкин 2011: 178, 179, 188, прим. 51; Трепавлов 2012: 57, 69).

⁷ В статье «Победа на Кучюма царя. Очищение Сибири».

⁸ Кроме трех его сыновей.

⁹ В КЗ, Миллеровском варианте свода, затем НР.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. 1841. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг.
- Александров В. А., Покровский Н. Н.* 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука.
- Белокуров С. А.* 1889. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 гг. Москва: Университетская типография.
- Беляков А. В.* 2005. Участие сибирского царевича Алтана ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: Материалы научной конференции: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (29—30 октября 2004 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 21—35.
- Вершинин Е. В.* 1998. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение.
- Вершинин Е. В.* 2014. Рец.: Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва, 2012 // Российская история 3, 184—187.
- Дворецкая Н. А.* 1984. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука.
- Дергачева-Скоп Е., Алексеев В.* 2006. Службная чертежная книга: Семен Ремезов и сыновья: Текст рукописи Российской Национальной Библиотеки [Санкт-Петербург]: Комментарии. Тобольск: [б. и.].
- Древний город на Оби: История Сургута. 1994 / Баранов Н. Н., Бугров Д. В., Главацкая Е. М., Горшков С. В., Миненко Н. А., Морозов В. М., Попов Н. Н., Редин Д. А., Чемякин Ю. П., Шашков А. Т. Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1994.
- Кауфман Ю. Б.* 2006. «Золотой» кузнецкого служилого человека // Катановские чтения: Материалы Шестой Всероссийской науч.-практич. конф. (Омск, 23—24 мая 2006 г.). Омск, 11—13.
- Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* 1984. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. Москва: Наука, 187—218.
- Миллер Г. Ф.* 1998. Описание сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. Москва: Либерея.
- Миллер Г. Ф.* 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Восточная литература.
- Миллер Г. Ф.* 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: Восточная литература.
- Морозова Л. Е.* 2000. Смута начала XVII века глазами современников. Москва: Институт российской истории.
- Нестеров А. Г.* 2002. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (г. Тобольск, 9—11 декабря 2002 г.). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 205—214.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. 1892 / Веселовский Н. И. (ред.). Т. 2. Санкт-Петербург: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перрот.
- Перевалова Е. В.* 2004. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН.
- ПСРЛ. 1965. Т. XXIX. Москва: Наука.
- ПСРЛ. 1987. Т. XXXVI. Москва: Наука.
- Русская историческая библиотека. 1884. Т. 8. Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина.
- Сборник Императорского Русского Исторического общества. 1883. Т. 38. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева.
- Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). 2008 / Цепков А. И. (пред.). Рязань: Александрия.
- Солодкин Я. Г.* 2011. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск: Изд-во НГТУ.
- Трепавлов В. В.* 2012. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва: Восточная литература.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АР	—	Академическая редакция
АР	—	Ремезовская летопись
ГР	—	Головинская редакция
ЕЛ	—	Есиповская летопись
КЗ	—	Книга записная
НЛ	—	Новый Летописец
НР	—	Нарышкинская редакция
СБРИО	—	Сборник Императорского Российского исторического общества
СЛС	—	Сибирский летописный свод

REFERENCES

- Akty istoricheskiye, sobranniye i izdanniye Arkheograficheskoyu komissiey [Historical acts collected and published by the Archeological Commission], vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1941 (In Russian).
- Alexandrov V. A., Pokrovsky N. N.* Vlast i obshchestvoL Sibir v XVII v. [Power and society: Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka, 1991 (In Russian).
- Belokurov S. A.* Snosheniya Rossii s Kavkazom [Russia's relations with the Caucasus region], vol. 1. 1578—1613. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889 (In Russian).

Belyakov A. V. Mininskiye chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo (29-30 oktyabrya 2004 g.) [Minin readings: Proc. of the conference in Nizhny Novgorod State University on 29—30 October 2004]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2005. p. 21—35 (In Russian).

Vershinin E. V. 1998. Voevodskoye uravleniye v Sibiri (XVII vek) [Voivode government in Siberia (17th century)]. Ekaterinburg: Razvivayushcheye obucheniye, 1998 (In Russian).

Vershinin E. V. Rossiyskaya istoriya [Russian history], no. 3 (2014): 184—187 (In Russian).

Dvoretskaya N. A. Sibirskiy letopisnyy svod (vtoraya polovina XVII v.) [Siberian chronicle (second half of the 17th century)]. Novosibirsk: Nauka, 1984 (In Russian).

Dergacheva-Skop E., Alekseev V. Sluzhebnyaya chertezhnaya kniga: Semyon Remezov i synoviya: Tekst rukopisi Rosssiyskoy Natsionalnoy Biblioteki [Sankt-Peterburg]: Kommentarii [Utility drawing book: Semyon Remezov and sons: The text of the Russian National Library [St Petersburg]: Comments]. Tobolsk, 2006 (In Russian).

Drevniy gorod na Obi: Istoriya Surguta [An old city on the Ob River :History of Surgut]. Ekaterinburg: Tezis, 1994 (In Russian).

Kaufman Yu. B. Katanovskiye chteniya: Materialy Shestoy Vserossiyskoy nauchno-proakticheskoy konferentsii (Omsk, 23—24 maya 2006 g.) [Katanov readings: Proc. Of the 6th All-Russian scientific-practical conference in Omsk, 23—24 May 2006]. Omsk, 2006. p. 11—13 (In Russian).

Koretsky V. I., Morozov B. N. Letopisi i khroniki [Annals and chronicles]. Moscow: Nauka, 1984, p. 187—218 (In Russian).

Miller G. F. Opisaniye sibirskogo tsarstva i vsekh proisshedshikh v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and its activities from the very beginning, and especially from the times it was conquered by the Russian state up to our times]. Book 1. Moscow: Libereya, 1998 (In Russian).

Miller G. F. Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (In Russian).

Miller G. F. Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000 (In Russian).

Morozova L. E. Smuta nachala XVII veka glazami sovremennikov [The Time of Troubles in the early 17th century through the eyes of its contemporaries]. Moscow: Institute of Russian History, 2000 (In Russian)

Nesterov A. G. Turkiyskiye narody: Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kulturnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri» (9—11 dekabrya 2002 h., g. Tobolsk) [Turkic peoples: Proc. Of the 5th Siberian symposium «Cultural heritage of the peoples of Western Siberia» in Tobolsk, 9—11 December, 2002]. Tobolsk, Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2002. p. 205—214 (In Russian).

Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoy Rusi s Persiyei [Monuments of Muscovite Russia's diplomatic and trade relations with Persia]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tovarishchestvo parovoy skoropechatni Yablonskoy i Perott, 1892 (In Russian).

Perevalova E. V. Severniye khanty: etnicheskaya istoriya [Northern Khanty: Ethnic history]. Ekaterinburg, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2004 (In Russian).

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow: Nauka, 1965 (In Russian).

PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXXVI. Moscow: Nauka, 1987 (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. Vol. 8. Saint Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, 1884 (In Russian).

Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 38. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva, 1883 (In Russian).

Sibirskiy letopis: Kratkays sibirskaya letopis (Kunkurskaya) [Siberian chronicles: A brief Siberian chronicle (Kungur)]. Ryazan: Alexandria, 2008 (In Russian).

Solodkin Ya. G. Vosled Savve Esipovu: Ocherki po istorii sibirskogo letopisaniya serediny — vtoroy poloviny XVII veka [Following Savva Esipov: Essays on the History of Siberian chronicles the middle — second half of the 17th century]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University of Humanities, 2011 (In Russian).

Trepavlov V. V. Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh [Siberian yurt after Ermak: Kuchum and Kuchumoviches and their struggle for the revenge]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012 (In Russian).

Ya. G. Solodkin

Nizhnevartovsk, Russia

FINAL DEFEAT OF KUCHUM (1598) IN THE SIBERIAN ANNALISTIC TRADITION

Abstract. Many Siberian and all-Russian chronicles mention the final defeat of Kuchum Khan from the unit of service men in the summer of 1598. The chief dyak Savva Esipov gave a rather rhetorical account of these events and most likely through hearsay. Siberian official chroniclers of the mid — 17th century based their reports on the existing article in «Novyj letopisets», edited it and sometimes referred to oral evidence.

Key words: the defeat of Kuchum in 1598; Esipov chronicle; «Novyj letopisets» (New Chronicle); «Sibirskiy letopisnyy svod» (Siberian Chronicle); Remezov chronicle; chronology of articles; sources.

About the author: Yakov Grigoryevich Solodkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Regional Historical Research Laboratory.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University

УДК 930

И. Н. Стась
Сургут, Россия**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДОВ ЮГРЫ:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

Аннотация. В статье анализируются основные достижения социокультурной антропологии в истории городов ХМАО – Югры в период нефтегазового освоения Западной Сибири. Дается краткая характеристика современного состояния антропологии города как нового направления в социально-гуманитарной науке. Указывается, что сегодня отечественная урбанистика получает сильное концептуально-методологическое обоснование антропологического подхода к изучению проблем городского развития. Однако проводимых исследований явно недостаточно для раскрытия полной ретроспективной и современной социокультурной картины урбанизационных процессов в России и ее регионах. В силу этого усиливается актуальность исследования антропологии городов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в контексте нефтегазового освоения Западной Сибири. Показано, что в советской историографии первостепенное значение для антропологии нефтегазового города имели работы философа В. В. Трушкова и социолога Г. Ф. Куцева. Сброс идеологических оков в постсоветской науке привел к тому, что социологи принялись активно изучать социальную и культурную среду, образ жизни в городах нефтегазового комплекса Западной Сибири. Они пришли к выводу, что, несмотря на различные противоречия, связанные с моноотраслевым устройством поселений, в городах региона сформировалась современная городская культура и общность. Особое место для социокультурной антропологии занимают работы философа М. Г. Ганопольского. В исторической науке понимание важности антропологического подхода к проблемам нефтегазового освоения Тюменского региона приходило постепенно. В 2000-х гг. поворот к изучению социальных и культурных проблем нефтегазового региона стал весьма популярен у местных историков. Рубежным событием в историографии развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое зафиксировало смену интересов от социально-экономической истории к антропологическим исследованиям, было проведение в 2010 г. конференции «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера» в г. Тюмени. Тем не менее историческая антропология и антропология города по-прежнему не являются приоритетными методологическими подходами в социально-гуманитарных исследованиях нефтегазового освоения ХМАО - Югры.

Ключевые слова: антропология города; социокультурная антропология; нефтегазовое освоение Западной Сибири; идентичность; урбанизация.

Сведения об авторе: Игорь Николаевич Стась, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший лаборант Югорской лаборатории археологии и этнологии.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628408, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8; e-mail: igor.stas@mail.ru

Современная антропология города сформировалась в рамках социокультурной антропологии и этнологии после постмодернистского переворота в социально-гуманитарных науках в 1960—70-х гг. Тогда изменилось понимание объекта исследования: антропологи и этнологи переключились от изучения народов и регионов в пользу сложных обществ, к которым стала применяться методика полевых этнографических исследований. Так город вошел в исследовательское поле антропологов и этнологов.

В отечественной науке исследования по антропологии города начали разрабатываться лишь в постсоветское время. Эти работы посвящались конкретным городам и в большей степени обладали социологической и экономической направленностью и в меньшей

степени — историко-этнологической и культурологической. Это была скорее социология города, чем антропология города. Более того, исследования характеризовались узким регионоведческим, а иногда даже и краеведческим подходом, в то время как современная зарубежная урбанистика зиждилась на системном и контекстуальном принципах.

Лишь сегодня отечественная урбанистика получает сильное концептуально-методологическое обоснование антропологического подхода к изучению проблем городского развития. Работы в этом направлении активно ведет Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Под руководством директора института академика В. А. Тишкова проводятся полевые исследования российских

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: "а(р)").

городов, результатом которых стал выход в свет фундаментальных трудов по антропологии города (Малые города 2014; Мы здесь живем 2013). Появляются удачные исследования по урбанистической антропологии в региональных научных центрах (Антропология города 2013; Гаврилова 2002). Однако проводимых исследований явно недостаточно для раскрытия полной ретроспективной и современной социокультурной картины урбанизационных процессов в России и ее регионах. Необходима кооперация и концентрация усилий местных ученых — антропологов, историков, этнологов и социологов.

Современные условия формирования отечественной антропологии города как нового направления в социально-гуманитарных науках требуют анализа историографического опыта различных (в первую очередь регионального уровня) проблем российской урбанизации. Одной из таких проблем, обладающей большим антропологическим потенциалом для исследователей, является урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в контексте нефтегазового освоения Западной Сибири.

Урбанизация ХМАО — Югры не получала отражения в отечественной науке вплоть до конца 1980-х гг. Работы советского периода, в которых изучались города нефтяного края, в основном принадлежали градостроителям и архитекторам: В. В. Кадникову, Э. А. Милениной, В. М. Фурену, Э. Я. Фейгиной, М. Р. Колпаковой, В. Г. Терехину, А. А. Зюзин-Зинченко, В. И. Смирнову и др. Затрагивали проблемы развития городов ХМАО — Югры в своих трудах географы: К. Н. Мисевич, В. И. Чуднова, Е. Н. Перцик, экономисты: Б. П. Орлов, В. И. Харитоновна, А. Д. Хайтун, А. Н. Зайцева, социологи: А. Н. Аверин, Е. П. Антропов, историки: Н. М. Пашков, В. В. Алексеев, В. А. Ламин. Однако в основе большинства работ исследователей лежал ярко выраженный экономический и производственный детерминизм, в координатах которого не уделялось места обыкновенному человеку. Но были и исключения. В советской историографии первостепенное значение для антропологии нефтегазового города Западной Сибири имели работы философа В. В. Трушкова и социолога Г. Ф. Куцева.

В. В. Трушков изучал нефтяные города Югры и пытался раскрыть существующий в них образ жизни с философо-социологических позиций. Его интерпретация урбанизации Севера Тюменской области представлялась весьма оригинальной, хотя и она подчинялась

марксистской идеологии и аксиоме, что в социалистическом обществе при урбанизации происходило стирание различий между городом и деревней: «отношения города и деревни к системе культурных ценностей носят неантагонистический характер, что позволяет говорить о формировании единой культуры советского народа» (Трушков 1976: 45). В. В. Трушков отмечал, что урбанизация автономных округов Тюменской области усилила взаимодействие образов жизни коренного населения Приобья с образом жизни больших наций, а городской образ жизни играл в этом взаимодействии ведущую роль. Он предполагал, что города Севера Тюменской области были проводниками городского образа жизни среди коренного населения региона, а ценности горожан Приобья неизбежно становились нормами деятельности и аборигенного северного населения (Трушков 1980: 38—41).

В. В. Трушков считал, что высокие темпы урбанизации Среднего Приобья были связаны со спецификой освоения, поскольку возможность взаимодействия человека со средой, основанной на добыче нефти и газа, делала город единственным приемлемым типом поселения. Даже создание вахтовых поселков, согласно мнению ученого, было частью урбанизации: вахтовый поселок рассматривался как своеобразное продолжение базового города, как его агломерированная периферия. Вахтовый поселок виделся как один из возможных путей разрешения противоречия между городским характером технологий трудовой деятельности и нормами деревенской жизни (Трушков, Лысов 1979: 18—19). По мнению В. В. Трушкова, на Севере Тюменской области надо было вести речь не об отдельных городах или поселках, а об их системе — своеобразном среднеобском городском суперрегионе (Трушков 1981: 246).

Философ указывал, что города Тюмень, Сургут, Нижневартовск, Надым, Нефтеюганск, Урай выполняли «привязку» существующих технологий к условиям нефтяного Среднего Приобья и газоносного Полярного круга. Города выступали аккумулятором, своеобразным «контейнером» выработанной в стране культуры геологии, нефтегазодобычи, транспортировки топлива, строительства жилья и промышленных объектов в экстремальных условиях. Они также осуществляли связь духовной жизни примыкающего к ним региона с духовной жизнью более крупных социально-пространственных образований. В. В. Трушков отмечал, что роль различных городов в формировании функционирования этих связей

определялась статусом города в системе центров культуры: если Тюмень была связующим звеном между культурой области и РСФСР, страны в целом, то Сургут и Нижневартовск аккумулировали совокупность способов деятельности применительно к Среднему Приобью. Города нефтяного края, согласно В. В. Трушкову, выполняли еще три функции: 1) вели отбор созданных в обществе норм и ценностей, после которого осуществлялось ознакомление с ними населения прилегающих территорий; 2) участвовали в создании и совершенствовании технологического и инструментального аспектов культуры; 3) осуществляли оценку нововведений в культуру геологии, добычи нефти и газа, их транспортировки, и на основе этой оценки шел процесс распространения создаваемой материальной культуры как в рамках всей Западной Сибири, так и за ее пределами (Трушков 1978: 82). Таким образом, В. В. Трушков рассматривал города главным образом как центры материальной и духовной культуры осваиваемого региона.

Новаторское значение также имели работы Г. Ф. Куцева (Куцев 1977; 1982; 1987). Социолог понимал урбанизационные процессы в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири в первую очередь как социалистическую урбанизацию. Продвижение на север, по мнению Г. Ф. Куцева, в современных условиях происходило только с применением урбанизированных форм организации производственной и социально-бытовой жизни населения. Позиция ученого состояла в том, что «практически любые поселки — постоянные или временные — это урбанизированные поселения». Опираясь на тезисы В. В. Трушкова, Г. Ф. Куцев отмечал, что основные виды производственной деятельности северян, за исключением традиционных промыслов, объективно требовали высокоурбанизированного образа жизни, а следовательно, и городских форм организации осваиваемого пространства вне зависимости от величины поселений: «с самого начала освоения люди ведут урбанизированный, городской образ жизни». Таким образом, концептуальный подход Г. Ф. Куцева связывался с тем, что «экстремальным природно-климатическим условиям Севера соответствует урбанизированная организация жизни людей», и чем дальше процесс освоения уходил на север, тем больший уровень урбанизации проявлялся (Куцев 1987: 72, 74—75). Представляется, что, следуя этой логике, процесс освоения

нефтегазоносных районов ХМАО неизбежно вел к урбанизации региона.

Ученому явно импонировал процесс освоения северных территорий посредством строительства новых городов. Г. Ф. Куцев делал вывод, что условия жизни на Севере выступали фильтром, отсеивающим неприспособленных людей, в силу чего в городах формировалось население, отклонившее психологию «временщиков», с адаптированными к северу социальными качествами, из которых создавался квалифицированный кадровый потенциал региона. Исследования Г. Ф. Куцева показывали механизмы адаптации мигрантов в городах Севера, итогом которой являлось формирование у новоселов своеобразного северного патриотизма. В трудах социолога утверждалось, что в новых городах Сибири, как правило, складывались благоприятные условия для творческой профессионально-трудовой, общественно-политической и культурной деятельности новоселов, достигался высокий уровень социально-бытового и культурного обслуживания населения.

Сброс идеологических оков в постсоветской науке привел к тому, что социологи принялись активно изучать социальную и культурную среду, образ жизни в городах нефтегазового комплекса Западной Сибири. Исследователи пришли к интересным выводам. Обозначим наиболее важные для историко-антропологического исследования: 1) культурная среда молодых городов нефтяников относилась к современной урбанистической среде, что было не типично для обычных провинциальных городов; 2) малые молодые города нефтегазового комплекса имели две перспективы развития — либо превратиться в «мертвые города», либо стать субъектами постиндустриальной экономики (Ганопольский 1998); 3) наличие огромного влияния со стороны градообразующего предприятия на развитие малых городов ХМАО (Лагно 2004); 4) существование очень значительного риска неблагоприятных последствий при сокращении нефтедобычи для крупного нефтяного города ХМАО, но при этом доминирование среди населения стратегии благоприятного развития, которое связывалось с многофункциональностью и модернизацией моноспециализированной модели; 5) преобладание среди жителей крупного города идентификации своего города как «города-труженика» и в меньшей степени как «города-рынка» и «города-социума»; 6) крупный город округа (например, Нижневартовск) имел промежуточный характер

социального развития, но в нем быстро наращивался потенциал роста, что вело к полифункциональному (многопрофильному) развитию и смене традиционных форм занятости горожан на более многообразные, что также углубляло противоречие между социальными перспективами крупного города и наследием его монопрофильного прошлого (Бадина 2007).

Культурное развитие нефтяных городов ХМАО изучалось социологом Л. Г. Скульмовской (Скульмовская 2005). Она пришла к выводу, что потенциал региональной культуры характеризовался значительной неравномерностью по социальным и территориальным параметрам, приводящей к возникновению различных и разнонаправленных культурных потоков — в культурном пространстве округа выделялся «центр» и «периферия». Разнонаправленность функционирования в культуре производства, быта, досуга жителей городов и сел ХМАО фиксировалась, с одной стороны, в бурных темпах развития производственной культуры, а с другой — в крайне противоречивых и медленных изменениях досуговой сферы.

Оригинальным и многоаспектным являлся труд социолога Е. А. Волосниковой, в котором на примере Сургута была показана эволюция и жизнедеятельность социальных общностей в северном городе (Город и село 2009). В логике исследования интенсивное промышленное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири имело решающее влияние на формирование социальных общностей, типология которых определялась профессиональными и социальными отношениями. Первые обуславливались индустриальным освоением и деятельностью крупных корпораций (нефтяники, газовики, геологи, строители, энергетики), а вторые — генетической природой формирования города (национально-этнические общности) и ближайшими родственниками тех, кто создавал город (прежде всего женами, которые приезжали на Север вслед за мужьями). В постсоветский период в Сургуте стали возникать новые социальные общности — студентов (появилась благодаря созданию вузов), пенсионеров (формирующаяся из комсомольцев-первопроходцев), патриотов города (для них Сургут из места временного проживания стал местом постоянного жительства), творческие общности (из-за остаточного характера становления социальной сферы в городах региона они утвердились в новом качестве лишь в современный период).

Согласно Е. А. Волосниковой, жизнедеятельность общностей Сургута происходила в различных условиях: экономических, социальных, культурных, градостроительных. Среди всех выделенных условий наибольшую значимость для историка представляет авторский тезис о том, что богатая история Сургута не стала основой для формирования новой культурной жизни города. Такую функцию не получила не только древняя история города, во многом утраченная в период промышленного освоения, но и «индустриальная история города», которая обладая огромной символической ценностью, способствующей единению социальных общностей вокруг истории города, не нашла отражение в городской среде в виде памятника. Эта важная мысль, высказанная исследовательницей, подтверждает гипотезу о том, что в Сургуте не сложилась взаимосвязь между городской элитой и историческим нарративом города, а среди большинства горожан не нашла проявления общегородская идентификация по критерию общегородской истории. И этот идентификационный разрыв характерен для всех этапов истории города.

Е. А. Волосникова проследила пространственно-временную организацию жизнедеятельности общностей в Сургуте. Пространственная структура города формировалась под влиянием ряда характеристик «северности». Во-первых, это однообразие жилой застройки, поскольку город застраивался массовым низкокласным жильем, предназначавшегося для продолжительного (10—20 лет), но не постоянного проживания населения, так как город имел статус временного. Эта особенность обуславливала восприятие города социальными общностями как места временного проживания, определявшее на протяжении многих лет стратегии их поведения. Исследовательница указывает также на отсутствие в городе «исторических мест» (по причине массового жилищного строительства), а также несформированность мест, связанных с новейшей историей города. И, как уже отмечалось, без исторической среды в Сургуте не сложилось пространственное условие образования общегородской идентичности. Важны были и фрагментарность пространства, и многоядерная структура Сургута. «Северность» также проявилась в отсталости социальной инфраструктуры, что ограничивало возможности для развития имеющихся социальных общностей и формирования новых. Утверждение, что в Сургуте практически невозможно было обозначить территории,

которые соотносятся с представителями городских элит, дало автору повод говорить о том, что в городе отсутствовало взаимодействие между городскими социальными общностями за присвоение физического пространства.

Обозначим наиболее интересные выводы автора при исследовании социального времени. Социальное время общностей Сургута определялось в большой степени зависимостью от природно-климатических условий. Зимой происходило замирание городской жизни по причине холодов, весной и осенью наступало оживление, а летом — вновь снижение интенсивности из-за периода отпусков. Популярное садово-огородническое движение и начало дачного сезона приводили к тому, что социальные общности пенсионеров переезжали жить на дачи. На социальное время сильно влияли корпорации, которые не только в будние дни, но и в выходные дни и праздники задавали время деятельности в городе. Свободное же время горожан как время проявления гражданской позиции только начинало формироваться среди жителей Сургута, но по большому счету это время расходовалось на себя, а не на благо города. Е. А. Волосникова отмечала, что профессиональные общности нефтяников, строителей, газовиков и энергетиков в Сургуте прошли более длительный период становления (в отличие от профессиональных общностей в социальной сфере) и поэтому обладали устойчивостью, сложившимися традициями, сформированным общностным сознанием и отношением к городу как к месту с историей. По-видимому, автор считал, что только эти профессиональные общности имели общегородскую самоидентификацию, основанную на городской истории. В то же время именно они вызывали у части молодых социальных общностей пессимизм и неверие в возможность позитивных преобразований социальных порядков и создания нового облика города.

При всех плюсах, которые проявляются в социологическом измерении северного города, в работе Е. А. Волосниковой есть минусы, обусловленные неглубоким и недостаточно аргументированным анализом исторического контекста формирования общностей Сургута. Например, ошибочна мысль автора, что Сургут прошел путь от вахтового поселка до опорного города. Или не подкреплено фактами серьезное историческое утверждение, что Сургут имел статус временного города, вследствие чего у социальных общностей создавались временные стратегии поведения. Известно, что вахтового и временного статуса у Сургута никогда не было,

и поэтому этот статус никак не мог воспроизвестись в реальности — ни в застройке, ни в мобильности населения. Исторический контекст общностей по большому счету строится (неважно, ошибочно или верно) автором интуитивно либо на основе анализа современных городских реалий. Однако выводы исследовательницы, затрагивающие современное социальное развитие Сургута, являются по-настоящему аргументированными и верными.

Исследования социологов представили своеобразные итоги того, к чему пришла урбанизация нефтяного края в 1960 — начале 1990-х гг. А пришла она, несмотря на различные противоречия, связанные с моноотраслевым устройством поселений, к появлению современной городской культуры и общности.

Особое место в социокультурной антропологии нефтегазового освоения Западной Сибири занимают работы философа М. Г. Ганопольского (Ганопольский 1998). Ученый отмечал, что новое освоение региона привело к возникновению крупных поселенческих образований, отличительной чертой которых была внеличностная основа, предшествовавшая обживанию территории. Эта основа выступала как утопическая программа-призыв и одновременно как мощная адаптационная машина. Наблюдался особый механизм становления полиэтничных сообществ, интегрировавшихся в региональные общности индустриального типа. По мнению философа, геологи задали нефтегазозонному региону Западной Сибири первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустрашенности, и предопределили субординацию организационных структур — подчинили структуру расселения задачам производства. Далее эстафету подхватили строители, чья безместность собственной жизни была подчинена новоместности «Великой стройки». Нефтяники и газовики последовали этому стандарту, хотя в профессиональном отношении они были ориентированы на менее мобильную организацию. Таким образом, первичной формой сцепления популяции в регионе была организационно-технологическая матрица, в основе которой была геологическая разметка территории со схемой административного подчинения ее фрагментов. М. Г. Ганопольский указывал на то, что в формы расселения Тюменской области изначально, на первом этапе освоения, закладывалась монофакторная, а затем и корпоративно-ячеистая структура, и такая

практика не была способна не то чтобы создать общность, но даже целостную региональную популяцию. Происходила разобщенность отдельных (ведомственных) фрагментов территории. И в этих условиях общественные процессы, если и происходили, то только на уровне коллективов предприятий, но автономизация локальных коллективов препятствовала формированию региональной общности.

Итак, философ интерпретировал урбанизацию через призму производственной организационной структуры. Он указывал, что в Сибири происходило создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении, где на уровне конечных звеньев возникали концентрические связи. По мнению М. Г. Ганопольского, именно такая сбалансированность при общей ориентации на постоянное заселение стимулировала урбанизацию региона. На более ранних этапах индустриализации город либо планировался в самом начале, либо поселок становился городом при естественном его разрастании. Теперь же — в период нового промышленного освоения — большую значимость приобретал результат компромисса между факторами. Однако, несмотря на то, что в начале этого освоения города складывались из отдельных ведомственных поселков, они, в конечном итоге, сливаясь в агломерацию, превращались в аванпосты будущей региональной общности (Ганопольский 1998: 115).

Философ указывал на связь освоения Тюменского Севера с логикой «обустройства» (понятие, которое именно с конца 1960-х гг. прочно вошло в обиходный язык) — приезжая на новое место, люди начинали эту жизнь обустраивать. Речь шла не только о месте жительства, но и о комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. Если в обжитых районах социальная инфраструктура формировалась естественно, то в районах промышленного освоения она проектировалась. В этом проектировании сталкивались два подхода. Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности и долговременное пребывание человека, а второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда — вахтового, экспедиционного и их комбинации. Ни одна из этих стратегий так и не осуществилась в чистом виде, однако преобладающей все-таки стала стратегия

обживания. Ее господство обеспечивалось не трудностями обратного хода, а инерцией оседлости, необратимостью духовной ситуации, которая сформировалась усилиями первого поколения мигрантов и была усвоена и преобразована последующими. Поэтому, отмечал исследователь, многие поселки, спроектированные как вахтовые, превращались в стационарные, а затем и в города.

Вместе с тем вахтово-экспедиционный метод, несмотря на серию запретов, также продолжал существовать. М. Г. Ганопольский видел в вахтово-экспедиционном методе нравственную сущность. Когда этот метод достиг своего апогея в 1980-х гг., он был уже не кочевничеством и не странничеством (и он не был обустройством), но стал новым каналом социальной коммуникации между Тюменской областью и страной, по которому не только циркулировала рабочая сила, но и осуществлялся обмен социальным и нравственным опытом. Это был канал взаимобмена между субкультурами различной степени мобильности. Таким образом, согласно философу, в том числе и в урбанизации проявилась организационная подоплека регионального развития, и только в период послевоенного индустриального освоения Сибири произошла кардинальная смена этоса с производственного на региональный. Если по-своему истолковывать слова М. Г. Ганопольского, то, вероятно, автор рассматривал урбанизацию Тюменского Севера как некий канал, и в то же время средство, которое вело население к отказу от производственной и принятию региональной идентичности.

В исторической науке понимание важности антропологического подхода к проблемам нефтегазового освоения Тюменского региона приходило постепенно. Впервые те или иные социокультурные аспекты развития анализировались советскими учеными Н. М. Пашковым, В. В. Алексеевым, В. А. Ламиным. В начале 1990-х гг. в трудах Н. Ю. Гавриловой и Е. В. Штубовой объектом исследования обозначилась социальная история нефтегазового комплекса (Гаврилова 1991; Штубова 1991).

В 2000-х гг. поворот к изучению социальных и культурных проблем нефтегазового региона стал весьма популярен у местных историков. Вышли новые исследования Н. Ю. Гавриловой, где особое внимание уделялось социокультурному обустройству, жилищно-гражданскому строительству и градостроительному развитию (Гаврилова 2002). Градостроительство Сургута во второй половине XX в. также стало центральной темой в исследованиях историка

А. И. Прищепы (Прищепа 2007: 95—100). Социокультурные аспекты в контексте индустриальной нефтегазовой модернизации рассматривались в трудах тюменских историков В. П. Карпова и Г. Ю. Колевой (Карпов 2005; Колева 2010). В ракурсе фактологического социального подхода изучалось развитие культурных учреждений и культурного обслуживания в ХМАО – Югре М. И. Ташлыковой (Ташлыкова 2006), образовательной сферы Д. В. Кирилюком (Кирилюк 2005), железнодорожного транспорта М. А. Авимской (Авимская 2006). Для антропологии города наиболее актуальны статьи этих авторов, посвященные проблемам повседневности и культурно-бытовому обеспечению работников различных социально-экономических предприятий, в основном сконцентрированных в городской среде (Авимская 2008; Кирилюк 2010: 151—156).

В середине 2000-х гг. историки Сургута под руководством профессора В. А. Тена обратились к изучению эволюции этнокультурного облика и адаптации мигрантов в городской среде ХМАО – Югры (Эволюция этнокультурного облика 2007). Ими было проведено историко-социологическое исследование, которое показало, что этнические изменения в Югре не способны привести к кризису межэтнических отношений в регионе, а эпизодические вспышки этнической антипатии и неприязни легко устранимы в принимающем югорском социуме, чей многообразный этнокультурный облик успешно развивается под эгидой русского народа. Однако подобные исследования этничности в нефтяных городах не нашли дальнейшего продолжения, в частности остаются вне поля зрения историков проблемы дрейфа этнической идентичности в исторической ретроспективе нефтегазового освоения. Исключения составляют лишь работы М. А. Авимской, посвященные периодизации этнокультурного развития региона (Авимская 2013: 118—122).

Оригинальным является подход историка М. Ф. Ершова, который, опираясь на историософский анализ, попытался выявить генезис архетипичных образов городов (Ершов 2013). Ученый раскрывал основные особенности исторической имагологии протогородов на территории Югры в фольклоре обских угров. Представляется, что такой подход весьма продуктивен и при изучении образов городских пространств в период нефтегазового развития.

Рубежным событием в историографии развития Западно-Сибирского нефтегазового

комплекса, которое зафиксировало смену интересов от социально-экономической истории к антропологическим исследованиям, было проведение в 2010 г. конференции «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера» в г. Тюмени. В рамках этой конференции вышла программная статья В. П. Карпова и Н. Ю. Гавриловой, в которой авторы обратились к исследованию микроисторического уровня социокультурного пространства нефтегазового комплекса Западной Сибири (Карпов, Гаврилова 2010: 14—25). Исследователи давали высокую оценку урбанизационному развитию: масштабные процессы индустриализации и урбанизации Тюменского Севера изменили коренным образом не только все стороны общественной жизни в регионе, но и жизненный уклад населения, его повседневность и менталитет. Чертами менталитета северян ученые считают признание неудобств и лишений «спутниками героизма», «погоня за длинным рублем» и бесшабашная щедрость, жесткий индивидуализм и культ взаимопомощи. При этом социокультурная среда в нефтегазодобывающих районах создавалась как результат взаимодействия различных субкультур — традиционной культуры коренного населения и индустриальной культуры пришлового населения. Исследования историков показали, что города нефтегазового комплекса вырастали в неустроенности быта и жизни (Карпов 2011: 84—96).

Проблемы взаимоотношения и пересечения интересов человека и государства в процессе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса стали предметом изучения в последних исследованиях В. П. Карпова (Карпов 2012а: 20—23; 2012б, 74—90; 2013: 234—239). Историк пишет о повседневном героизме масс, о том, что только один из четырех выдерживал испытания, а остальные возвращались на «большую землю». Автор акцентирует внимание на неустроенности городов: обычной картиной Тюменского Севера в 1960—80-х гг. были временки-землянки, насыпушки, палатки, балки, кунги. Практически все города и поселки, вызванные к жизни индустриализацией Тюменского Севера, начинались с вагончиков, балков и барачков. В городах нефтяников жилье, которое считалось временным, для многих новоселов оказалось постоянным. Заслуживает особого внимания гипотеза В. П. Карпова о том, что растущая алкоголизация населения нефтегазового комплекса как социальное явление была порождена неразвитостью социальной инфраструктуры городов — пьянство

выступало компенсатором недостатка услуг культуры и отдыха. В целом, подводя итоги, историк оценивал сделанное на Тюменском Севере как настоящий подвиг. Одним из главных тезисов историка была идея приспособления человека к жизни в нефтяном крае: если в 1950—60-х гг. первопроходцы были готовы к лишениям и трудностям и лучшие их выдержали, то в 1970—80-х гг. люди, именовавшиеся и чувствовавшие себя первопроходцами, стали понимать, что превратились в заложников процесса освоения. Автор подчеркивал, что изменилась их оценка событий, происходивших не только в нефтегазовом комплексе, но и во всей стране. В урбанистической антропологии концепция пути человека от первопроходца до заложника может выступать убедительной и образной конструкцией урбанизации нефтегазового региона Западной Сибири как движения от городов романтиков к городам реалистов. В 2014 г. вышла новая монография В. П. Карпова (Карпов 2014), в которой историк попытался сконцентрироваться на человеке в советской макросистеме. С такой точки зрения это первая историческая работа по нефтегазодобывающим районам Западной Сибири. Однако книга подводит лишь промежуточные итоги, поскольку работа написана по большому счету в рамках социально-экономической истории, и лишь местами виден инструментарий антропокультурного нарратива.

Таким образом, историческая антропология и антропология города не являются приоритет-

ными методологическими подходами в социально-гуманитарных исследованиях нефтегазового освоения ХМАО – Югры. Определенные удачные труды по раскрытию особенностей становления региональных и городских идентичностей вышли из-под пера социологов и философов. В исторической науке, несмотря на проведение в 2010 г. конференции по историко-антропологической тематике, продолжается работа в русле социально-экономической парадигмы. Историки изучают эволюцию повседневности, быта и культуры как приложение к материально-техническому, социально-промышленному и кадровому развитию нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, но не как самостоятельный объект исследований. Остались без внимания ученых проблемы формирования городской среды, идентичности, образа жизни, ментальности, повседневности и частной жизни, персональности и социальности, религии и духовности, а также человеческие отношения во власти и экономике и другие аспекты социокультурного развития в условиях нефтегазового освоения и урбанизации Западной Сибири. Учитывая набирающую популярность и острую актуальность социокультурной антропологии на региональных уровнях, гуманитариям еще предстоит подробно реконструировать антропологию урбанизации и нефтегазового освоения Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Авимская М. А.* 2006. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень—Сургут—Нижневартовск—Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Сургут.
- Авимская М. А.* 2008. Социально-бытовое обеспечение транспортных строителей на Тюменском Севере (середина 1960-х — 1980-е гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 127—131.
- Авимская М. А.* 2013. Этапы становления этнокультурного облика ХМАО – Югры // Солодкин Я. Г. (отв. ред.). Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО – Югре. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 118—122.
- Антропология города. 2013 / Шабаева Ю. П., Жеребцова И. Л. (ред.-сост.). Вып. 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.
- Бадина А. А.* 2007. Социальное прогнозирование перспектив развития крупного северного города: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург.
- Величко Ю. В.* 2005. Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов.
- Волосникова Е. А.* 2010. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург: Гуманит. ун-т.
- Гаврилова Н. Ю.* 1991. Формирование и функционирование социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964—1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Гаврилова Н. Ю.* 2002. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ.
- Ганопольский М. Г.* 1998. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ.
- Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. 2009 / Амоглонова Д.Д. и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Еришов М. Ф. 2013. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск».

Карпов В. П. 2005. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ.

Карпов В. 2012а. Анатомия Тюменского подвига // Родина 8, 20—23.

Карпов В. П. 2012b. Советский человек в пространстве Тюменского нефтегазового Севера // Горные ведомости 10 (101), 74—90.

Карпов В. П. 2013. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960—1980-е гг. // Вестник Сургутского пед. ун-та 4, 234—239.

Карпов В. П. 2014. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера: Монография. Тюмень: ТюмГНГУ.

Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. 2010. От макро- к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Колева Г. Ю. (ред.). Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Тюмень, 17—18 ноября 2010 г.). Тюмень: ТюмГНГУ, 14—25.

Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. 2011. Повседневность Тюменского Севера в 1960—1980-е годы // Горные ведомости 1 (80), 84—96.

Кирилюк Д. В. 2005. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х — середина 1980-х гг.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург.

Кирилюк Д. В. 2010. Социально-бытовые условия работы учителей Ханты-Мансийского округа в 1960—1970-е гг. / Колева Г. Ю. (ред.). Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Материалы Всероссийской науч. конф. (г. Тюмень, 17—18 ноября 2010 г.). Тюмень: ТюмГНГУ, 151—156.

Колева Г. Ю. 2010. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960—2000-е гг.). Тюмень: Изд-во «Вектор Бук».

Куцев Г. Ф. 1977. Молодежь и молодые города. Москва: Молодая гвардия.

Куцев Г. Ф. 1982. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). Москва: Мысль.

Куцев Г. Ф. 1987. Человек в северном городе. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во.

Лагно О. И. 2004. Роль градообразующего предприятия в управлении социальной сферой малого северного города: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург.

Малые города — большие проблемы. Социальная антропология малого города: Сб. ст. 2014 / Кабицкий М. Е., Артемова О. Ю. (ред.). Москва: ИЭА РАН.

Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города. 2013 / Тишков В. А. (отв. ред.). Москва: РГГУ.

Прищепина А. И. 2007. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история 2, 95—100.

Скульмовская Л. Г. 2005. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург.

Ташилькова М. И. 2006. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965—1991 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Сургут.

Трушков В. В. 1976. Город и культура. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во.

Трушков В. В. 1978. О формировании комплекса учреждений духовной культуры в среднеобском городском суперрегионе // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири: Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. Тюмень, 246—248.

Трушков В. В. 1980. Значение города как регионообразующего фактора (социологический аспект) // Социально-экономические закономерности становления социалистического образа жизни у малых народов СССР. Тюмень: ТГУ, 75—85.

Трушков В. В. 1981. Социалистическая культура и урбанизация в их взаимосвязи // Марксистско-ленинская философия и интеграционные процессы в науке. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1981, 10—22.

Трушков В. В., Лысов С. И. 1979. Урбанизация и динамизм социалистического образа жизни // Социально-экономическое развитие народов Крайнего Севера. Тюмень: ТГУ, 33—50.

Штубова Е. В. 1991. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964—1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск.

Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX — начале XXI века (на материале Сургутского региона). 2007 / Тен В. А. (ред.). Сургут: Изд-во СурГУ.

REFERENCES

Avimskaya M. A. Stroitelstvo zheleznodorozhnoy magistrali Tyumen-Surgut-Nizhnevartovsk-Urengoy i ego sotsiokulturnoye obespecheniye (ser. 1960-kh — ser. 1980-kh gg.) [Construction of the railway Tyumen—Surgut—Nizhnevartovsk—Urengoy and socio-cultural support (middle 1960-s — middle 1980-s): A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences East. Sciences. Surgut, 2006 (In Russian).

Avimskaya M. A. Adaptatsionniye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoyeniya Aziatskoy Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Adaptation mechanisms and practices of traditional and transforming societies: the experience of the development of Asiatic Russia: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2008, p.127—131 (In Russian).

Avimskaya M. A. Yugra, Sibir, Rossiya: politicheskiye, ekonomicheskkiye, sotsiokulturniye aspekty proshlogo i nastoyashchego: Materialy Scerossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu vyschego istoricheskogo obrazovaniya v KhMAO – Yugra [Yugra, Siberia, Russia: political, economic, socio-cultural aspects of the past and the present: Materials of the Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of the higher historical education in KhMAO – Yugra]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2013. p. 118—122 (In Russian).

Antropologiya goroda [Anthropology of the city], vol. 1 (2013). Syktyvkar: Research Centre of the Yali Komi Institute of RAS (In Russian).

Badina A. A. Sotsialnoye prognozirovaniye perspektiv razvitiya krupnogo severnogo goroda [Social forecasting for the development of a large northern city: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Social Sciences]. Ekaterinburg, 2007 (In Russian).

Velichko Yu. V. Fenomen kulturnoy sredy malykh gorodov Zapadnoy Sibiri [Cultural environment of small cities of Western Siberia: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philosophical Sciences]. Tambov, 2005 (In Russian).

Volosnikova E. A. Severniy gorod: zhiznedeyatel'nost' sotsialnykh obshchnostey [A northern city: community life]. Ekaterinburg: University of Humanities, 2010 (In Russian).

Gavrilova N. Yu. Formirovaniye i funktsionirovaniye sotsialno-bytovoy infrastruktury neftegazovogo kompleksa Zapadnoy Sibiri (1964—1985 gg.) [The formation and functioning of social infrastructure of the West-Siberian oil and gas complex (1964—1985): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 1991 (In Russian).

Gavrilova N. Yu. Sotsialnoye razvitiye neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964—1985 gg.) [Social development of oil and gas producing regions in Western Siberia (1964—1985)]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2002 (In Russian).

Ganopolskiy M. G. Regionalniy etos: istoki, stanovleniye, razvitiye [Regional ethos: origins, formation and development]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 1998 (In Russian).

Amogolova L. L. et al. Gorod i selo v postsovetsoy Buryatii: sotsialno-antropologicheskiye ocherki [A town and a village in the post-Soviet Buryatia: socio-anthropological essays]. Ulan-Ude: Buryat Research Center of the Siberian Branch of RAS (In Russian).

Ershov M. F. Sotsiokulturnaya evolyutsiya obrazov ochelechenogo prostranstva: obshchechelovecheskiye i kontrkretno-istoricheskiye aspekty [Socio-cultural evolution of characters in the humanized space: general theoretical and particular historical aspects]. Khanty-Mansiysk: LLC «Pechatniy mir g. Khanty-Mansiysk», 2013 (In Russian).

Karpov V. P. Istoriya sozdaniya i razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948—1990 gg.) [History and development of the West Siberian oil and gas complex (1948—1990)]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2005 (In Russian).

Karpov V. P. Rodina [Homeland], no. 8 (2012): 20—23 (In Russian).

Karpov V. P. Gorniye vedomosti [Mountain gazette], no. 10 (101) (2012): 74—90 (In Russian).

Karpov V. P. Vestnik Surgutskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut Pedagogical University], no. 4 (2013): 234—239 (In Russian).

Karpov V. P. Anatomiya podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializatsii yumenskogo Severa: monografiya [Anatomy of achievement. A man in the Soviet model of industrializing the Tyumen North: A monographic study]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2014 (In Russian).

Karpov V. P., Gavrilova N. Yu. Chelovek v usloviyakh intensivnogo neftegazovogo osvoeniya Severa: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 17—18 noyabrya 2010 g. [A man in the conditions of intensive oil and gas development of the North: Proc. of the All-Russian Scientific Conference on 17—18 November, 2010]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2010. p. 14—25 (In Russian).

Karpov V. P., Gavrilova N. Yu. 2011. Gorniye vedomosti [Mountain gazette], no. 1 (80): 84—96 (In Russian).

Kyrylyuk D. V. Razvitiye obshcheobrazovatel'noy shkoly Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga (konets 1950-kh – seredina 1980-kh gg.) [Development of comprehensive schools in Khanty-Mansiysk Autonomous Area (late 1950s – mid-1980s.): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2005 (In Russian).

Kyrylyuk D. V. Chelovek v usloviyakh intensivnogo neftegazovogo osvoeniya Severa: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 17—18 noyabrya 2010 g. [A man in the conditions of intensive oil and gas development of the North: Proc. of the All-Russian Scientific Conference on 17—18 November, 2010]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2010. p. 151—156 (In Russian).

Koleva G. Yu. Zapadno-Sibirskiy neftegazodobyvayushchiy rayonL ekonomicheskoye i sotsialnoye razvitiye (1960—2000-ye gg.) [West Siberian oil and gas producing region: Economic and social development (1960—2000-s.)]. Tyumen: Vektor Buk, 2010 (In Russian).

Kutsev G. F. Molodezh i molodiye goroda [The youth and young cities]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1977 (In Russian).

Kutsev G. F. Noviyе goroda: (sotsiolo. ocherk na materialakh Sibiri) [New cities: A sociological essay based on materials from Siberia]. Moscow: Mysl, 1982 (In Russian).

Kutsev G. F. Chelovek v severnom gorode [A man in a northern city]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987 (In Russian).

Lagno O. I. Rol dradoobrazuyushchego predpriyatiya v upravlenii sotsialnoy sfery malogo severnogo goroda [The role of the main enterprise in social management of small northern towns: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Social Science]. Ekaterinburg, 2004 (In Russian).

Maliye goroda – bolshiyе problemy. Sotsialnaya antropologiya malogo goroda [Small towns, big problems. Social anthropology of towns: a collection of papers]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Anthropology and Ethnography, 2014 (In Russian).

My zdes zhivom: Sotsialnaya antropologiya malogo rossiyskogo goroda [We live here: Social anthropology of small Russian towns]. Moscow: Russian State University of Humanities, 2013 (In Russian).

Prishchepa A. I. Otechestvennaya istoriya [National history], no. 2 (2007). p. 95—100 (In Russian).

Skul'movskaya L. G. 2005. Protivorechiya raznopravlen'nogo razvitiya kultury regiona v sovremennykh usloviyakh: sotsiologicheskii analiz [Contradictions of multidirectional cultural development of a region in modern conditions: A sociological analysis: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Social Sciences]. Ekaterinburg, 2005 (In Russian).

Tashlykova M. I. Razvitiye uchrezhdeniy kultury i iskusstva Severa Zapadnoy Sibiri (1965—1991) [The development of culture and art in the North of Western Siberia (1965—1991.): A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Surgut, 2006 (In Russian).

Trushkov V. V. Gorod i kultura [City and culture]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo, 1976 (In Russian).

Trushkov V. V. Uchastiye nauchno-tekhnicheskoy obshchestvennosti v rabote po kompleksnomu razvitiyu glavnoy bazy strany po dobyche nefi i gaza v Zapadnoy Sibiri. Tezisy dokladov zonalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Research and technical community taking part in in comprehensive development of the national oil and gas base in Western Siberia. Abstracts of zonal scientific and practical conference]. Tyumen, 1978. p. 246—248 (In Russian).

Trushkov V. V. Sotsialno-ekonomicheskiye zakonomernosti stanovleniya sotsialisticheskogo obraza zhisni u malykh narodov SSSR [Socio-economic principles of socialist life development of small peoples in the USSR]. Tyumen: Tyumen State University, 1980. p. 75—85 (In Russian).

Trushkov V. V. Marksistko-leninskaya filosoifiya i integratsionniye protsessy v nauke [Marxist-Leninist philosophy and integration processes in science]. Tyumen: Tyumen State University, 1981. p. 10—22 (In Russian).

Trushkov V. V., Lysov S. I. Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye narodov Krainego Severa [Social and economic development of the peoples in the Far North]. Tyumen: TSU, 1979, p. 33—50 (In Russian).

Shubova E. V. Formirovaniye i razvitiye sistemy kulturnogo obsluzhivaniya trudyashchikhsya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (1964—1985 gg.) [The formation and development of cultural services for workers in new industrial development areas of Western Siberia (1964—1985): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Sverdlovsk, 1991 (In Russian).

Evolutsiya etnokulturnogo oblika Yugry v kotse XX — nachale XXI veka (na materiale surgutskogo regiona [Devolment of the ethnic and cultural image of Yugra in the late 20th — early 21st centuries (based on Surgut region). Surgut: Surgut State University, LLC Timer, 2007 (In Russian)

I. N. Stas'
Surgut, Russia

SOCIOCULTURAL ANTHROPOLOGY YUGRA CITIES: AN ATTEMPT OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article examines major achievements of social and cultural anthropology in the history of the cities of Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra in the period of oil and gas development in Western Siberia. The author briefly characterizes the current state of the anthropology of cities as a new trend in humanities and social science and indicates that modern urban studies in Russia are conceptually and methodologically supported by the anthropological approach to the problems of urban development. However, the existing studies are clearly insufficient to characterize both historical and contemporary socio-cultural urbanization patterns in Russia and its regions. Hence, the present study of anthropology in the cities of Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra in the context of oil and gas development in Western Siberia is ever more relevant. Our analysis shows that during the soviet times the works by V. Trushkov and G. Kutsev had a paramount importance for the anthropology studies of oil and gas cities. Changes in the ideological environment of post-soviet science made sociologists actively explore social and cultural environment and lifestyle in the oil and gas cities of Western Siberia. The sociologists concluded that, despite various controversies surrounding single-industry settlements, oil and gas cities had a developed urban culture and community. Works by M.G. Ganopolsky take a special place among social and cultural anthropological studies. Historical science was rather slow in understanding the importance of the anthropological approach to the problems of oil and gas development in Tyumen region. In the 2000s, local historians developed interest in studying social and cultural problems of oil and gas regions. In this respect, the conference «Man in the conditions of intensive oil and gas development of the North» held in Tyumen in 2010 became a rather crucial event for historical research of the West Siberian oil and gas industry. The event marked the changes of interests among the researches who turned from social and economic history to anthropological studies. However, historical anthropology and anthropology of the city shave not yet become a priority methodological approach in the social and humanitarian researches of oil and gas development in KhMAO – Yugra. Historians make studies of the everyday life, household and culture development. However, these studies are supplementary to the research of material, technical, social, industrial and human resource development in oil and gas regions of Western Siberia, but not independent objects of study.

Key words: anthropology of the city; socio-cultural anthropology; oil and gas development in Western Siberia; identity; urbanization.

About the author: Igor Nikolaevich Stas', Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of General History and Archaeology, Senior Laboratory Assistant at the Yugra Laboratory of Archaeology and Ethnology.

Place of employment: Surgut State University.

УДК 93/94

В. В. Цысь
Нижневартовск, Россия**ПОМОЩЬ ВОЙСК 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА В ВОССТАНОВЛЕНИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОСЕНЬ 1943 Г. — НАЧАЛО 1944 Г.)***

Аннотация. В статье выявлены этапы, причины, формы помощи войск 1-го Белорусского фронта в восстановлении народного хозяйства Белоруссии на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Указывается, что привлечение частей Красной Армии к решению народнохозяйственных задач обуславливается несколькими факторами: решениями партийных и советских органов, определявших конкретные направления и задачи работы; социально-экономической ситуацией в освобожденных регионах, когда степень разрушений, убыль трудоспособного населения были настолько серьезными, что участие военнослужащих в восстановлении экономики оказывалось крайне необходимым; положением дел на фронте (моменты длительного затишья перед наступательными операциями); позицией политического руководства и высшего военного командования.

Описаны формы и виды помощи частей и соединений 1-го Белорусского фронта народному хозяйству и гражданскому населению: разминирование, восстановление дорог и мостов, сельскохозяйственные работы, налаживание деятельности медицинских и ветеринарных учреждений, передача захваченного в ходе наступательных операций трофейного имущества.

Показано, что для содействия в нормализации экономической жизни республики выделялись преимущественно запасные и тыловые части фронта. Отмечается, что наиболее активной данная помощь была весной 1944 года.

Делается вывод, что военнослужащими был внесён огромный вклад в восстановление народного хозяйства, социальной и политической инфраструктуры Белоруссии в самый сложный период после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Объем и характер работ строился таким образом, чтобы ни в коей мере не умять боевые задачи, стоявшие перед частями и соединениями.

Ключевые слова: 1-й Белорусский фронт; тыл; народное хозяйство; Белоруссия; помощь.

Сведения об авторе: Валерий Валентинович Цысь, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru

В годы Великой Отечественной войны главной задачей, стоявшей перед Красной Армией, как и перед всем советским народом, было отражение гитлеровской агрессии, разгром врага, вероломно напавшего на нашу страну. Ее решению на протяжении почти четырех лет были подчинены помыслы и чаяния как военнослужащих, так и мирных граждан.

По мере освобождения временно оккупированной территории возникала необходимость восстановить разрушенные во время боев, при отступлении или же в ходе нещадной эксплуатации немецко-фашистскими захватчиками народнохозяйственные и социальные объекты, транспортную инфраструктуру.

В той степени, в какой это было возможно в условиях продолжавшегося кровопролитного противоборства с агрессором, к возрождению страны привлекались и части Красной Армии.

Особенно заметным было участие военных в восстановлении народного хозяйства Белоруссии, сильно пострадавшей от почти трехлетнего хозяйничанья оккупантов.

В основу их практической деятельности были положены постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП (б) Белоруссии» (Коммунистическая партия 1985: 427—465, 485—489).

К этому времени в полосе 1-го Белорусского фронта наступила оперативная пауза, продолжавшаяся несколько месяцев, что давало возможность не только подтянуть тылы, оборудовать инженерные сооружения, но и использовать часть соединений для решения небоевых задач.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00116.

К тому же Красная Армия вступила на территорию, которой оккупантами был нанесен огромный ущерб. Своими силами восстановить разрушенное недавно воссозданные гражданские органы власти БССР не имели никакой возможности. В отчетах управлений и отделов тыла отмечается «почти полное разрушение ветучреждений», «населенные пункты сожжены, население живет в землянках, в шалашах, в норах. Ни мыла, ни белья в достаточном количестве нет» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 17. Л. 442; ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 157. Л. 627).

В развитие указанных документов 25 февраля 1944 г. Военный Совет 1-го Белорусского фронта принимает постановление № 046, в котором названы точные объемы и формы помощи по различным направлениям, связанным со сферой компетенции отдельных тыловых соединений: «по линии санитарного управления», «по линии ветслужбы», «по линии автомобильного управления», «по линии дорожного управления» и т.д. В документе констатируется, чтобы вся масса военнослужащих «полностью и правильно осознала величие этой задачи и прониклась сознанием необходимости сделать все возможное для залечивания глубоких ран, нанесенных войной народному хозяйству» (Антипенко 1964: 72).

Использование рабочей силы военнослужащих должно было носить комплексный характер:

«Военный Совет фронта обязывает все армии, дивизии, отдельно стоящие полки, тыловые части и учреждения, без ущерба боевой деятельности войск оказать всемерную помощь в подготовке и проведении весеннего сева.

Каждый трактор, каждая лошадь, если позволяет обстановка, должны быть использованы на пахоту, на сев.

Личный состав частей должен принимать активное участие в возделывании колхозных и индивидуальных огородов (в первую очередь семьям красноармейцев, офицеров, жертв немецких оккупантов).

Военный Совет обязывает генералов, офицеров и политорганы добиться, чтобы каждая крупная и мелкая часть, не находящаяся на передовой линии, включилась в эту большую работу (пахота, сев, ремонт с/х инвентаря, построек, отдельных домов, принадлежащих вдовам, сиротам и т.д.)» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 163. Л. 50).

В течение последующих нескольких недель аналогичные постановления, «планы мероприятий» с более детальной конкретиза-

цией видов и объемов предполагаемых работ принимаются всеми Военными Советами армий, входивших в состав фронта.

Для согласования работы военных и гражданских учреждений 7 марта 1944 г. проводится совещание начальников управлений и отделов тыла 1-го Белорусского фронта с наркомом просвещения БССР Е. И. Ураловой, где последняя доложила план открытия детдомов по районам республики, после чего начальник тыла фронта произвел распределение заданий по армиям (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 170). Такие же совещания организовывались и на уровне отдельных армий с представителями областных и районных исполкомов советов¹.

Однако подобного рода решения, как нам представляется, определялись не только объективными обстоятельствами. Важное значение имела и позиция командования фронта, о чем свидетельствует следующий факт.

3 апреля 1944 г. на имя члена Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Л. З. Мехлиса поступило письмо секретаря Витебского обкома ВКП (б) с просьбой «оказать районам нашей области такую же помощь, как это сделал Военсовет 1-го Белорусского фронта» (ЦА МО. Ф. 241. Оп. 2618. Д. 20. Л. 197). К письму прилагалось и вышеупомянутое постановление № 046. Несколькими днями ранее аналогичное письмо было направлено и от СНК БССР, опять же со ссылкой на пример 1-го Белорусского фронта, с тем чтобы «обсудить у себя этот вопрос и о принятых Вами решениях поставить нас в известность, чтобы учесть Вашу возможную помощь при планировании восстановления народного хозяйства Белоруссии» (ЦА МО. Ф. 241. Оп. 2618. Д. 20. Л. 225).

На просьбы последовала резолюция Л. З. Мехлиса следующего содержания: «Хохлову, Макарову². Прошу ознакомиться. У нас спущена директива помочь к севу. То, что делает Белорусский фронт, мы не можем и не имеем права» (ЦА МО. Ф. 241. Оп. 2618. Д. 20. Л. 197).

В дальнейшем содействие Белоруссии со стороны тыловых частей 3-го Белорусского фронта (как с 24 апреля 1944 г. стал именоваться Западный фронт) все-таки

¹ См., напр.: (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 7. Л. 154) — о совещании командования 65-й армии с представителями обл- и райисполкомов.

² И. С. Хохлов (1895—1973) — генерал-лейтенант интендантской службы и В. Е. Макаров (1903—1975) — генерал-лейтенант — члены Военного Совета Западного (с 24 апреля — 3-го Белорусского) фронта.

оказывалось, поскольку принимается соответствующее решение высшего руководства, которое нельзя было проигнорировать. Но по своим масштабам оно никак не могло сравниться с тем, что делали соседи. Позиция командования 1-го Белорусского фронта в лице в первую очередь маршалов К. К. Рокоссовского, Г. К. Жукова и начальника тыла фронта генерал-лейтенанта интендантской службы Н. А. Антипенко в данном отношении оказалась более последовательной.

Таким образом, привлечение частей Красной Армии к решению народнохозяйственных задач в рассматриваемый период обусловливается следующими факторами: решениями партийных и советских органов, определявших конкретные направления и задачи работы; социально-экономической ситуацией в освобожденных регионах, когда степень разрушений, убыль трудоспособного населения были настолько серьезными, что участие военнослужащих в восстановлении экономики оказывалось крайне необходимым; положением дел на фронте (моменты длительного затишья перед наступательными операциями); позицией политического руководства и высшего военного командования.

После перерыва, вызванного организацией и проведением операции «Багратион», 21 ноября 1944 г. за подписью Г. К. Жукова принимается новое постановление Военного Совета 1-го Белорусского фронта «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской республики», как отмечалось в тексте документа: «в целях оказания всесторонней помощи белорусскому народу в восстановлении хозяйства и в исполнении постановления от 24.2.44 г.» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 487).

На данном этапе помощь не носила столь всеобъемлющего и разнообразного характера как ранее, а заключалась преимущественно в передаче в распоряжение СНК БССР большого количества имущества, техники, стройматериалов, ГСМ. Кроме того, для восстановления Минска направлялся автомобильный батальон в сто машин, военно-строительный отряд, отдельный отряд по разминированию (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 489).

В организационном отношении можно выделить участие в возрождении экономики следующих подразделений фронта:

1. Запасные части, готовившие пополнения для боевых: 10-я Запасная стрелковая дивизия (все виды работ), команды выздоравливающих из госпиталей.

2. Части тыла фронта и армий, специализировавшиеся на выполнении разного рода вспомогательных работ (разминировании, восстановлении железных и автомобильных дорог и мостов, сборе трофеев, охране тыловых объектов): Управление военно-восстановительных работ (железные дороги), Дорожное управление фронта (шоссейные и грунтовые дороги), Санитарное и Ветеринарное управления фронта, Инженерное управление (промышленные объекты), Интендантское управление (обеспечение продовольствием и фуражом), Управление трофейного вооружения (учет и передача народному хозяйству имущества невоенного назначения) и др.

Виды работ, выполнявшиеся воинскими частями, нужно разделить на две группы. 1. Связанные с выполнением боевых операций, обеспечением мобильности и боеспособности войск фронта. Сюда, в частности, следует отнести восстановление транспортной инфраструктуры, необходимой для переброски войск. 2. Непосредственное участие в восстановлении народного хозяйства в соответствии со специально принятыми решениями политического и военного руководства.

Формы участия. 1. Косвенное. Снятие нагрузки с экономики за счет принимаемых военным командованием мер. В первую очередь речь идет о переводе частей на самообеспечение по ряду важнейших видов продовольственного и материального снабжения, что позволяло существенно сокращать расходы на транспортировку различного рода довольствия к местам дислокации соединений. 2. Прямое. Выполнение воинскими частями работ, связанных с восстановлением тех или иных отраслей народного хозяйства.

В свою очередь прямое участие могло выражаться в: а) создании условий для нормального функционирования экономики — разминирование, содействие формированию гражданских органов власти, меры противоэпидемического и противоэпизоотического характера, перемещение гражданского населения к местам проживания; б) участия военнослужащих в строительстве различных производственных объектов, в сельском хозяйстве, восстановлении дорог и мостов; в) выделении для нужд экономики, социальной сферы из собственных фондов или же трофейного имущества материалов, техники, медикаментов и т.п.

Необходимо рассмотреть конкретные виды помощи, оказывавшейся частями 1-го Белорусского фронта.

Важнейшей предпосылкой для успешного начала восстановительных работ являлось *разминирование* освобожденной территории. Так, воины-саперы 219-го отдельного отряда разминирования 1-го Белорусского фронта разведали и разминировали территорию 14 административных районов, 2 тыс. населенных пунктов, 10 тыс. км дорог, 800 различных объектов Бобруйской области (Чернушкевич

1986: 30). По другим областям суммарные цифры, представленные начальником инженерного управления 1-го Белорусского фронта, выглядят следующим образом (см. табл. 1) (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 13. Л. 845). Таким образом, разминированию подверглась почти треть территории республики.

Таблица 1

Разминирование территории Белоруссии частями 1-го Белорусского фронта в конце 1943—1944 гг.

Виды работ /Области БССР	Гомельская	Полесская	Могилевская	Минская	Барановичская	Пинская	Брестская	Всего
Разминировано территории (км ²)	15832	17889	3289	2193	2303	7573	14808	63887
В том числе сдано местным властям (км ²)	14042	17889	3289	2193	2303	6436	14808	60960
Снято, собрано и подорвано мин (шт.)	611212	375707	20187	4423	2091	41394	76740	1131754

На восстановлении *железных дорог и мостов* в составе 1-го Белорусского фронта было задействовано Управление военно-восстановительных работ № 1, включавшее части железнодорожных войск и специальных формирований НКПС: 3-я, 5-я, 8-я отдельные железнодорожные бригады, 9-й, 16-й, 22-й поезда по ремонту и восстановлению подвижного состава (подремы), 20-й, 27-й поезда по ремонту и восстановлению связи (связьремы), 18-й, 31-й мостопоезда, 16-я головная база (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 157. Л. 150).

На оккупированной территории противник производил восстановление участков железной дороги по западноевропейской колее. Работы железнодорожников состояли не только в ремонте поврежденных участков, но и в перешивке дорог на отечественную колею, чтобы единой нитью связать их с остальной страной. Всего же с октября 1943 г. по май 1945 г. на территории Белоруссии было восстановлено свыше 10 тыс. км линейных и станционных путей, 2 тыс. мостов и труб, свыше 700 путевых зданий, 20 паровозных и вагонных депо (Чернушевич 1986: 35).

О состоянии дорожной сети можно судить по «Справкам о состоянии основных

фронтовых и армейских дорог» за различные периоды времени. Например, в справке от 1 марта 1944 г., указывается, что на шоссе Калиновичи — Людиновка протяженностью 50 км «большинство дорожных сооружений было сожжено противником. В настоящее время восстановлены дорожными частями» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 53. Л. 120 об.). В работах участвовали отдельные дорожно-строительные, дорожно-эксплуатационные и мостостроительные батальоны фронтового и армейского подчинения. Общая численность военнослужащих, задействованных на данном виде работы, достигала 23 тыс. чел. С октября 1943 г. по август 1944 г. дорожными войсками на территории Белоруссии было подготовлено и обслужено более 37 тыс. км автомобильных дорог, проложено 400 км дорог с деревянным покрытием (Чернушевич 1986: 40), велось восстановление мостов через реки Березина, Днепр, Западный Буг, Припять, Сож, различные мелкие реки и ручьи.

В работе на *промышленных объектах* использовались преимущественно инженерные части фронта. Так, в марте 1944 г. 350 чел. были направлены на восстановление Гомельской электростанции (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 17. Л. 431). Военнослужащие также

участвовали в восстановлении лесопильного и станкостроительного заводов в Гомеле, Добрушского бумажного комбината. Летом 1944 г. в с. Слобудка Брестской обл. был оборудован полевой авторемонтный завод, в конце войны переданный правительству БССР (Антипенко 1982: 145).

Особое значение имело участие красноармейцев в *сельскохозяйственных работах*: уборке, обмолоте, пахоте и севе, ремонте тракторов и комбайнов. Заготовка зерновых в ноябре — декабре 1943 г. велась на уже покрытых снегом полях и была предназначена, в первую очередь, для обеспечения нужд самого фронта. В результате было получено 13,7 млн. пудов зерна. Излишки передавались населению Витебской и Могилевской областей, а 10 тыс. тонн было отправлено жителям Ленинграда. В работе участвовало 27 тыс. солдат

и 2,5 тыс. офицеров, 2 тыс. автомобилей (Антипенко 1982: 112—114).

Этот вид помощи возобновляется весной 1944 г., что находило отражение, в том числе, и на страницах армейской печати. Материалы помещались без указания конкретных частей и соединений: «В восстановлении разрушенного хозяйства, в подготовке и проведении весенне-полевых работ большую помощь колхозам Белоруссии оказывают наши части, наши бойцы и офицеры... Несколько тыловых частей отремонтировали для колхозов 2000 комплектов упряжи, выделили для тракторов 165 тонн керосина...» (Мы возродим тебя любимый край 1944: 4).

Отдельные виды работ распределялись между армиями фронта. Это, в частности, относится к ремонту детских домов (см. табл. 2) (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 170).

Таблица 2

Ремонт детских домов частями 1-го Белорусского фронта

Ответственные за ремонт	Место расположения детского дома	Количество мест в детском доме
Начальник тыла фронта	пос. Ченки Гомельской обл.	200
Начальник тыла 65-й армии	д. Бабичи Васильевического района Полесской обл.	200
Начальник тыла 48-й армии	г. Речица Гомельской обл.	150
Начальник тыла 61-й армии	г. Калинковичи Гомельской обл.	150
Начальник тыла 50-й армии	Пропойский район Могилевской обл.	150
Начальник тыла 3-й армии	Журавичский район Гомельской обл.	150
Начальник тыла 10-й армии	Чериковский район Могилевской обл.	150

Медицинская и ветеринарная помощь населению способствовала нормализации мирной жизни, созданию условий для созидательного труда. При отступлении оккупанты распускали инфекционных больных из лечебных учреждений по домам, что создавало угрозу распространения эпидемий. В марте 1944 г. из лагерей было освобождено около 30 тыс. чел., перемещенных немцами из оставленных ими территорий. Люди оказались в крайне тяжелом состоянии, истощенные, встречалось много сыпно-тифозных.

Налаживание систематической медицинской помощи гражданскому населению считалось важной предпосылкой для ограждения войск от заболеваний. Соответствующие меры стали приниматься еще до выхода постановления № 046, о чем свидетельствуют материалы совещания, состоявшегося 15 февраля 1944 г. в Управлении тыла Белорусского фронта:

«Что касается медицинской службы, то мы не ослабим своей системы, если восстановим больницы в Гомеле, Мозыре, Речице и других местах. Для этого потребуется не много госпиталей, чтобы отдать Белорусскому правительству.

Мы сейчас не имеем в Белоруссии не только ни одной больницы, но даже ни одной амбулатории, где можно было бы организовать медицинскую помощь населению... исключительно правильное решение, в том смысле, что ведь прежде всего для того, чтобы бороться с сыпным тифом, надо госпитализировать больное гражданское население. Если бы мы поставили задачу госпитализировать гражданское население силами здравоохранения Белоруссии, то это было бы утопией. Поэтому мы должны все это взять на себя.

В связи с этим был поставлен вопрос перед Правительством о разрешении выделить

соответствующее количество госпиталей для помощи гражданскому населению и сейчас мы уже 5000 сыпно-тифозных из гражданского населения берем на себя...

Мало этого. Учитывая разрушенную сеть здравоохранения, большую бедность, в которую привел фриц народ Белоруссии, мы считаем необходимым выделить мыло и другие средства.

Мы выделили более 150 человек медицинских работников для систематической работы среди гражданского населения» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 157. Л. 627).

Для помощи освобожденному из лагерей гражданскому населению Военный Совет 65-й армии создал Чрезвычайную комиссию и оперативную группу. Район, где располагались лагерь, был объявлен на чрезвычайном положении. Организуется в первый же день 8 сборных и 15 питательных пунктов (8 с горячей пищей, 7 с выдачей сухих пайков), оказывалась при необходимости и медицинская помощь (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 161. Л. 176).

В дальнейшем в населенные пункты и на важнейшие дороги в тыловых районах фронта посылались 54 противэпидемических отряда в составе 79 врачей, 145 человек среднего медперсонала, 75 санинструкторов и дезинфекторов (см. также табл. 3).

Среди встречавшихся проблем необходимо упомянуть такую как ненадежность аппаратов местных властей, зачастую не успевавших принимать передаваемое из армии имущество. В документах также нередки

упоминания о конфликтах по поводу небрежного отношения отдельных бойцов и командиров к народнохозяйственным объектам — разбор складов и сараев на топливо, занятие производственных помещений, не позволявшее начать работу предприятиям и госучреждениям, хищения колхозного продовольствия и фуража, на что обращалось внимание в письме военного отдела ЦК КП (б) Белоруссии на имя члена Военного Совета фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 83).

Однако подобные примеры относятся, преимущественно, к концу 1943 — началу 1944 гг., и характерны для недавно освобожденных территорий, где порядок взаимоотношений между военными и гражданскими учреждениями еще не успел сложиться. В дальнейшем любые злоупотребления жестко пресекались, а конфликты старались разрешить по взаимному согласию сторон, свидетельством чему являются в том числе и соответствующие резолюции командования: «Издать приказ о прекращении этих безобразий, расследовать и предать суду виновных...» (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33. Л. 83).

О некоторых результатах оказания помощи частями 1-го Белорусского фронта народному хозяйству Белоруссии можно составить представление по приведенной ниже таблице (см. Табл. 3) (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 13. Л. 465—468).

Таблица 3

**Перечень помощи частями 1-го Белорусского фронта
народному хозяйству Белоруссии (осень 1943 г. — 1 августа 1944 г.)**

Виды помощи	Годы		Всего
	1943	1944	
<i>1. Помощь сельскому хозяйству</i>			
Вспахано и заборонено (га)	527	15853	
Посеяно разных культур (га)	5964	4301	
Перевезено сельскохозяйственных грузов: удобрений, семян и др. (т)	1473	185690	
Отремонтировано и передано сельхозинвентаря (шт.)	77	3078	
Выделено тракторов на сельхозработы (шт.)	-	36	36
Убрано сена (га)	1837	48	
Отпущено разных семян (тонн)	-	43	43
Отремонтировано тракторов (шт.)	1	60	61
<i>2. Помощь материальными средствами</i>			
Передано колхозам лошадей (голов)	-	554	554
--/-- жеребят (голов)	1 486	-	1486
--/-- дойных коров (голов)	-	3	3
Отпущено автобензина (т)	-	45	45

Таблица 3. Продолжение

Виды помощи	Годы		Всего
	1943	1944	
--/-- керосина (т)	-	713	713
--/-- дизтоплива (т)	-	201	201
--/-- автола (т)	-	5	5
--/-- солидола (т)	-	107	107
--/-- лигрола (т)	-	0,2	0,2
--/-- ведер (шт.)	-	446	446
--/-- бочек разных (шт.)	-	3209	3209
--/-- резервуаров разных (шт.)	-	554	554
--/-- шлангов (шт.)	-	1 273	1273
--/-- воронок (шт.)	-	272	272
--/-- кузнечных инструментов — комплектов (шт.)	-	5	5
--/-- упряжи одноконной (шт.)	-	6005	6005
--/-- дуг (шт.)	-	2400	2400
--/-- седел (шт.)	-	2000	2000
--/-- хомутов (шт.)	-	824	824
--/-- колесных ободьев (шт.)	-	7000	7000
--/-- подков (шт.)	-	3000	3000
--/-- колесной мази (кг)	-	1000	1000
--/-- оконных переплетов (шт.)	-	100	100
--/-- изоляционного провода (м)	-	10 000	10 000
--/-- жести листов (шт.)	-	1000	1000
--/-- лопат железных (шт.)	-	8000	8000
--/-- печей железных (шт.)	-	1300	1300
--/-- весов десятичных (шт.)	-	3	3
--/-- насосов разных (шт.)	-	222	222
--/-- пил поперечных (шт.)	-	100	100
--/-- гвоздей (кг)	-	2360	2360
--/-- краски (кг)	-	12355	12355
--/-- клея (кг)	-	375	375
--/-- стройматериалов разных (т)	-	73	73
Изготовлено и передано детских костюмов (шт.)	-	900	900
--/-- ботинок (пар)	-	600	600
--/-- инвентаря для детдомов (шт.)	-	500	500
Передано продуктов разных для детдомов (т)	-	90	90
--/-- жиров, мяса, рыбы (кг)	-	36224	36224
--/-- сахара (кг)	-	7200	7200
--/-- картофеля (т)	-	45	45
--/-- молока (кг)	-	17100	17100
--/-- соли (кг)	-	3850	3850
--/-- пайков для госпитализированных инфекционных больных (шт.)	-	2000	2000
--/-- мешкотары (шт.)	-	500	500
--/-- корзин и ящиков (шт.)	-	8357	8357
3. Строительство и ремонт бытовых, культурно-просветительских и общественных зданий			
Восстановлено административных, жилых и промышленных зданий в Гомеле и Ново-Белице (кубометров)	-	169322	169322
Построено щелей и бомбоубежищ для ЦК КП (б) Б и правительства БССР (кубометров)	-	11545	11545

Таблица 3. Продолжение

Виды помощи	Годы		Всего
	1943	1944	
Построено и отремонтировано хоз. помещений, жилых домов колхозам, колхозникам, МТС (ед.)	672	1757	
Построено землянок (ед.)	46	-	46
Построено и отремонтировано бань (ед.)	149	1111	
--/-- школ и клубов (ед.)	1	60	61
Изготовлено школьных парт (шт.)	-	84	84
Восстановлено детских домов (шт.)	-	2	2
--/-- кузниц (шт.)	-	18	18
--/-- колодцев (шт.)	-	1505	1505
--/-- мельниц разных (шт.)	16	46	62
--/-- лесозаводов (шт.)	-	2	2
--/-- мостов (погонных метров)	-	9387	9387
Отремонтировано автомашин (шт.)	-	22	22
Передано автомашин (шт.)	26	-	26
Отремонтировано повозок (шт.)	22	-	22
4. Медицинская помощь			
Построено и оборудовано санпропускников (ед.)	12	229	
--/-- дезкамер (ед.)	-	620	620
Организовано больниц и медпунктов (шт.)	-	30	30
Передано рентгенкабинетов (ед.)	-	1	1
--/-- клинических лабораторий (ед.)	-	3	3
--/-- зубоучастковых кабинетов (ед.)	-	1	1
Оказана медпомощь (чел.)	1500	99157	
Пропущено через бани (чел.)	174193	1327333	
Продезинфицировано одежды (компл.)	173989	1091835	
Обследовано населенных пунктов (ед.)	5350	6738	
Выявлено очагов сыпного тифа (ед.)	-	23678	23678
Прохлорировано колодцев (шт.)	-	3387	3387
Отпущено мыла (т)	30	78	
--/-- противопаразитарных средств (т)	3	-	3
--/-- дуста (кг)	10000	-	10000
--/-- халатов, госпитальных туфель (компл.)	-	1250	1250
Выделено эпидемических отрядов (ед.)	20	-	20
--/-- обмывочных дезинфекционных рот (ед.)	13	-	13
5. Ветеринарная помощь			
Организовано ветпунктов (ед.)	-	17	17
Оказана ветпомощь (голов)	9822	9666	
Выделено жеребцов для случной кампании (голов)	-	30	30
Ликвидировано очагов сапа (ед.)	-	77	77
Обследовано на сап (голов)	14647	9945	
Отпущено серы (кг)	6095	3000	
Малленизировано лошадей (голов)	3605	3016	
Выделено креолина (кг)	990	-	990
--/-- едкого натра (кг)	100	-	100
Оборудовано газокамер (ед.)	160	-	160
--/-- бань конских (ед.)	85	-	85
6. Политическая работа			
Проведено лекций и бесед на разные темы (ед.)	223	1333	

С продвижением Красной Армии на территорию Польши и Германии части 1-го Белорусского фронта постепенно перемещаются все дальше на Запад, за пределы нашей страны. Во второй половине 1944 — начале 1945 гг. основная помощь народному хозяйству Белоруссии заключалась преимущественно в передаче огромных объемов трофейного имущества, захваченного в ходе операции «Багратион»: металлы, тара, трактора, гвозди, двигатели, вагонетки, трубы, отопительные батареи, дорожные катки, трансформаторы, телефоны, коммутаторы, упряжь, рабочий скот, минеральные удобрения и мн. др. Обобщенные данные об этом приведены в справке, составленной 9 февраля 1945 г. начальником тыла фронта Н. А. Антипенко на имя зам. председателя СНК СССР В. М. Молотова (ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 45. Л. 34—40).

В ходе передислокации подсобные хозяйства фронта оставляли местным колхозам и совхозам заготовленный фураж и зерно. К концу 1944 г. все фронтовые и армейские подсобные хозяйства были ликвидированы, а их имущество, в том числе 40 тыс. голов скота, передано колхозам и совхозам.

Таким образом, можно выделить следующие периоды оказания помощи войск 1-го Белорусского фронта народному хозяйству БССР:

1) От начала освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков до выхода постановления ВС 1 БФ № 046 (осень 1943—февраль 1944 гг.). В этот период поддержка носила эпизодический характер;

2) От принятия постановления ВС 1-го БФ № 046 до начала операции «Багратион» (март—июнь 1944 г.). Время стабилизации фронта и относительного затишья, когда содействие Красной Армии в восстановлении народного хозяйства становится одной из важных задач всех армий и тыловых соединений;

3) От окончания операции «Багратион» до начала Висло-Одерской операции (осень 1944 г. — начало 1945 гг.). Оказание помощи западным областям Белоруссии, недавно освобожденным от оккупантов.

Общими усилиями солдат, офицеров, генералов, тружеников тыла был внесен огромный вклад в восстановление народного хозяйства, социальной и политической инфраструктуры Белоруссии в самый сложный период после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Объем и характер работ строился таким образом, чтобы ни в коей мере не умалять боевые задачи, стоявшие перед частями и соединениями.

ЛИТЕРАТУРА

Антипенко Н. 1964. Помощь советских войск в восстановлении народного хозяйства Белоруссии // Военно-исторический журнал 6, 71—74.

Антипенко Н. А. 1982. На главном направлении. Минск: Беларусь.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988). 1985. Т. 7: 1938—1945. Москва: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 427—465, 485—489.

Мы возродим тебя, любимый край! Воины помогают колхозам Белоруссии // Красная Армия. Ежедневная фронтовая красноармейская газета. 1944. 29 апр. № 102.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 7.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 13.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 17.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 33.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 45.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 53.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 157.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 161.

ЦА МО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 163.

ЦА МО. Ф. 241. Оп. 2618. Д. 20.

Чернушевич С. А. 1986. Деятельность политорганов и партийных организаций Советской армии по оказанию помощи партийным и советским органам Белорусской ССР в восстановлении и развитии народного хозяйства в послевоенный период (сентябрь 1943—1950 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВКП (б)	—	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
НКПС	—	Народный комиссариат путей сообщения СССР
СНК	—	Совет народных комиссаров
ЦА МО	—	Центральный архив Министерства обороны

REFERENCES

- Antipenko N.* Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military History Journal], 1964: 71–74 (In Russian).
- Antipenko N. A.* Na glavnom napravlenii [On the main line]. Minsk: Belarus. 1982 (In Russian).
- Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Souza v rezolutsiyakh i resheniyakh sjezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898—1988) [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of the congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898—1988)]. Vol. 7: 1938—1945. Moscow: Institute of Marxism-Leninism, 1985. p. 427—465, 485—489 (In Russian).
- Krasnaya Armiya [The Red Army], no. 102 (1944) (In Russian).
- The Central Archives of the Ministry of Defense (hereinafter — CAMD). Fund 233. Inv. 2342. Case 7 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 13 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 17 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 33 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 45 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 53 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 157 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 161 (In Russian).
- CAMD. Fund 233. Inv. 2342. Case 163 (In Russian).
- CAMD. Fund 241. Inv. 2618. Case 20 (In Russian).
- Chernushevich S. A.* Deyatelnost poliorganov i partiynykh organizatsiy Sovetskoy Armii po okazaniyu pomoshchi partiynym i sovetkim organam Belorusskoy SSR v vosstanoslenii i razvitii narodnogo khozyaistva v poslevoeyenniy period (sentyabr 1943—1950 gg.) [Soviet army organizations assisting the Communist Party and government authorities of the Byelorussian SSR in restoring and redeveloping national economy in the postwar period (September 1943—1950): A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Minsk, 1986 (In Russian).

V. V. Tsys'
Nizhnevartovsk, Russia

ENGAGING THE TROOPS OF THE 1ST BELORUSSIAN FRONT IN THE RESTORATION OF THE NATIONAL ECONOMY IN BELARUS DURING THE FINAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (FALL 1943 — EARLY 1945)

Abstract. The paper identifies the stages, causes, forms of assistance provided by the troops of the 1st Belorussian front in the restoration of the national economy of Belarus during the final stage of the Great Patriotic War.

The author indicates that the Red Army was involved in solving economic challenges for a number of reasons. First, this was a decision of the Party and Soviet authorities responsible for specific economic objectives and tasks. Second, the troops had to be involved due to the social and economic situation in the areas liberated from the invaders, since a large part of the infrastructure was destroyed and the population was demoralized and unable to work. Third, the troops had time to help with economic restoration during the long period of relative calm before offensive operations. Finally, the idea coincides with the general standpoint of political and military leaders.

The paper describes the types of works in redevelopment of the national economy and forms of assistance to the civilian population provided by the troops of the 1st Belorussian front, including mine clearance, restoration of roads and bridges, agricultural works, medical and veterinary services, assignment of trophy property seized during offensive operations.

The data shows that spare and logistical troops of the front the ones allocated to assist in the economic redevelopment in the Belarus Republic. The author notes that the most assistance was provided in the spring of 1944.

The author concludes that soldiers made a huge contribution to the economic redevelopment and restoration of social and political infrastructure of Belarus in the most difficult period after its liberation from Nazi invaders. The amount and character of works provided in no way detracted the troops from combat and military operations.

Key words: 1st Belorussian front; rear; national economy; Belarus; the power.

About the author: Valery Valentinovich Tsys', Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

О. П. Цысь
Нижевартовск, Россия**ПАЛЕСТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.***

Аннотация. В статье проанализирована одна из форм деятельности сибирских отделов Императорского Православного Палестинского общества — организация и проведение религиозно-просветительских чтений. Определена их роль в культурном пространстве Сибири. Отмечается, что главной заботой данных отделов было распространение сведений о прошлом и настоящем Святой Земли, а особенно о мерах по сохранению православной веры в Палестине, поощрению паломничества, предпринимаемых Императорским Православным Палестинским Обществом. Показано, что организаторы палестинских чтений в Западной Сибири руководствовались регламентом, достаточно четко прописанным в «Руководящих правилах для действия отделов» и других нормативных документах. Делается вывод, что отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири своевременно обеспечивались печатными изданиями, «туманными картинами», «волшебными фонарями», литературой, присылаемыми Советом Общества из Петербурга. Отмечаются заслуги отдельных представителей Западно-Сибирских отделов, включая епархиальных архиереев, в написании и издании собственных сочинений, посвященных Святой Земле. На основе анализа годовых отчетов Тобольского и Томского отделов изучена целевая аудитория, время проведения, общее число слушателей палестинских чтений в различные периоды. Приводится динамика и география их распространения. Показано, что чтения вызывали интерес в российской провинции среди всех слоев населения, преимущественно крестьянства. Делается вывод, что в рассматриваемый период, благодаря лекционной и культурно-просветительской деятельности Императорского Православного Палестинского общества поездки сибиряков в Палестину хотя и не стали массовым явлением, но, тем не менее, утратили характер экстраординарного события.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество; Святая Земля; Тобольский отдел; Томский отдел; народные чтения; епархия; духовенство.

Сведения об авторе: Ольга Петровна Цысь, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru

Народные чтения на рубеже XIX—XX вв. являлись широко распространенной формой культурно-просветительской работы, популярной среди различных социальных слоев, частью механизма повышения образовательного уровня населения страны. Их подготовкой и проведением занимались, в первую очередь, различные общественные неполитические организации, из которых одной из самых влиятельных следует признать Императорское Православное Палестинское общество (далее — ИППО), созданное в 1882 г.

Учредители ИППО стремились через широкую сеть региональных отделов познакомить россиян с прошлым и настоящим Святой Земли, традициями русского паломничества, увеличить материальные средства на научные изыскания в «области христианских древностей».

Этой просветительской работой были охвачены и жители Западной Сибири, где в 1894 г. и 1897 г. было создано два отдела ИППО — Томский и Тобольский. Важным

направлением просветительской деятельности Западно-Сибирских отделов ИППО стала организация народных чтений.

Тема палестинских чтений затрагивалась в работах ряда современных исследователей (Дегальцева 2002; Попов 2006; Нечаева, Микитюк 2014). В частности, в книге М. Ю. Нечаевой и В. П. Микитюк приведено много ценных наблюдений, касающихся содержания, форм, особенностей проведения данных чтений в различных регионах страны. Д. И. Попов, территориально ограничиваясь Западной Сибирью, постарался выявить общие черты, характерные для народных чтений, организуемых различными культурно-просветительскими обществами региона.

Тем не менее, история палестинских чтений, проводимых Западно-Сибирскими отделами ИППО, не становилась предметом специального исследования.

Источниковой базой настоящего исследования являются, в первую очередь, публикации на страницах местной прессы, а также материалы,

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

сосредоточенные в областных архивах: отчеты Томского и Тобольского отделов ИППО, епархиальных архиереев и благочинных, церковно-приходские журналы, газетные объявления о предстоящих чтениях и сообщения об итогах их проведения.

С момента создания Тобольского и Томского отделов разным лицам и учреждениям регулярно направлялись просьбы о проведении публичных бесплатных чтений для народа о Святой Земле (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 23).

Так, в 1899 г. Томский епархиальный архиерей Макарий (Невский) рассылает личные обращения к настоятелям церквей наиболее крупных населенных пунктов с предложением провести палестинские чтения в текущем году с использованием публикаций ИППО. «Правила для устройства и ведения чтений о Св. Земле», списки изданий ИППО и брошюры для производства по ним чтений были разосланы настоятелям 115 церквей Томской епархии (Деятельность отделов 1900: 434—435). Предписания преосвященного председателя отдела воспринимаются как руководство к действию. Просветительские чтения с этого момента начали проводиться повсеместно и достаточно регулярно. В 1899—1900 о.г. они организуются в 58 городах, селах и деревнях, включая Барнаул, Мариинск, Кузнецк, Ново-Николаевск, Колывань, Нарым, Каинск, Змеиногорск (Собрание членов 1899: 31). В 1900—1901 о.г. число населенных пунктов, где регистрируются палестинские чтения, достигло 179 — максимальной величины за все время существования Томского отдела (ТомЕВ 1901а: 17). Далее в источниках приводятся следующие показатели: 1902—1903 о.г. — «более 130 приходов», 1904—1905 о.г. — 5 городов и 127 селений, 1907—1908 о.г. — 4 города, 60 селений и приходов, 1910—1911 о.г. — 3 города и 55 приходов (ТомЕВ 1903: 44; Сибирская жизнь 1905; ТомЕВ 1909: 435; ТомЕВ 1911: 517).

Рост количества чтений, расширение их географии отмечались ежегодно и в Тобольской епархии вплоть до 1914 г. Весной 1899 г. беседы о Святой Земле состоялись в шести уездных центрах (Тобольск, Туринск, Березов, Курган, Ялуторовск, Сургут) и четырнадцати селах епархии: Бердюжском, Кармакском, Заводоуковском, Викуловском, Шатровском и др. (Деятельность отделов 1900: 567—569). По официальным данным, в отчетном 1901—1902 г. в епархии было зарегистрировано 27 населенных пунктов, в которых организуется

103 чтения (Деятельность отделов 1902: 27—28). В 1912—1913 о.г. провели 492 чтения (Отчет о деятельности Тобольского 1914: 10—11).

В городах местами проведения палестинских чтений были следующие учреждения: читальный зал архиерейского дома, народная аудитория, дом трудолюбия, мещанская богадельня, больница приказа общественного призрения, помещения военного собрания (или военных команд), тюремный замок, чайные общества трезвости, все средние учебные заведения (семинарии, гимназии, реальные училища), приходские и уездные училища, приходские церкви и т.д. (Отчет о деятельности 1909: 89—99). В селах и деревнях в качестве мест организации чтений упоминаются здания школ, храмов, волостные правления, часовни и, наконец, частные дома прихожан, реже — другие помещения, например, мукомольные заводы купцов П. А. Бронникова и А. В. Пермитиной, театр А. И. Текутьева, сторожки, станционные залы сибирской железной дороги, библиотеки.

Среди лекторов на палестинских чтениях преобладали священно- и церковнослужители, педагоги начальных и средних учебных заведений. Причем в городах большая их часть принадлежала к духовному званию. В селах, деревнях, «инородческих» юртах забота об устройстве публичных чтений лежала в основном на учителях, это помогало обеспечить чтения помещениями и слушателями. В качестве примера можно указать данные по Тобольской епархии за 1910 г. В этом году чтения провели в 58 сельских училищах и 6 церковно-приходских школах 8 священников, 2 псаломщика, 54 учителя и учительницы; в Тобольске — 6 протоиереев и 5 священников. В 1913 г. в целом по Тобольской епархии лекции читали 52 учителя, 68 священников и протоиереев, 20 дьяконов и псаломщиков (Отчет о деятельности 1914: 10—11). В Томской епархии в 1901—1902 о.г. из 327 лекторов протоиереев и священников было 139 (42,5), дьяконов и псаломщиков — 79 (24,2), учителей — 92 (28,1). Оставшиеся 14 (4,3) — чиновники, прихожане, фельдшер, члены семей причта (Отчет о деятельности 1902: 34).

Постепенно в Западно-Сибирских отделах ИППО сформировалась инициативная группа из церковной интеллигенции, представители которой организовывали и вели чтения систематически. Как правило, это был круг одних и тех же лиц, участвовавших не только в работе ИППО, но и в других общественно-

религиозных организациях края: комитетах Русского Православного миссионерского общества, епархиальных братствах — Тобольского св. вмч. Дмитрия Солунского и Томского св. Дмитрия Ростовского, приходских попечительствах и др.

В Томской епархии возглавил отдел народных чтений о Св. Земле «знарок религиозно-нравственной литературы, житий святых и географии, этнографии и быта Св. Земли» смотритель Томского духовного училища А. М. Курочкин. «Известный в городе лектор», как его называл преосвященный Макарий (Курочкин 1912: 560—564). Ему же была поручена регистрация и ведение ежегодной отчетности по всем устраиваемым религиозно-нравственным чтениям в г. Томске.

Примером комплексного системного подхода к организации и проведению палестинских чтений может служить многолетняя деятельность настоятеля Нарымского Крестовоздвиженского собора протоиерея Н. Н. Никольского. С целью организации пастырской деятельности он приобрел запас книг и брошюр для всего благочиния, серию картин на стекле, карту Палестины, планы Иерусалима и его окрестностей, храма Воскресения. В библиотеке Нарымского собора создается особый отдел — «Палестиноведение» (ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4141. Л. 10 об. — 13 об.).

Сохранился «церковно-приходской журнал» Нарымского собора, который вел Н. Н. Никольский и члены его причта с 1897 по 1910 г. (ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 121). В журнале делались записи о темах всех проповедей, внебогослужебных чтений, поучений, проводившихся настоятелем и церковнослужителями в течение указанного времени. Первое поучение «о Святой Земле и Императорском Православном Палестинском обществе» произносится в Нарымском соборе 30 марта 1897 г. на Похвальной неделе Великого поста. В тот же день чтения по брошюре преосвященного Макария (Невского) проводятся в здании городского училища. В 1909 г. палестинские чтения проходили уже на всех неделях Великого поста — с 12 февраля (на 1-й неделе) вплоть до Светлой субботы (ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4141. Л. 131—139, 156—160, 177 об. — 185 об.).

Еще один источник, дающий представление о времени и тематике палестинских чтений в течение длительного периода в одном учреждении, — «Журнал для записи народных чтений, производимых в градо-Тобольской

Кресто-Воздвиженской женской церковно-приходской школе» за 1897—1905, 1916—1917 гг. (ГУТО ГА. Ф. И-670. Оп. 1. Д. 1). Прошлое и настоящее Святой Земли стало здесь затрагиваться с 1901 г. на воскресных чтениях Великого поста. В 1916 г. в октябре было проведено дополнительное чтение на тему «Осквернение турками и немцами Святой Земли». Содержание лекций было посвящено: крестному пути Спасителя, Святой Земле и русскому богослужению на Голгофе, паломничеству в Палестину, деятельности ИППО.

Отчетная документация и другие публикации о деятельности отделов общества в местной прессе позволяют утверждать, что публичные лекции о Святой Земле, как правило, приурочивались к Великому посту. Например, в 1901—1902 о.г. в Томской епархии чтения устраивались с осени до Пасхи в 14,5 мест¹, с Рождества до Пасхи — 17,8 мест, в Великий пост — 67,8 мест (Подсчитано по: Отчет о деятельности Томского 1902. № 17: 20). Можно согласиться с утверждением К. Е. Балдина, что чтения были в значительной степени рассчитаны на подготовку прихожан к проведению всероссийского Вербного сбора, чтобы «в ходе его лепта благотворителей была как можно более весомой» (Балдин).

Каких-то единых строгих форм организации палестинских чтений не существовало, однако Совет ИППО всячески приветствовал, чтобы они проводилось не только в большом количестве, но имели бы «правильную постановку», придерживались программы, разработанной Советом ИППО. В нее включались следующие отделы: 1. Священная география, 2. Священная история, 3. Русское паломничество, 4. Современное положение Святой Земли, 5. Церковная история. Но только в епархиальных центрах, где имелись лица с соответствующей подготовкой, уровнем образования, можно было гарантировать выполнение данной программы в полной мере.

Продуманностью тематики и высоким уровнем организации отличались чтения в Томском архиерейском доме. Объявления об их проведении регулярно публиковались на страницах самого популярного городского издания — газеты «Голос Томска» в разделе «Местная хроника». Судя по содержанию этих объявлений за 1908 г., чтения проводились в

¹ Если судить по отчетам Томского отдела, начинались они в октябре-декабре, а окончание следовало в неделю Ваий (Вербную), в частности, в праздник входа Господня в Иерусалим.

строго установленные сроки и по определенной системе. В качестве примера можно привести извещение, опубликованное в номере за 24 января:

«Сегодня в 7 часов вечера в читальном зале архиерейского дома состоится чтение с световыми картинами. Будут прочтены статьи: 1) “Бога бойтесь”, 2) “Завоевание Сибири” и 3) “Хеврон и Горня”. Хором архиерейских певчих будут исполнены песнопения: 1) “Христа Господа”, 2) “Господи, имя Тебе — любовь” и 3) “Да здравствует Державный”. Билеты на чтение можно получать в архиерейском доме у библиотекаря епархиальной библиотеки» (Голос Томска 1908: 24 янв. № 20).

Такой же порядок сохранялся и в дальнейшем. Одна из тем была посвящена истории России, другая — нравственным основам человеческого бытия, третья — Палестине:

31 января — «Гора Синай и ее святыни», 7 февраля — «Путешествие русских богомольцев из Иерусалима в Назарет и к морю Галилейскому», 14 февраля — «Фавор, Кармил и озеро Галилейское», 12 марта — «Назарет, Кармил, Фавор и озеро Галилейское», 20 марта — «Елеон и Гефсимания», 6 апреля — «Значение Палестины для православного русского народа» (Голос Томска 1908a; Голос Томска 1908b; Голос Томска 1908c; Голос Томска 1908d; Голос Томска 1908e; Голос Томска 1908f). После длительного перерыва чтения возобновлялись осенью: 9 октября — «Путь русских паломников от Одессы до Иерусалима (объяснение с картинами)», 14 ноября — «Места страдания, смерти и воскресения Спасителя. Их прошлое и настоящее», 21 ноября — «Русский дом в Иерусалиме на пороге судных врат», 4 декабря — «Хеврон, дуб Мамврийский и Горня», 11 декабря — «Вифлеем и его святыни» (Голос Томска 1908g; Голос Томска 1908h; Голос Томска 1908i; Голос Томска 1908j; Голос Томска 1908k).

Своеобразным развитием лучшего опыта, накопленного при проведении палестинских чтений, стала организация палестинских вечеров, когда рассказы о Святой Земле чередовались с пением ученического (или архиерейского) хора, декламацией стихотворений, аккомпанементом на фортепьяно, игрой граммофона, демонстрацией «туманных картин» «волшебного фонаря».

Примечательный факт: во время поездки преосвященного Макария в Санкт-Петербург весной 1908 г. его сопровождал архиерейский хор, принявший участие в нескольких

палестинских чтениях, организованных в Российской столице во время Великого поста (Отчет ИППО 1910: 30—31).

Большая часть чтений проводилась по брошюрам, издаваемым на средства ИППО. Материал был специально подобран для широкой публики, отличался разнообразием содержания. В отчетах Томского отдела отмечается, что лекторами широко использовались географический очерк Сергея Меча (Меч 1895). Очень популярны были 12 брошюр духовного писателя, протоиерея, магистра Санкт-Петербургской духовной академии В. Г. Певцова. Повсеместно распространялись общедоступные издания «для простого верующего народа», такие как «Чтения о Св. Земле», «Палестинские листки» (вып. 1—52), «Троицкие листки», «Спутник в Св. Землю», «Описания и виды Св. Земли», «Путевые записки русского пастыря о священном Востоке» А. Анисимова, «К животворящему Гробу Господню» В. Н. Хитрово (Отчет о деятельности 1902: 22; Отчет о деятельности 1903: 107—108), для более эрудированной публики — научные статьи, очерки, сообщения русских ученых, опубликованные в «Православном Палестинском сборнике». Упоминается об использовании строителями чтений таких работ как «Беседа о значении Святой Земли для христианского мира» М. С. Пальмова, «Беседа о Святой Земле» Н. Панова, «Иерусалим и его ближайшие окрестности» В. Н. Хитрово, «Очерки из библейской географии» профессора Московской духовной академии Н. А. Елеонского, «Библейская история» А. П. Лопухина, «Физическая география Палестины» И. В. Викторовского и др. (Отчет о деятельности 1901: 18—19). Епархиальным училищным советам в качестве материалов для палестинских чтений рекомендовались статьи, отпечатанные в «Школьном листке» при «Тобольских епархиальных ведомостях», доступные для детского понимания.

Посещение палестинских чтений за очень редкими исключениями было бесплатным. Лишь в «Народном доме» г. Тобольска и в Томском архиерейском доме со слушателей взималась небольшая сумма в размере 10—30 копеек. Однако в данных случаях лекция иллюстрировалась «туманными картинами» и сопровождалась пением архиерейского хора (число исполнителей иногда доходило до 70 человек).

В тех населенных пунктах, где священники или учителя имели опыт проведения духовных

бесед, были заинтересованы в результатах, собирались переполненные аудитории, привлекалось большое количество слушателей различных возрастов, званий, вероисповеданий. Все это дает основание думать, что чтения вызывали неподдельный интерес, пробуждали желание узнать новое о дальних странах и народах, об их истории, географии, жизни и быте населения.

Со временем некоторые наиболее подготовленные члены Западно-Сибирских отделов сами стали писать и публиковать статьи и брошюры по палестинской тематике. Среди самостоятельных изданий Томского отдела нужно в первую очередь указать на работы «товарища» председателя Томского отдела М. А. Гилярова, преподавателя Томской духовной семинарии М. А. Михайловского, председателя Томского отдела преосвященного Макария, делопроизводителей Томского отдела А. И. Левочского и А. М. Курочкина (см., напр.: Беседа 1896: 1—13; Курочкин 1899; Левочский 1896: 1—20). Брошюры епископа Макария и М. А. Гилярова были выпущены в Томске тиражом 5 тыс. экземпляров каждая и разосланы по всем приходам епархии для распространения и продажи по цене 5 копеек. (Эти же брошюры использовались и в Тобольском отделе ИППО, в частности, при организации чтений в губернском центре и Тюмени). Как указывалось в обзоре деятельности местных отделов ИППО за 1895—1896 гг., работа преосвященного Макария (Невского) «знакомит читателя с историей многострадальной Св. Земли, печальным в настоящее время положением в ней православия... с благотворительной деятельностью на пользу Православия в Св. Земле Палестинского общества» (Деятельность отделов 1896: 419). Из трудов тобольских авторов можно назвать работы Н. Г. Грифцева, А. Н. Грамматина, Н. А. Бирюкова, инспектора Тобольской духовной семинарии Д. Матвеева, К. Гусева и др. (Грифцев 1901: 140—146; 1903: 108—118; Грамматин 1910а: 353—357, Грамматин 1910б: 379—384; Ив-ский 1898: 143—154; Бирюков 1899: 135—146; Матвеев 1903а: 140—156; Матвеев 1903б: 165—167; Гусев 1910а: 353—357; Гусев 1910б: 379—385).

Н. Г. Грифцевым был составлен листок «О важности и пользе паломничества к святым местам Палестины», отпечатанный в типографии Братства св. вмч. Дмитрия Солунского тиражом 20 тыс. экз.

Однако лишь в редких случаях в названиях тем отражалась местная специфика, как, например, в Тюмени, где протоиереем А. Н. Грамматиным была проведена лекция «Путешествие из Сибири в Иерусалим и обратно» (Отчет о деятельности 1912: 6). Хотя, разумеется, при ответах на вопросы слушателей или в случае присутствия побывавших в Палестине паломников многие сюжеты освещались на конкретных примерах из личного опыта.

В целом же следует отметить, что основной массив литературы, вспомогательных материалов, которые можно было бы использовать для подготовки и проведения палестинских чтений, распространяется по благочиниям и приходам в течение первых 3—5 лет с момента начала организации чтений, т.е. к 1902—1904 гг. В дальнейшем рассчитывать на кардинальное обновление фонда необходимых изданий было уже сложно. В начале XX в. появилась, а в период после Первой русской революции широко распространилась практика рассылки по приходам полученных из Санкт-Петербурга от Совета ИППО готовых однотипных пакетов с вложенными в них печатными воззваниями и «пастырскими собеседованиями».

Успеху лекций способствовало использование «волшебного фонаря», содействовавшего более наглядному знакомству с услышанным, дополнявшего устный рассказ. В 1901—1902 о.г. в Томской епархии 13,9% палестинских чтений сопровождалось показом «туманных картин» с видами Св. Земли, в основном это были губернские и уездные города (Отчет о деятельности 1902: 24). К 1907 г. в Томском архиерейском доме было собрано более 300 «палестинских картин» для «волшебного фонаря» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2244. Л. 31 об.).

Источники приобретения иллюстративного материала отличались большим разнообразием: на средства настоятелей приходов, за счет благотворителей (купцов, мелких чиновников), по подписным листам, на пожертвования прихожан и церковно-приходских попечительств. Отмечен случай в с. Сорокинском Томской епархии, когда «туманные картины» были «принесены из Св. Земли местной крестьянкой Феодосией Щербаковой, которая и объясняла их на чтениях» (Отчет о деятельности 1902: 25). Приходские священники соседних сел обменивались брошюрами, по прочтении передавая их в те приходы, где они еще не читались.

Часто по окончании чтений слушателям бесплатно раздавались палестинские листки. В отчете одного из сельских священников Тобольской епархии за 1902 г. сообщалось: «С нетерпением ждет крестьянин той минуты, когда ему дадут палестинский листок и картинку, на которой изображены или часовня гроба Господня, или пещера Рождества Христова, или река Иордань... Он с радостью приносит домой полученный листок и картину и заставляет читать грамотных детей... прочитавши, помещает в красном углу под иконами» (Отчет о деятельности 1903: 102). «Чтения выслушивались с большим вниманием и возбуждали в прихожанах живой интерес. Часто та или другая прочитанная статья усиленно выпрашивалась многими для прочтения еще у себя на дому», — сообщалось из с. Ребрихинского Томской епархии (Отчет о деятельности 1900: 2). Иногда прихожане, если им не хватало листков, выражали желание приобрести их за деньги (Отчет о деятельности 1902: 26). Такие бесплатные листки, предназначенные для раздачи жителям губернии, печатались не только в Санкт-Петербурге, но и в типографии Тобольского Епархиального Братства св. вмч. Дмитрия Солунского.

Совет Общества снабжал отделы огромными тиражами изданий, но их все равно не хватало для того, чтобы обеспечить каждый приход. Только в Тобольск в 1901—1902 гг. из Санкт-Петербурга было отправлено для бесплатной раздачи 4 тыс. брошюр, 10 тыс. палестинских листков, 3 тыс. видов Святой Земли (Деятельность отделов 1902: 21—22).

Активная раздача печатных материалов ИППО в Томском отделе стала практиковаться с 1899 г., достигнув пика накануне Первой русской революции: 1900—1901 о.г. — около 20 тыс. экз., 1901—1902 о.г. — 40 800 экз., 1903—1904 о.г. — 47 500 листков и картин, 15 455 брошюр, 1906—1907 о.г. — до 30 тыс. экз. (ТомЕВ 1901: 39; Деятельность отделов 1902: 21-22; Сибирская жизнь 1904; ТомЕВ 1908: 39).

В отчетах Тобольского отдела ИППО содержится не очень много информации о численности, составе слушателей по возрасту, полу и общественному положению.

Количество слушателей колебалось от нескольких десятков до нескольких сот человек. Это зависело от места проведения. В церквях, больницах, богадельнях, тюрьмах Тобольска собиралось в среднем от 30 до 60 человек. В учебных заведениях города, в помещении военного собрания, на фабрике —

до 500. В сельской местности цифры были не столь внушительны.

Так, по официальным данным в 1911 г. на 146 чтениях, проведенных в 63 сельских училищах и церковно-приходских школах Тобольской епархии, присутствовало 4 318 взрослых и 4 568 детей (Отчет о деятельности 1911: 13), т.е. в среднем по 60 чел. на каждом. В 1912 г. на 356 чтениях в школах губернии присутствовало около 23 тыс. чел. (Отчет о деятельности 1912: 23), т.е. в среднем около 64 чел., в 1913 г. на 492 чтениях в школах и храмах — 38 009 чел., соответственно, около 77 чел. на каждом (в среднем по 55 чел. в школах и 106 чел. в храмах) (Отчет о деятельности 1914: 12). В Томской епархии среднее число присутствующих составляло в 1899—1900 о.г. 143 чел., в 1900—1901 о.г. — 106 чел., в 1907—1908 о.г. — 93 чел., 1910—1911 о.г. — 76 чел. (ТомЕВ 1901:17; 1909: 435; 1911: 517). Наибольшее число слушателей, посещавших чтения в течение года в одном месте было достигнуто в Томском архиерейском доме в 1899—1900 о.г. — около 15 тыс. чел. (Деятельность отделов 1900: 436). К 1907 г. этот показатель уменьшился до 3 тыс. чел. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2244. Л. 31 об.).

Состав слушателей также отличался разнообразием, хотя преобладали крестьяне, учащиеся начальных и средних школ (последние — в городах), упоминается и о присутствии старообрядцев, солдат. Часто чтения посещались семьями: ученики школ приходили с родителями, офицеры — с женами и детьми и т.п.

В целом следует признать, что чтения, устраиваемые Тобольским и Томским отделами ИППО, выделялись доступностью содержания и разнообразием тематики и вполне соответствовали запросам времени. Палестинские чтения выгодно отличались от большинства проповедей и поучений, которые велись духовенством по устоявшейся традиции. Они затрагивали вечные вопросы жизни через призму современных проблем. Новые темы, новые формы подачи материала, наглядность — все это позволяло сблизить интересы церкви и мирян, укрепить взаимное доверие между ними.

О достигнутых результатах свидетельствуют и следующие сообщения, приводимые в отчетах благочинных и приходских священников: «Двое из постоянных слушателей, увлекшись рассказами о св. земле, в конце марта отчетного года сами отправились из Барнаула в св. землю, чтобы помолиться в

святых местах» (Отчет о деятельности Томского 1900: 3). «...Из деревни Новосмоленской, Верх-Ануйского прихода, по свидетельству священника, некоторые ушли в Св. Землю для поклонения» (Отчет о деятельности Томского 1902: 8).

По окончании чтений присутствующие нередко окружали священника, задавали вопросы, наиболее впечатлительные — проливали слезы, иногда выражали сожаление, что не имеют возможности лично побывать на Святой Земле. «Благодаря чтениям народ стал доверчивее жертвовать на Св. Землю и Палестинское Общество, ибо убедился, что собираемые деньги идут не куда-нибудь, а именно — в пользу Святой Земли» (Отчет о деятельности Томского 1902: 31—32, 36). Нужно отметить, что в образовательных учреждениях, также как и в некоторых приходах, палестинские чтения, разумеется, не являлись единственным способом неформального общения паствы и прихожан, педагогов и учеников. Лекции о Святой Земле могли быть вписаны в определенную систему внебюджетной или же учебно-воспитательной работы (ГАТомО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3278. Л. 341—342 об.).

Необходимо указать и на законодательный запрет на общественные увеселения в дни религиозных праздников: в Рождественский сочельник, Рождество Христово, канун двенадцатых праздников, день усекновения главы Иоанна Предтечи, 1-ю, 4-ю и страстную неделю Великого поста, Вербное воскресенье, день Воздвижения Креста Господня и др. (ГУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 225. Л. 8—9). Поэтому религиозно-просветительские чтения (в том числе Палестинские) должны были в определенной степени служить заменой светским развлекательным мероприятиям. Особые политические, идеологические, культурно-просветительские функции, которые возлагались государством на православное духовенство, требовали обеспечивать общий контроль за народной нравственностью.

Популяризация знаний о христианских святых не могла происходить без знакомства с современной Палестиной, ее древней и новой историей, географией, народным бытом. В конечном счете, через описание странствий русских, западных и греческих паломников, археологические и топографические сведения следовало создать определенный образ Палестины, вызывающий сочувствие к тем задачам, которые решало на Святой Земле ИППО.

Местная пресса также периодически информировала население о проводимых чтениях, посвященных Палестине, денежных сборах, годичных собраниях отделов ИППО (см., напр.: Сибирская жизнь 1898. 24 марта. № 66; Голос Томска 1908. 5 апр. № 78; Сибирские отголоски 1910а; Сибирские отголоски 1910b).

И все же у нас нет достаточных оснований говорить о том, что с помощью той информации, которая сообщалась о Палестине, роли ИППО в деле помощи русским паломникам в Святой Земле местному православному населению, можно было выйти за рамки решения ограниченных просветительских задач. Первоначальный энтузиазм, пронизывавший отчеты Западно-Сибирских отделов в первые годы их существования, сменился некоторым разочарованием.

В 1912 г. на очередном отчетном собрании Томского отдела отмечалось, что «в русском обществе существуют какие-то причины, содействующие охлаждению усердия народного к Святой Земле...» (Годичное собрание 1912: 559). Однако объяснить данное явление члены отдела затруднились. Мы попытаемся это сделать, имея в виду и достижения наших предшественников, занимавшихся аналогичной проблемой.

Данные «Журнала для записи народных чтений...» в Тобольской Кресто-Воздвиженской церковно-приходской школе показывают, что если в начале XX в. на палестинских чтениях число взрослых слушателей и детей было примерно одинаковым, то в предреволюционный период среди присутствующих абсолютное большинство составляли ученики школы (ГАТомО. Ф. 670. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 14 об.).

С нашей точки зрения, можно выделить несколько факторов, снижавших влияние на население палестинских чтений, работы отделов ИППО в целом.

1. Конкуренция со стороны других общественных организаций, прежде всего светских, также занимавшихся проведением публичных лекций, собеседований и т.п.

2. Постепенное снижение внимания к палестинским чтениям, связанное с исчерпанием нового материала, рассказывающего о Святой Земле. Всплеск интереса к Палестине наблюдался в первые годы, когда эта тема была в новинку. Спустя несколько лет обыкновенному «среднестатистическому» приходскому священнику уже сложно было подбирать оригинальные сюжеты, которыми можно было бы привлечь новых слушателей.

3. Секуляризация общественного сознания, прежде всего среди горожан, представителей молодого поколения.

Само духовенство в своих рапортах с большим сожалением писало о происходивших в общественных настроениях изменениях. Ключевыми здесь оказались события революции 1905—1907 гг., существенно повлиявшие на ситуацию в стране, радикализировавшие массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

- А. М. Курочкин (По случаю празднования 25-летия его служения). 1912 // ТомЕВ. № 10. Отдел неофиц.
- Балдин К. Е.* Деятельность Императорского Православного Палестинского общества на страницах «Епархиальных ведомостей» в конце XIX — начале XX в. // <http://ippo.ru> (2015. 15 сент.).
- Беседа о Святой Земле и ИППО Преподобного Макария еп. Томского и Барнаульского. 1896 // Сообщения ИППО. Санкт-Петербург, Т. VII.
- Бирюков Н.* 1899. Иерусалим // ТЕВ. № 7. Отдел неофиц.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 225.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-670. Оп. 1. Д. 1.
- ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4141.
- ГАТомО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121.
- ГАТомО. Ф. 670. Оп. 1. Д. 2.
- Годичное собрание Томского отдела ИППО. 1912 // ТомЕВ. № 10. Неофиц. часть.
- Голос Томска. 1908а. 30 янв. № 25.
- Голос Томска. 1908б. 6 февр. № 30.
- Голос Томска. 1908с. 13 февр. № 36.
- Голос Томска. 1908д. 12 марта. № 58.
- Голос Томска. 1908е. 19 марта. № 64.
- Голос Томска. 1908ф. 5 апр. № 7.
- Голос Томска. 1908г. 8 окт. № 217.
- Голос Томска. 1908h. 13 нояб. № 245.
- Голос Томска. 1908i. 20 нояб. № 250.
- Голос Томска. 1908j. 3 дек. № 260.
- Голос Томска. 1908k. 10 дек. № 265.
- Грамматин А. Н.* 1910а. Паломничество в Святую Землю и его причины // ТЕВ. № 15. Отдел неофиц.
- Грамматин А. Н.* 1910б. Паломничество в Святую Землю и его причины // ТЕВ. № 16. Отдел неофиц.
- Грифцев Н., прот.* 1901. Об иноверной кустодии у Гроба Господня // ТЕВ. № 6. Отдел неофиц.
- Грифцев Н., прот.* 1903. Проявление дивных путей промысла Божия в св. Земле // ТЕВ. № 5. Отдел неофиц.
- Гусев К., священник.* 1910а. Паломничество в Святую землю и его причины // ТЕВ. № 15. Отдел неофиц.
- Гусев К., священник.* 1910б. Паломничество в Святую землю и его причины // ТЕВ. № 16. Отдел неофиц.
- Дезальцева Е. А.* 2002. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861—1917). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. тех. ун-та.
- Деятельность отделов ИППО в 1895—96 году. 1896 // Сообщения ИППО. Т. VII. Санкт-Петербург.
- Деятельность отделов ИППО в 1899—1900 году. 1900 // Сообщения ИППО. Санкт-Петербург, Т. XI.
- Деятельность отделов ИППО в 1901/02 году/ 1902 // Сообщения. ИППО. Санкт-Петербург, Т. XIII. Приложение 1.
- Ив-ский.* Русские паломники в Святой земле. 1989 // ТЕВ. № 6. Отдел неофиц.
- Курочкин А. М.* 1899. Православие в Святой Земле и деятельность ИППО для его поддержания. Санкт-Петербург.
- Левочкин А. И.* 1896. Инославные во Святой Земле // Чтения о Св. Земле. Изд. ИППО. Вып. 34. Санкт-Петербург.
- Матвеев Д.* Галилея и ее святыни. 1903а // ТЕВ. № 6. Отдел неофиц.
- Матвеев Д.* Галилея и ее святыни. 1903б // ТЕВ. № 7. Отдел неофиц.
- Меч С.* 1895. Поездка в Палестину (Географический очерк): Чтение для народа. Москва: Московская комиссия народного просвещения.
- Отчет о деятельности Томского отдела ИППО за 1901—1902 год. 1902 // ТомЕВ. № 17. Отдел неофиц.
- Нечаева М. Ю., Микитюк В. П.* 2014. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. Москва: Индрик.
- Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1902—1903 г. 1903 // ТЕВ. № 7. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1908/09 г. 1909 // ТЕВ. № 8. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1910—1911 г. 1911 // ТЕВ. № 9. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1911—1912 г. 1912 // ТЕВ. № 8. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1913 год. 1914 // ТЕВ. № 3. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Томского отдела ИППО за 1899—1900 г. 1900 // ТомЕВ. № 17. Отдел неофиц.
- Отчет о деятельности Томского отдела ИППО за 1901—1902 г. 1902 // ТомЕВ. № 17. Отдел неофиц.; № 19. Отдел неофиц.; № 20. Отдел неофиц.
- Отчет ИППО за 1908/09 г. 1910. Санкт-Петербург.
- Попов Д. И.* 2006. Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX — начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2244.

- Сибирская жизнь. 1898. 24 марта.
 Сибирская жизнь. 1904. 23 марта.
 Сибирская жизнь. 1905. 13 апр.
 Сибирские отголоски. 1910а. 7 февр. № 22.
 Сибирские отголоски. 1910b. 13 апр. № 57.
 Собрание членов Томского Отдела ИППО. 1899 // ТомЕВ. № 17.
 ТомЕВ. 1901а. № 8.
 ТомЕВ. 1901b. № 17.
 ТомЕВ. 1903. № 8.
 ТомЕВ. 1908. № 8—9.
 ТомЕВ. 1909. № 10.
 ТомЕВ. 1911. № 10.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАТомО	—	Государственный архив Томской области
ГУТО ГА	—	Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИППО	—	Императорское Православное Палестинское общество
ТЕВ	—	Тобольские епархиальные ведомости
ТомЕВ	—	Томские епархиальные ведомости
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
о.г.	—	отчетный год

REFERENCES

- Kurochkin A. M.* Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 10 (1912) (In Russian).
Baldin K. E. Deyatelnost Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva na stranitsakh «Eparkhialnykh vedomostey» [Activities of Imperial Orthodox Palestine Society reflected in 'Eparkhialniye vedomosti' in the late 19th — early 20th centuries]. <http://ippo.ru> (Accessed on September 15, 2015) (In Russian).
Biryukov N. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 7 (1899) (In Russian).
 State Archives in Tobolsk, a state institution of Tyumen region. Fund I-152. Inv. 12. Case 225 (In Russian).
 State Archives in Tobolsk, a state institution of Tyumen region. Fund I-191. Inv. 1. Case 22 (In Russian).
 State Archives in Tobolsk, a state institution of Tyumen region. Fund I-670. Inv. 1. Case 1 (In Russian).
 State Archives of Tobolsk region. Fund 170. Inv. 1. Case. 4141 (In Russian).
 State Archives of Tobolsk region. Fund 257. Inv. 1. Case. 121 (In Russian).
 State Archives of Tobolsk region. Fund 670. Inv. 1. Case. 2 (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 6 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 7 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 25 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 36 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 58 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 64 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 217 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 245 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 250 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 260 (1908) (In Russian).
 Golos Tomsk [Voice of Tomsk], no. 265 (1908) (In Russian).
Grammatin A. N. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 15 (1910) (In Russian).
Grammatin A. N. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 16 (1910) (In Russian).
Griftsev N. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 6 (1901) (In Russian).
Griftsev N. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 5 (1903) (In Russian).
Gusev K. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 15 (1910) (In Russian).
Gusev K. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 16 (1910) (In Russian).
Degaltseva E. A. Obshchestvenniye nepoliticheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861—1917) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861—1917)]. Barnaul: Altai State Technical University, 2002 (In Russian).
 Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society], vol. 7 (1896) (In Russian).
 Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society], vol. 9 (1900) (In Russian).
 Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society], vol. 8 (1902) (In Russian).
 Ivsky. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 6 (1889) (In Russian).
Kurochkin A. M. Pravoslaviye v Svyatoy Zemle i deyatelnost IPPO dlya ego podderzhiya [Christianity in the Holy Land and supporting activities of the Imperial Orthodox Palestine Society]. Saint Petersburg, 1899 (In Russian).
Levochky A. I. 1896. Chteniya o Sv. Zemle [Holy Land readings], no. 34 (1896) (In Russian).
Matveev D. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 6 (1903) (In Russian).
Matveev D. Toboskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 7 (1903) (In Russian).

Mech S. Poezdka v Palestinu (Geograficheskiy ocherk): Chteniya dlya naroda [A trip to Palestine (A geographical essay): Readings for the public]. Moscow: Moscovskaya komissiya narodno prosveshcheniya, 1895 (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 17 (1902) (In Russian).

Nechayeva M. Yu., Mikityuk V. P. Imperatorskoye ravoslavnoye Palestinskoye Obshchestvo v kulturnoy srede rossiyskoy provintsii [The Imperial Orthodox Palestine Society in the cultural environment of the Russian province]. Moscow: Indrik, 2014 (In Russian).

Tobolskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 7 (1903) (In Russian).

Tobolskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 8 (1906) (In Russian).

Tobolskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 9 (1911) (In Russian).

Tobolskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 16 (1912) (In Russian).

Tobolskiye eparkhialniye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], no. 3 (1914) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 17 (1899) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 17 (1900) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 8 (1901) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 17 (1901) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 17, no. 19, no. 20 (1902) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 8 (1903) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 8—9 (1908) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 10 (1909) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 10 (1911) (In Russian).

Tomskiye eparkhialniye vedomosti [Tomsk diocesan journal], no. 10 (1912) (In Russian).

Otchet IPPO za 1908/09 g. [Report on the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1908—1909]. Saint Petersburg, 1910 (In Russian).

Popov D. I. Kulturno-prosvetitel'skiye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational societies in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University, 2006 (In Russian).

Russian State Historical Archive. Fund 796. Inv. 442. Case 2244 (In Russian).

Sibirskaya zhizn [Siberian life], March 24th, 1898 (In Russian).

Sibirskaya zhizn [Siberian life], March 23rd, 1904 (In Russian).

Sibirskaya zhizn [Siberian life], April 13th, 1905 (In Russian).

Sibirskiy otgoloski [Siberian echoes], no. 22 (1910) (In Russian).

Sibirskiy otgoloski [Siberian echoes], no. 57 (1910) (In Russian).

O. P. Tsys'

Nizhnevartovsk, Russia

PALESTINIAN READINGS IN WESTERN SIBERIA AT THE TURN OF XIX—XX CENTURY

Abstract. The paper identifies the activities of the Siberian branches of the Imperial Orthodox Palestine Society, namely, religious and educational lecturing. The author defines the role of such activities in the cultural environment of Siberia. The branches were mainly concerned in spreading the information about the past and present situation in the Holy Land, especially about the measures to preserve the Orthodox faith in Palestine and encourage pilgrim journeys of the Imperial Orthodox Palestine Society. The paper shows that the organizers of the Palestine readings in Western Siberia observed the «Guiding rules for branches and departments» and other regulations. The West-Siberian branches of the Imperial Orthodox Palestine Society were provided with printed materials, pictures and other literature sent by the Imperial Orthodox Palestine Society Council in St. Petersburg, and points out the contributions that certain members of the West-Siberian branch made, including the achievements of diocesan bishops who wrote and published their papers devoted to the Holy Land. The author have studied of annual reports submitted by Tobolsk and Tomsk branches of the Society and analyzed the target group, timing, and total number of listeners of Palestine readings over different periods. The paper gives the dynamics and geography of Palestine readings and shows that they raised interest among all social groups of the Russian, and particularly, among peasants. The author concludes that during the period under study pilgrim journeys to Palestine were no longer perceived as some extraordinary event, even though they did not become a mass phenomenon. This alternation in attitude towards pilgrimage was due to the readings and lectures and other cultural and educational activities of the Imperial Orthodox Palestine Society.

Key words: Imperial Orthodox Palestine Society; Holy Land; Tomsk brunch; Tobolsk brunch; folk reading; diocese; clergy.

About the author: Olga Petrovna Tsys', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Scientist of the Regional Historical Research Laboratory.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902/904

В. И. Гребенюков
*Нижневартовск, Россия***АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОГО
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА (50—60-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена начальным этапам изучения неолита и энеолита восточного Казахстана. Историография периода позволяет составить картину состояния изученности территории. В 1950 г. Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИИМК под руководством С. С. Черникова были открыты поселения у сел Мало-Красноярка и Усть-Нарым. На обоих поселениях впервые в Казахстане проводились стационарные исследования в течение нескольких полевых сезонов.

Первые сведения о раскопках в Усть-Нарыме сразу же нашли отклик среди исследователей неолита. А. П. Окладников предложил рассматривать Усть-Нарым в качестве связующего звена между неолитом Сибири и Прикаспия. Датировать материалы было предложено по аналогии с первым слоем пещеры Джебел-серовским и китойским этапами неолита Забайкалья, т.е. второй половиной III тыс. до н.э.

В представлении Г. Ф. Коробковой индустрия поселения базировалась на отщепе, что главным образом отличало ее от пластинчатых индустрий Средней Азии. Данный вывод служил лейтмотивом при определении направленности культурных связей Усть-Нарыма с Сибирско-Алтайским кругом культур. Как оказалось позднее, вывод об отщеповом характере кремневой индустрии Усть-Нарыма был ошибочным. По информации, содержащейся в докторской диссертации С. С. Черникова, орудия из пластин по отношению к общей массе всех каменных орудий составляли 76,4%

В. Ф. Зайберт сделал вывод о долговременности существования, многослойности и полифункциональности Усть-Нарыма.

В 1962 г. было открыто несколько стоянок различных эпох в Карагандинской области. Материалы некоторых из них были опубликованы М. Н. Клапчуком. Он впервые в Центральном Казахстане стационарно исследовал две стоянки: Караганда-15 и Зеленая Балка-4.

Периодизация и хронология центрально-казахстанского неолита, а также сделанные М. Н. Клапчуком стратиграфические наблюдения на стоянке Караганда-15 нашли довольно неадекватный отклик среди исследователей неолита Казахстана и Южного Урала. Конструктивно к периодизации слоев стоянки Караганда-15 подошел Г. Н. Матюшин. Имевшиеся данные позволяли синхронизировать материалы стоянки Караганда-15 с V слоем пещеры Джебел.

Ключевые слова: неолит; энеолит; Усть-Нарым; Караганда-15; Мало-Красноярка; Зеленая Балка-4; кельтеминар; Джебел.

Сведения об авторе: Владимир Иванович Гребенюков, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)465068, e-mail: grebenukov@mail.ru

Заметным явлением в изучении неолита и энеолита Казахстана в 50-е гг. стали исследования, проводимые в Восточном Казахстане С. С. Черниковым. В 1950 г. Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИИМК под его руководством были открыты поселения у сел Мало-Красноярка и Усть-Нарым (Черников 1952: 84—85). На обоих поселениях впервые в Казахстане проводились стационарные исследования в течение нескольких полевых сезонов (Черников 1956а: 23; 1956б: 45; 1957: 14—15; 1959: 99—100).

В 1952 г. на поселении Усть-Нарым был заложен раскоп, которым было вскрыто жилище. В заполнении жилища были обнаружены пластины, скребки, отщепы, фрагменты керамики, орнаментированные зигзагообразными вдавлениями гладкого и гребенчатого штампов. Кроме того, были обнаружены обломок тупика из челюсти коровы, обломок гранитной зернотерки, свинцовая палочка, медный шлак и фаунистические остатки, представленные и костями домашних животных (Черников 1956б: 47—48).

Первые сведения о раскопках в Усть-Нарыме сразу же нашли отклик среди исследователей неолита. А. П. Окладников предложил рассматривать Усть-Нарым в качестве связующего звена между неолитом Сибири и Прикаспия. Датировать материалы было предложено по аналогии с первым слоем пещеры Джебел, серовским и китойским этапами неолита Забайкалья, т.е. второй половиной III тыс. до н.э. (Окладников 1956: 206—207).

Дополнительная шурфовка, проведенная на поселении Усть-Нарым в 1953 г., выявила на глубине двух метров новый культурный слой, отделенный от предыдущего стерильной прослойкой мощностью 1—1,1 м. Полученные из шурфа орудия, широкие и короткие ножи на отщепах, наконечники дротиков с двусторонней обработкой, скребки, пластины с ретушью, нуклеусы и другие изделия были отнесены С. С. Черниковым к неолиту (Черников 1954: 47; 1957: 15).

В том же 1953 г. был заложен небольшой раскоп на поселении Мало-Красноярка. Инвентарный комплекс поселения в целом был схож с материалами нижнего неолитического слоя поселения Усть-Нарым. Здесь были получены и немногочисленные фрагменты керамики от тонкостенных сосудов, покрытых сплошным нечетким орнаментом (Черников 1954: 47; 1957: 14—15).

Отличительными чертами стоянок верховий Иртыша С. С. Черников назвал небольшое количество пластин с ретушью и специфическую сырьевую базу, большинство орудий поселений было изготовлено из черного кремня. Чрезвычайно показательна в связи с интерпретацией материалов поселений точка зрения С. С. Черникова по проблеме неолита Казахстана: «...Это степной дунный неолит, известный во многих местах Казахстана, датировка и классификация которого все еще представляет значительные трудности» (Черников 1956а: 24).

Раскопки, проведенные на поселении Усть-Нарым с целью более детального исследования нижнего неолитического слоя, помимо более расширенной номенклатуры кремневого инвентаря, по сравнению с информацией о составе орудийного комплекса по итогам 1953 г., дали «сероглиняную керамику», украшенную прочерчиванием и гребенчатым штампом. Производственный инвентарь был представлен проколками, двусторонне обработанными вкладышами, терочниками, основаниями

рыболовных крючков, наконечниками стрел и копий и другими орудиями. Фауна стоянки была представлена в основном дикими видами животных и, предположительно, домашней козой (Коробкова 1969: 142—170; Черников 1956а: 24). Как писал С. С. Черников, «...прямых аналогий это поселение не имеет, отдельные типы орудий связываются с Ангарой (серовский и китойский этапы), с Туркменией (Джебел) и Шигиром» (Черников 1959: 100). Поселение было датировано концом III-го — началом II-го тыс. до н.э., а в относительной хронологии С. С. Черников отнес материалы Усть-Нарыма к неолиту, «...но, видимо, более позднему, чем в Мало-Красноярке» (Черников 1957: 15). Не исключалась и датировка нижнего слоя поселения энеолитом (Черников 1956а: 24; 1959: 100).

В связи с синхронизациями, предложенными С. С. Черниковым для материалов нижнего слоя поселения Усть-Нарым, нельзя было не заметить одну очевидную неувязку. В работе «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» ученый синхронизировал ранний, усть-буконьский, этап андроновской культуры Восточного Казахстана (могила № 9 могильника у аула Канай и др.) с афанасьевской культурой (Черников 1960: 94—95). На этом фоне нелогичной представлялась синхронизация кельтеминара с афанасьевской культурой, т.к. кельтеминар в свою очередь синхронизировался С. С. Черниковым с Усть-Нарымом, а последний признавался им более древним по отношению к первому этапу андроновской культуры Восточного Казахстана (Черников 1960: 108).

Г. Ф. Коробкова, анализируя кремневый инвентарь поселения Усть-Нарым через призму его функционального назначения, сделала вывод о многоотраслевом хозяйстве его обитателей. Помимо большой группы орудий охоты, в коллекции Усть-Нарыма имелись предметы, связанные с рыболовством и земледелием. Масштабы последнего были незначительными, о чем свидетельствовала небольшая коллекция вкладышей серпов — 23 экз. и 13 орудий для переработки семян злаков: зернотерки, куранты и песты (Коробкова 1963: 221—232; 1969: 167—170).

Однако нас более интересует характер кремневой индустрии Усть-Нарыма. В представлении Г. Ф. Коробковой индустрия поселения базировалась на отщепе, что главным образом отличало ее от пластинчатых индустрий Средней Азии. Данный вывод служил лейтмотивом при определении

направленности культурных связей Усть-Нарыма с Сибирско-Алтайским кругом культур (Коробкова 1969: 170). Как оказалось позднее, вывод об отщеповом характере кремневой индустрии Усть-Нарыма был ошибочным. По информации, содержащейся в докторской диссертации С. С. Черникова, орудия из пластин по отношению к общей массе всех каменных орудий составляли 76,4% (Черников 1970а: 19; 1970б: 68—69). В то же время, по мнению Г. Ф. Коробковой, Усть-Нарым испытывал «... не менее сильное влияние... со стороны юго-западных среднеазиатских культур» (Коробкова 1969: 171). Об этом влиянии свидетельствовало наличие в коллекции поселения наконечников стрел кельтеминарского типа, пластин со скошенным верхним краем и некоторых других категорий инвентаря. Все это позволяло говорить «...о связях, которые имели место между поздnekельтеминарскими и усть-нарымскими группами племен, и, следовательно, о сосуществовании первых и последних» (Коробкова 1969: 171).

В отличие от С. С. Черникова, датировавшего Усть-Нарым концом III — началом II тыс. до н.э., Г. Ф. Коробкова вслед за А. П. Окладниковым по аналогии с поздним кельтеминаром предложила датировать поселение не позднее второй половины III тыс. до н.э. (Коробкова 1969: 171). Эта дата в представлениях о хронологии позднего неолита 50-х гг. была наиболее оптимальной, но не в конце 60-х гг.

А. П. Окладников в определении абсолютной даты Усть-Нарыма исходил из аналогий материалов поселения инвентарю первого слоя пещеры Джебел. Г. Ф. Коробкова, обратившая свое внимание при синхронизации на кельтеминарские наконечники, могла апеллировать только к IV слою того же памятника. Имевшаяся дата для IV слоя пещеры Джебел — 6030 ± 240 л.н. и совокупность параллелей, намеченных В. М. Массоном и А. В. Виноградовым для кельтеминара, в том числе в керамике энеолита юга Туркмении периода Анау II — Намазга II, не позволяли датировать IV слой временем позднее IV тыс. до н.э. (Виноградов 1957: 39; 1968: 143—148; Массон 1964: 137—138; Протопопов, Бутомо 1959: 32). Другая параллель, предложенная А. П. Окладниковым при датировке материалов Усть-Нарыма, — с серовским и китойским этапами неолита Забайкалья, в том случае, если оставить ее в силе, резко увеличивала временные рамки функционирования

поселения, что, естественно, позволяло говорить о одновременности его материалов. По-видимому, прав был В. Ф. Зайберт, сделавший вывод о долговременности существования, многослойности и полифункциональности Усть-Нарыма (Зайберт 1980: 114—115). В пользу последнего вывода свидетельствовало и большое количество инвентаря, полученного из культурного слоя поселения. Из раскопа площадью 716 кв. м только орудий было получено около 16 000 (Коробкова 1969: 142). Приведенный факт не совместим с тезисом о кратковременности существования поселения. Последний факт, сам по себе, предполагает достаточно большое число жителей, обитавших в нем. Но в условиях экстенсивного, присваивающего хозяйства наличие определенного минимума площади угодий является одним из условий существования коллектива. Площадь эта должна быть тем больше, чем больше коллектив, чем беднее дичь и чем примитивнее охотничье вооружение и способы охоты. Однако существует не только необходимый минимум, но и предельно допустимый максимум площади угодий, определенный предел территории, которую в состоянии освоить тот или иной коллектив (Гладилин 1974: 75).

Кроме того, по информации С. С. Черникова, содержащейся в докторской диссертации, представить форму сосудов поселения невозможно из-за фрагментарности керамической коллекции поселения (Черников 1970: 101). В связи с изложенным говорить об усть-нарымской культуре не представлялось возможным, также как и о смешанных сибирско-азиатских чертах, ее характеризующих (Коробкова 1969: 171; Черников 1970б: 101).

В 1962 г. геологами Центрально-Казахстанского геологического Управления было открыто несколько стоянок различных эпох в Карагандинской области. Материалы некоторых из них были опубликованы М. Н. Клапчуком. Он впервые в Центральном Казахстане стационарно исследовал две стоянки: Караганда-15 и Зеленая Балка-4.

На стоянке Караганда-15 М. Н. Клапчук выявил шесть культур-горизонтов, а стоянка Зеленая Балка-4 была, по его наблюдениям, однослойным памятником (Клапчук 1965: 216; 1969: 108—110; 1970: 153—155). Анализируя материалы стоянок, он предложил периодизацию и абсолютную хронологию для

центрально-казахстанского неолита. Основой для выводов послужили споро-пыльцовые данные, полученные для VI, IV—II слоев стоянки Караганда-15. Шестой слой первоначально был датирован началом III тыс. до н.э., а позднее его дата была удревнена до конца IV тыс. до н.э. (Клапчук 1965: 215; 1969: 118; 1970: 153—154). Основанием для такой датировки послужили данные споро-пыльцового анализа, показавшие «...абсолютное преобладание ксефитов, характерное для атлантического климата» (Клапчук 1965: 215). По мнению М. Н. Клапчука, во время существования VI слоя в Центральном Казахстане преобладал аридный климат (Клапчук 1970: 153). Материалы VI слоя характеризовали первый этап неолита.

Второй этап неолита характеризовали материалы V—III слоев, датированные III тыс. до н.э. Возраст обосновывался наличием в IV—III культурных слоях пыльцовых комплексов, характерных для перехода от атлантического к суббореальному климату (Клапчук 1965: 216—217). Споро-пыльцовые данные для V слоя получены не были, а IV горизонт был сформирован в период увлажнения климата (Клапчук 1970: 154). Аккумуляция III культурного горизонта происходила также во время значительного увлажнения климата «...голоценового климатического оптимума», по определению М. Н. Клапчука (Клапчук 1970: 154—155).

Третий этап характеризовали материалы стоянки Зеленая Балка-4, датированные по «...некоторым аналогам...» без их конкретизации с инвентарем поселения Усть-Нарым (Клапчук 1965: 217).

Анализ кремневого инвентаря был проведен М. Н. Клапчуком в самой общей форме: был определен характер индустрии неолита Центрального Казахстана, которая, по его наблюдениям, была отщеповой (Клапчук 1970: 159). Полемизируя с А. А. Формозовым, связывавшим в начале своей научной деятельности отщеповые комплексы с лесными культурами, М. Н. Клапчук утверждал, что отщеповые комплексы «скорее всего характерны для степи». Ввиду того, что отщеповые, по М. Н. Клапчуку, неолитические комплексы были распространены в районе Казахского мелкосопочника, он предложил назвать эту культурную провинцию «мелкосопочниковой». Выделение значительной части Казахстана в особую культурную провинцию, ранее включенную А. А. Формозовым в

«микролитическую культурную зону», очевидно, требовало, по меньшей мере, поставить под сомнение существование последней, так как сосуществование на одной и той же территории в одно и то же время двух разнохарактерных технических традиций — пластинчатой и отщеповой — выглядело несколько нелогично. «Оригинальные» черты кремневой индустрии центрально-казахстанского неолита ученый объяснял климатической обстановкой в регионе во время мезолита и неолита, которая была, по его мнению, чрезвычайно неблагоприятной. Данное обстоятельство препятствовало проникновению в пределы Казахского мелкосопочника новых человеческих групп, носителей микролитической индустрии. А автохтонное верхнепалеолитическое население приспособилось к местным трудным условиям, развивая и в неолите «...старые традиции изготовления орудий» (Клапчук 1970: 160).

В действительности тезис об отщеповом характере кремневой индустрии неолита Центрального Казахстана не имел под собой фактической подоплеки. Соотношение типов заготовок на стоянках Караганда-15 и Зеленая Балка-4 (без учета отщепов без вторичной обработки) выглядит следующим образом: Караганда-15, слой VI — около 61% пластин и орудий из них; в слое V — около 74%; в IV слое — более 58%; в III слое — около 73%; во втором слое — около 72%. В материалах стоянки Зеленая Балка-4 пластины и изделия из них составляют почти 73%. Не менее показательны материалы в плане соотношения первичной заготовки, опубликованные М. Н. Клапчуком (из района хребта Жаман-Айбат). Местонахождение Жаман-2 дало 54% пластин и изделий из них, а Жаман-Айбат-2 — 94% (Клапчук 1971: 238—239).

Периодизация и хронология центрально-казахстанского неолита, а также сделанные М. Н. Клапчуком стратиграфические наблюдения на стоянке Караганда-15 нашли довольно неадекватный отклик среди исследователей неолита Казахстана и Южного Урала. По мнению Л. А. Чалой, инвентарь стоянки составлял единый комплекс с центром в третьем слое, давшем больше всего находок (Чалая 1971а: 302). Материалы стоянки Караганда-15 были синхронизированы Л. А. Чалой с инвентарем стоянки Пеньки-2 и датированы, по аналогии с последней, III тыс. до н.э. (Чалая 1971б: табл. 58).

С точки зрения В. Ф. Зайберта, стоянка Караганда-15 — многослойный памятник, но «...легенда образования слоя, а следовательно, периодизация неолита Центрального Казахстана, типологическая характеристика... подлежат переосмыслению» (Зайберт 1980: 118—119). Однако характер этого переосмысления В. Ф. Зайбертом не предлагался.

Более конструктивно к периодизации слоев стоянки Караганда-15 подошел Г. Н. Матюшин. Он обратился к тем же данным споропыльцового анализа. В связи с тем, что в споропыльцовых спектрах образцов из IV—III слоев, как и в VI слое, преобладают маревые, Г. Н. Матюшин сделал вывод, что аккумуляция слоев VI—IV приходится на время перехода от бореального климата к атлантическому. Отсутствие керамики и наличие низких симметричных трапеций в отмеченных слоях говорило о мезолитическом возрасте материалов слоев VI—IV стоянки Караганда-15, наряду с предложенной интерпретацией данных споропыльцового анализа (Матюшин 1976: 151). Слои III—II стоянки, содержавшие незначительное количество керамики, были отнесены Г. Н. Матюшиным к неолиту, а в целом инвентарь центрально-казахстанских стоянок был синхронизирован с материалами позднемезолитических стоянок Южного Урала: Якты-Куль, Долгий ельник и комплексами дарьясайского типа Средней Азии (Матюшин 1976: 151—152). Г. Н. Матюшиным были отмечены и особенности пропорций трапеций

со стоянок Центрального Казахстана. У мелких симметричных трапеций, по его наблюдениям, высота либо превышала длину, либо соответствовала ей и иногда была больше высоты трапеции (Матюшин 1976: 152). Но наши промеры прорисованных трапеций показали несколько иную картину. Трапеция из VI слоя — 2:1 (Клапчук 1965: 215, рис. 3: 12), из третьего слоя — 1,1:1 и 1,5:1 (Клапчук 1965: 215, рис. 3: 27, 28) соответственно. Отношение длины к ширине трапеции со стоянки Зеленая Балка-4 — 1,8:1 (Клапчук 1965: 216, рис. 4: 12).

Приведенные показатели позволяли синхронизировать материалы стоянки Караганда-15 с V слоем пещеры Джебел, содержавшим как низкие, так и высокие мелкие симметричные трапеции (Окладников 1956: 194). С учетом того факта, что в нижележащем VI слое стоянки Караганда-15 имелась низкая симметричная трапеция и аналогичные трапеции встречены во втором слое, более предпочтительной была точка зрения Л. А. Чалой, считавшей инвентарный комплекс стоянки единым. Узкую датировку инвентаря стоянки мог подтверждать и тот факт, что в слое Va Джебела, помимо симметричных, встречались и асимметричные трапеции, а в слое IV — кельтеминарские наконечники. Оба этих типа изделий отсутствовали в материалах стоянки Караганда-15. Этим же временем по наличию симметричных трапеций можно было датировать и материалы стоянки Зеленая Балка-4.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А. В. 1957. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // СЭ. № 1. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 38—42.
- Виноградов А. В. 1968. Неолитические памятники Хорезма. Москва: Наука.
- Гладилин В. И. 1974. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Величко А. А. (отв. ред.), Герасимов И. П. (гл. ред.). Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: Материалы Всесоюзного Симпозиума, организованного Институтом географии АН СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР в марте 1973 г. Т. 1. Москва: Институт географии, 71—78.
- Зайберт В. Ф. 1980. Неолит Северного Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Клапчук М. Н. 1965. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // СА 3. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 212—217.
- Клапчук М. Н. 1971. Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // Палеолит и неолит СССР. Т. 6 (МИА 173). Москва—Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 233—239.
- Клапчук М. Н. 1970. Стоянка Караганда-15 // СА 4. Москва: Наука, 153—160.
- Клапчук М. Н. 1969. Неолитические стоянки Караганда-15 и Зеленая Балка-4 // БКИЧП 3, 108—118.
- Коробкова Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА 158. Москва: Наука.
- Коробкова Г. Ф. 1963. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Руденко С. И. (отв. ред.). Новые методы в археологических исследованиях. Москва—Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 215—233.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Москва—Ленинград: Наука.
- Матюшин Г. Н. 1976. Мезолит Южного Урала. Москва: Наука.
- Окладников А. П. 1956. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ 7, 11—219.
- Протопопов Х. В., Бутото С. В. 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C14) // СА 2. Москва: Издательство Академии наук СССР, 7—34.

- Чалая Л. А. 1971а. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Чалая Л. А. 1971b. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. Альбом иллюстраций, Москва.
- Черников С. С. 1952. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. Вып. XLVIII. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 81—92.
- Черников С. С. 1954. Восточно-Казахстанская экспедиция 1953 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 года. Москва, 46—49.
- Черников С. С. 1956а. Некоторые итоги работ Восточно-Казахстанской (Бухтарминской) археологической экспедиции // Тезисы докладов на сессии Отделения Исторических наук и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. Москва—Ленинград, 23—26.
- Черников С. С. 1956b. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. Вып. 64. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 43—60.
- Черников С. С. 1957. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. Вып. 69. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 12—21.
- Черников С. С. 1959. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 99—106.
- Черников С. С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- Черников С. С. 1970а. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Черников С. С. 1970b. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БКЧП	—	Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры
КСИИМК	—	Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛОИИМК	—	Ленинградское отделение института истории материальной культуры
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
СА	—	Советская археология
СЭ	—	Советская этнография
ЮТАКЭ	—	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

REFERENCES

- Vinogradov A. V. Sovetskaya entnografiya [Soviet Ethnography], no. 1 (1957): 38—42 (In Russian).
- Vinogradov A. V. Neoliticheskiye pamyatniki Khorezma [Neolithic monuments in Khorezm]. Moscow: Nauka, 1968 (In Russian).
- Gladilin V. I. Pervobytnyy chelovek, ego materialnaya kultura i prirodnyaya sreda v pleystotsene i golotsene: materialy Vsesouznogo Simpoziuma, organizovannogo Institutom geografii AN SSSR i Komissiei po izucheniyu chetvertichnogo perioda AN SSSR v marte 1973 g. [Proc. of All-Union Symposium “Early men, their material culture and habitat in the Pleistocene and the Holocene” organized by the USSR Academy of Sciences Institute of Geography and USSR Academy of Sciences Committee on the Studies of Alluvion Period in March 1973]. Vol. 1 (1974): 71—78 (In Russian).
- Zaybert V. F. Neolit Severnogo Kazakhstana [The Neolithic age in Northern Kazakhstan: A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 1980 (In Russian).
- Klapchyuk M. N. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology], no.3 (1965): 212—217 (In Russian).
- Klapchyuk M. N. Paleolit i neolit SSSR [Paleolite and Neolite Periods in the history of the USSR], vol. 6 (MIA no.173) (1971): 233—239 (In Russian).
- Klapchyuk M. N. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology], no. 4 (1970): 153—160 (In Russian).
- Klapchyuk M. N. Bulletin komissii po issledovaniyu chetvertichnogo perioda Akademii nauk SSSR (BKICHP) [Bulleting of the USSR Academy of Sciences Committee on the Studies of Alluvion Period], no. 3 (1969): 108—118 (In Russian).
- Korobkova G. F. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA) [Proc. and research on archeology of USSR], no. 158 (1969) (In Russian).
- Korobkova G. F. Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh [New methods in archeological research]. Moscow-Leningrad, 1963. p. 215—233 (In Russian).
- Masson V. M. Srednyaya Aziya i Drevniy Vostok [Central Asia and Ancient East]. Moscow—Leningrad: Nauka, 1964 (In Russian).
- Matyushin G. N. Mezolit Yuzhnogo Urala [The Mesolithic of the South Urals]. Moscow: Nauka, 1976 (In Russian).
- Okladnikov A. P. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (YuTAKÉ) 7 [Proc. of the complex expedition to South Turkmenistan, Vol. 7], 1956, p. 11—219 (In Russian).
- Protopopov Kh. V., Butomo S. V. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology], no. 2 (1959): 7—34 (In Russian).
- Chalaya L. A. Neolit Severo-Vostochnogo i Tsentralnogo Kazakhstana [The Neolithic age in North-East and Central Kazakhstan: A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 1971a (In Russian).
- Chalaya L. A. Neolit Severo-Vostochnogo i Tsentralnogo Kazakhstana [The Neolithic age in North-East and Central Kazakhstan: A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. A book of illustrations]. Moscow, 1971b (In Russian).

Chernikov S. S. Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury (KSIIMK) [Proc. and reports on the field studies of the Institute of History of Material Culture]. No. XLVIII. Moscow, 1952, p. 81—92 (In Russian).

Chernikov S. S. Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i plenuma Instituta istorii materialnoy kultury, posvyashchennykh itogam arkhologicheskikh i etnographicheskikh issledovaniy 1953 goda [Proc. and reports at the session of the Department of Historical Sciences and plenum of the Institute of Material Culture History devoted to the results of archeological and ethnographic studies in 1953]. Moscow, 1954, p. 46—49 (In Russian).

Chernikov S. S. Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i plenuma Instituta istorii materialnoy kultury, posvyashchennykh itogam arkhologicheskikh i etnographicheskikh issledovaniy 1955 goda [Proc. and reports at the session of the Department of Historical Sciences and plenum of the Institute of Material Culture History devoted to the results of archeological and ethnographic studies in 1955]. Moscow-Leningrad, 1956a, p. 23—26 (In Russian).

Chernikov S. S. Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury (KSIIMK) [Short report on field studies of the Institute of Material Culture History], no. 64 (1956b): 43—60 (In Russian).

Chernikov S. S. Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury (KSIIMK) [Short report on field studies of the Institute of Material Culture History], no. 69 (1957): 12—21 (In Russian).

Chernikov S. S. Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury (KSIIMK) [Short report on field studies of the Institute of Material Culture History], no. 73 (1959): 99—106 (In Russian).

Chernikov S. S. Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR (MIA) [Proc. on archeological research in the USSR]. no. 88 (1960) (In Russian).

Chernikov S. S. Vostochniy Kazakhstan v epokhu neolita i bronzy [East Kazakhstan in the Neolithic and Bronze Age: A thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 1970a (In Russian).

Chernikov S. S. Vostochniy Kazakhstan v epokhu neolita i bronzy [East Kazakhstan in the Neolithic and Bronze Age: Author's abstract of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 1970b (In Russian).

V. I. Grebenyukov
Nizhnevartovsk, Russia

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE NEOLITHIC AND CHALCOLITHIC AGE IN EASTERN AND CENTRAL KAZAKHSTAN (50s — 60s OF THE 20th CENTURY)

Abstract. The paper elaborates upon the early study of the Neolithic and Chalcolithic age in Eastern Kazakhstan. The author reviews the research works devoted to this historical period in order to characterize the extent to which the territory has been studied. In 1950 East-Kazakhstan expedition by the Institute of History of Material Culture, Leningrad department discovered two settlements near the villages of Malo-Krasnoyarka and Ust-Narym. Here, stationary field studies were held in the settlements of Kazakhstan for the first time.

The researchers of the Neolithic age soon got interested in the archeological digs in Ust-Narym. For example, A. P. Okladnikov suggested considering Ust-Narym settlement as a link between the Neolithic age of Siberia and Caspian Sea region. It was offered to date the materials similar to the first layer in the cave of Dzhebel, considering the Neolithic stages of the Trans-Baikal, i.e. around 2500 BC.

G. F. Korobkova considered that the industry of settlements was based on flake culture. This was the main thing that distinguished it from platy industries of Central Asia. This conclusion was as a keynote when defining the direction of Ust-Narym cultural ties and Siberian-Altai circle of cultures. Later it became clear that it was wrong to consider the silicic industry of Ust-Narym be based on flake culture. According to S. S. Chernikov, the settlers used 76,4% platy tools in relation to the total amount of stone tools.

V. F. Seibert concluded that Ust-Narym culture was long-term, multi-layered and multifunctional.

In 1962 the researchers discovered a number of man sites in Karaganda region belonging to different historic periods. Later M. N. Klapchuk published some study materials from the archeological digs. He was the first researcher studied two man sites in Central Kazakhstan, Karaganda 15 and Zelenaya Balka-4, on a permanent basis.

M. N. Klapchuk developed a periodization and chronology of the Neolithic age in Central Kazakhstan and made essential stratigraphic observations at the man site Karaganda-15. However, the results of his studies met an inappropriate response among researchers of the Neolithic age in Kazakhstan and South Urals. G. N. Matyushin had quite an affirmative approach towards the periodization of layers at Karaganda-15 man site. The available data allowed the researcher to synchronize the materials of Karaganda-15 man site with the fifth layer in the cave of Dzhebel.

Key words: Neolithic age; Chalcolithic age; Ust-Narym; Karaganda-15; Malo-Krasnoyarka; Zelenaya Balka-4; the Keltiminar culture; cave of Dzhebel.

About the author: Vladimir Ivanovich Grebenyukov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Affairs.

УДК 94 (410)

В. Н. Ерохин
Нижевартовск, Россия**ДИСКУССИИ О ПРИЧИНАХ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию Английской революции XVII века в современной британской исторической науке. К настоящему времени, как показано в статье, заметно уменьшилось научное влияние и признание прогрессистских подходов к пониманию Английской революции, представляемых в двух версиях либеральными историками и историками-марксистами. Для либеральной и марксистской парадигм также характерно стремление к обобщениям, которое к 1980-м гг. стало менее убедительным для большинства британских историков. Автор проанализировал особенности оказавшего заметное влияние в последние десятилетия ревизионистского направления в изучении причин Английской революции и пришел к выводу, что в современной британской исторической науке в рассмотрении данных проблем влиятельны историки, призывающие учитывать специфические особенности исторической ситуации и придерживающиеся индивидуализирующих подходов в понимании истории.

Ключевые слова: Английская революция XVII века; современная британская историография; консервативное направление; либеральное направление; ревизионистское направление.

Сведения об авторе: Владимир Николаевич Ерохин, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел.: (3466) 27-35-10; e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

В прошедшие несколько десятилетий в британской исторической науке активно идет процесс переосмысления причин Английской революции и гражданской войны XVII в. Еще в 1980-е гг., накануне юбилейной даты с начала Великой Французской революции, много внимания изучению европейских революций раннего Нового времени уделили и французские исследователи, и историки других стран, что стимулировало также активизацию размышлений об Английской революции (Conflict 1989).

В современной британской историографии появившиеся в 1970-е гг. историки-ревизионисты стали пропагандировать идею о том, что коллективные социально-политические действия масс не ведут к прогрессивному развитию общества. Скорее, массовые выступления трактуются как экстремистские по характеру и бесполезные по результатам, поэтому ревизионисты рассматривают гражданскую войну в Англии середины XVII в. как беспорядочный, бессвязный и случайный по происхождению конфликт, возникший под влиянием таких же случайных причин кратковременного действия. Историки-ревизионисты считают, что события гражданской войны оказались по большей части бесполезными в своих следствиях, не оказав серьезного влияния на дальнейшую

историю Англии, поскольку Англия и после гражданской войны оставалась обществом, которое можно отнести к государствам «старого режима». В Англии по-прежнему господствовала монархия, воспринимаемая как божественное установление, официальная англиканская церковь, и такое положение сохранялось в стране до 1832 г. (Clark 1986; Clark 1985; Richardson 1977; Tomlinson 1983: 7—26; Росоко 1980: 3—20).

Либеральная и марксистская интерпретации истории Англии, признавая позитивное историческое значение революций, по своему характеру являются прогрессистскими. Но к 1980-м гг. вера в прогресс и в то, что прогрессивное развитие Англии продолжается, в среде британских историков стала разрушаться (Cannadine 1987: 169—181). События гражданской войны середины XVII в. стали даже смущать часть историков. Конфликты в английской истории этих лет не укладывались в разрабатывавшиеся рядом консервативных, по преимуществу, авторов идеи о том, что историческое развитие Англии представляло собой пример постепенных изменений. Подчеркивалось, что даже в случае роста в стране социальной напряженности английские власти находили консенсусные механизмы, которые предотвращали социальные конфликты (Conflict 1989: 1).

Для историков, работавших в либеральной традиции, гражданская война представлялась конституционно-политической борьбой между авторитарной по характеру монархией и стремлением утвердить власть закона, гарантии индивидуальной собственности и основные свободы человека, которые отстаивались оппозицией, базировавшейся в основном в палате общин. Оппозиция проявила себя также оплотом английского протестантизма в борьбе с антипатриотичной, почти что папистской религиозной политикой, которую проводил Карл I. В результате этой сложной религиозно-политической борьбы в стране, согласно представлениям либеральных историков, начала утверждаться религиозная терпимость, хотя она первоначально распространялась лишь на различные направления в протестантизме. Начало гражданской войны в 1642 г. в рамках либеральной традиции рассматривалось как результат длительного развития процессов, проявившихся еще в последние годы правления Елизаветы I.

Марксистские истолкования гражданской войны в Англии сходны с либеральными в том, что в них прослеживаются долговременные причины в ее происхождении путем анализа экономических процессов и классовых конфликтов. Гражданская война трактуется в марксистской историографии как буржуазная революция, рассматриваемая в качестве важного этапа в переходе Англии от традиционного феодального общества к современному капиталистическому обществу. Эта революция связывалась марксистами с появлением нового общественного класса, класса капиталистов, состоявшего частично из формировавшейся буржуазии, частично из видоизменившихся представителей прежних элит. Этот капиталистический класс стремился извлекать максимальные прибыли из сельского хозяйства, активно занимался ремеслом и торговлей. В связи с кризисом марксистской методологии в 1970—80-е гг. на первый план у марксистски ориентированных историков вместо буржуазии стал выходить средний класс, который преподносился как важная составная часть формировавшейся буржуазии. Историки-марксисты также обращали внимание на социальные низы, различные радикальные движения 1640—50-х гг. (Samuel 1980: 21—90; Hill 1940; Hill 1958: 13—40; Manning 1976).

Многие современные историки склоняются к мнению, что трудно провести ясное различие

между религиозными и политическими, социальными и экономическими вопросами в происхождении гражданской войны. К. Хилл показал, насколько неразрывно были связаны религиозные и экономические мотивы в спорах о десятинах, о праве светских лиц на взимание десятины, о церковных землях и церковных судах (Hill 1956). К. Хилл отмечал также, что пуританизм был привлекателен для тех, кого он называет «трудолюбивыми людьми» — для торговцев и ремесленников (Hill 1967). Но, по мнению Х. Г. Александра, неудовлетворительные аспекты такого понимания пуританизма, предлагаемого К. Хиллом, состоят в том, что на его основе не удается объяснить явную привлекательность пуританизма для многих лиц из числа джентри, юристов, более подготовленного в профессиональном отношении духовенства. Остается также проблема в объяснении того, почему религиозные верования накануне гражданской войны вели к активизации политической деятельности человека, а не к уходу в чисто личную по характеру религию и квиетизм (Alexander 1968: 169).

В событийной части изложения истории революции и гражданской войны в Англии либеральные историки продолжают черпать материалы из многотомного труда С. Р. Гардинера (Gardiner 1883-1884; Gardiner 1886-1891; Gardiner 1894-1901). При этом гражданская война рассматривается как явление, которое сыграло решающую роль в продвижении Англии к установлению конституционной монархии и рыночной экономики. В качестве эпилога гражданской войны середины XVII в. при этом преподносится «Славная революция» 1688—1689 гг.

На изучение религиозной и политической ситуации в Англии первых десятилетий XVII в. в современной британской историографии с 1970—80-х гг. стала влиять ревизионистская концепция в понимании происхождения Английской революции и гражданской войны. Согласно аргументации К. Рассела, гражданская война была случайной и возникшей из состояния хронического непонимания, недоверия и запугивания (Russell 1973: 1—31; Russell 1979). Этот подход проявился также в работах Дж. Моррилла, К. Шарпа, Дж. Кениона, М. Кишлански, у признававшего обоснованность ревизионистской аргументации и поддерживавшего контакты с историками-

ревизионистами Дж. Элтона (Morrill 1976; Sharpe 1973: 1—42; Kishlansky 1986; Kenyon 1986; Elton 1974: 164—182). Эти историки отвергают марксистскую интерпретацию английской революции, считая ее необоснованной, детерминистской, опирающейся на использование ретроспективы. Ревизионисты разрывают связь между политическими конфликтами и социальными изменениями в Англии предреволюционного периода. Они не находят ничего исторически прогрессивного в сопротивлении монархии. В их трактовке, напротив, монархия в правление Карла I отличалась стремлением к введению новшеств, состоявшем в том, что королевская власть пыталась преодолеть ограниченность своих ресурсов, противостоять ограничениям, которые налагал на действия монарха обструкционистский парламент, и оказывать влияние на происходившее в Европе. Консерваторами же были оппоненты короны, особенно палата общин, которая упорно цеплялась за сохранение устаревших традиций и прав. К тому же, по мнению ревизионистов, деление участников политического процесса на консерваторов и сторонников прогресса применительно к предреволюционной Англии бессмысленно, поскольку в XVII в. в общественном сознании еще не утвердилась идея прогресса и даже представление о желательности определенных социальных изменений, которые можно было бы планировать заранее. Идеологический раскол, существовавший в английском обществе накануне гражданской войны, не осмысливался современниками событий в понятиях деятельности прогрессивных и реакционных сил.

На формирование ревизионистской концепции происхождения гражданской войны в Англии повлияли идеи Дж. Эллиота, который объявил анахронизмом проведение каких-либо аналогий между обществом с сословно-корпоративной структурой, связанным вертикальными узами родства и патроната, и обществом, разделенным на классы; между обществом, идеалы которого устремлены в прошлое, и обществом, в котором доминирует идея прогресса (Elliott 1969: 35—56). Этот тезис, признающий революционными только те движения, которые характеризовались наличием идеологии, основанной на представлениях о прогрессивной направленности исторических изменений и появившейся лишь в эпоху Просвещения, был

заимствован из политологии и впоследствии поддержан некоторыми историками, подчеркивавшими консервативный и даже реакционный характер идеологии участников восстаний XVI—XVII вв.

Массовые движения XVI—XVII вв. Дж. Эллиот свел к чисто политическим конфликтам и борьбе за власть. Революционной ему виделась политика абсолютистского государства, а реакционным — сопротивление ей различных общественных слоев в ответ на фискальные требования и религиозную политику правительства. Побудительными мотивами движений XVI—XVII вв. были, по мнению Дж. Эллиота, так называемый народный национализм и «корпоративный конституционализм» верхних слоев общества (аристократии, джентри, городской верхушки, духовенства и т.п.), который выражался в идеализированном представлении об общине или корпорации как реально существующем организме, наделенном специфическими обязательствами, правами, привилегиями. Эти силы стремились к сохранению своей идеализированной общности локального, регионального или национального масштаба, что в их деятельности перевешивало любые мотивы, включая религиозные. Эти движения протеста со стороны правящих классов взаимодействовали с движениями народных масс, вызванными религиозными, фискальными или социальными притеснениями. При таком подходе единственно адекватной историческим реалиям «доиндустриального» общества оказывается политическая революция. Революции раннего нового времени и революции конца XVIII—XIX вв. предлагалось понимать как типологически разные явления (Репина 1998: 51). В Европе в XVI—XVII вв., отмечает Дж. Эллиот, в социальных движениях в отношениях между верхушкой и народом различия в моделях взаимодействия обусловлены балансом между отчуждением правящих классов от центральной власти и его страхом перед угрозой социальных беспорядков. В Английской же революции временный альянс оппозиции внутри правящего класса и сил народного протеста был укреплен общими религиозными узами. Эта концепция Английской революции, которую Л. П. Репина называет «неоревизионистской», обосновывалась также в статье Дж. Эллиота (Elliott 1973: 246—257; Репина 1998: 51).

По словам еще одного консервативного представителя социальной истории П. Ласлетта, революция — это понятие, появившееся в XIX в., а применительно к событиям XVII в. понятию социальной революции нет места в анализе того, что происходило в английской политической жизни раннего нового времени. Как пишет П. Ласлетт, «такого комплекса событий, как английская революция середины XVII века, вообще не существовало» (Laslett 1984: 206—209). Это полемически заостренное утверждение является также результатом влияния номиналистской познавательной традиции в неопозитивистском обличье, приверженность которой характерна для консервативных британских историков.

Вместо существования в английском обществе накануне революции середины XVII в. острого и усиливавшегося религиозно-политического раскола, о котором писали либеральные историки, историки-ревизионисты утверждают, что в английском обществе существовало согласие в политических вопросах, сохранявшееся до времени накануне гражданской войны, и религиозное единство, которое, правда, было нарушено раньше — после того, как на престол взшел Карл I. Ревизионисты утверждают, что в английском обществе существовало широкое согласие в том, что власть королей божественна. Но при этом монархи, как считалось, должны были советоваться в делах управления с самыми влиятельными и знающими людьми в своем королевстве, которых они включают в состав своего совета, и с парламентом, роль которого рассматривалась как подчиненная, но тоже важная, поскольку парламент выделял финансовые средства монарху и давал ему советы. Раскол, конфликты в политической жизни рассматривались почти всеми англичанами как незаконные, неприятные явления, которых надо избегать. Считалось, что только монарх имеет право формировать правительство, принимать решения по делам высокой политики, а для существования «оппозиции» в современном смысле слова не было места. Политические партии и группировки воспринимались как раскольнические фракции, и все участники политического процесса, как предполагалось, должны были стремиться к достижению единства и гармонии. Политические конфликты, конечно, происходили, но, по утверждениям ревизионистов, они не несли в

себе отражение прямого раскола между правительством и оппозицией, «двором» и «страной», поскольку и в составе правительства были те, кто активно высказывались за учет интересов европейского протестантизма во внешней политике Англии, за то, чтобы парламент участвовал в управлении страной. Столкновения в парламенте в первые десятилетия XVII в. ревизионисты предлагают также рассматривать как побочный продукт соперничества и расколов во взаимных отношениях между членами королевского совета, придворными (Russell 1979: 1—84).

Ревизионисты также отвергают мнение вигских историков о том, что предреволюционный конфликт в Англии возник потому, что парламент, в особенности палата общин, становился все сильнее в политическом отношении. «Захват законодательной инициативы парламентом», о котором ранее писал либеральный историк У. Ноутстейн, по мнению К. Рассела, не был таким значительным, как это представлялось либералам (Notestein 1924; Russell 1983: 123—150). Созыв парламента, считает К. Рассел, был скорее экстраординарным событием в политической жизни, чем институционализированным, устоявшимся явлением. Созыв парламента зависел от интересов и даже капризов монарха, но многие парламентарии тоже не желали, чтобы парламент превратился в постоянно действующую часть системы управления страной. Многие депутаты парламента были консервативно настроенными представителями местных элит из графств, и в их действиях преобладали мотивы, связанные с местными интересами тех регионов, откуда они избирались в парламент, а общегосударственные дела для них зачастую находились на втором плане. Они не хотели того, чтобы парламент финансировал предприятия общегосударственного масштаба, связанные с законными интересами монархии, так что Карл I считал непродуктивным общение с теми парламентариями, которые не понимали государственных интересов. Это, считает К. Рассел, в конце 1620-х гг. привело английский парламент к реальной возможности исчезновения. Ревизионисты считают также, что вигские историки уделяли слишком большое внимание изучению палаты общин, в то время как, по мнению ревизионистов, действующие лица, которые обладали решающим влиянием в английском обществе

первых десятилетий XVII в., остававшемся иерархическим и традиционным, группировались в палате лордов, при дворе, в королевском совете.

Ревизионисты предложили также свое понимание того, что происходило в церкви Англии в 1590—1630-х гг. Если ранее представлялось, что в это время развивалось противостояние между церковью Англии и пуританской оппозицией, то ревизионисты обратили больше внимания на то, что среди английских протестантов начала XVII в. трудно провести резкие различия во взглядах. Вплоть до времени, когда началось возвышение группировки архиепископа Кентерберийского Уильяма Лоу (1633—1645), по их мнению, большинство образованных английских протестантов были кальвинистами в богословских взглядах, сторонниками епископальной системы управления, ненавидели папство и были сторонниками того, что в церкви большое место должна занимать проповедь. Пуритане были, в сущности, теми же протестантами, только более рьяными и энергичными. В трактовке ревизионистов, только подъем арминианства, происходивший с середины 1620-х гг., вызвал резкий и решительный раскол в среде английских протестантов. Арминианство было вызовом для той кальвинистской по убеждениям уверенности в своем спасении и правоте, которой достигло большинство английских протестантов. Арминианство было агрессивно конформистским, отстаивавшим иерархию, таинства, церемониал, укрепление положения духовенства, и в этих чертах арминианства протестанты могли увидеть признаки попыток возвращения к папизму (Туске 1973: 119—143). Ревизионисты также считают случайностью то, что Карл I стал возвышать в церкви арминианскую группировку (Hirst 1986: 77). Конформизм группировки Лоу, полагают ревизионисты, был в значительной степени преемственным с той разновидностью конформизма в церкви Англии, который отстаивали еще архиепископы Уитгифт и Бэнкрофт в начале XVII в. (Sharpe 1981: 146—164; White 1983: 35—54).

К началу XVII в., как считают ревизионисты, в народе появилась приверженность к протестантизму. При этом пуритане в народе были непопулярны потому, что требовали обязательного присутствия на проповедях, настраивали соседей друг против друга взаимными морализаторскими

требованиями. При таком понимании пуританизма он был в первую очередь не подрывным в отношении монархии, а элитарным явлением, движением меньшинства, подрывавшим традиции добрососедства, установившиеся социальные связи (Haigh 1984: 195—219). Это может дать возможность по-новому посмотреть на возможные альтернативы пуританизму, в том числе и на лодианство. К. Хейг и К. Шарп утверждают, что по сравнению с пуританизмом лодианство могло стать более привлекательным для простого народа, изменив кальвинистские представления о предопределении, подчеркивая значение церемониальности в церковной жизни и считая вполне законными в свободное время такие формы отдыха, в которых не было моральных прегрешений. Но Дж. Морилл не считает лодианство привлекательным и видит в лодианской группировке еще одно непопулярное меньшинство, предлагавшее для англиканской церкви слишком навязчивую, дорогую и способную привести к внутрицерковному расколу программу, которая была окончательно отвергнута в 1641—1642 гг., в то время как до усиления влияния лодианской группировки умеренно епископальная и умеренно церемониальная церковь Англии уже смогла приобрести значительную привлекательность.

При таком подходе получается, что гражданская война в Англии была вызвана деятельностью небольших групп экстремистов: лодианцев с их клерикальными притязаниями и внешне напоминавшей папизм тягой к обрядности, и пуритан, которых деятельность лодианцев провоцировала на борьбу в защиту Реформации. И пуритане, и лодианцы не находили отклика у большинства прихожан, которые больше тяготели к умеренности, здравому смыслу. Как писал о гражданской войне в Англии Дж. Морилл, «это была не первая европейская революция, а последняя религиозная война в Европе, вызванная деятельностью небольшой группы протестантских экстремистов, которые стремились к дальнейшему развитию Реформации в Англии в направлении, которое, как они считали, в наибольшей степени соответствовало божественным повелениям» (Morrell 1984: 155—178; Morrell 1985: 105—124). Дж. Морилл и Э. Флетчер полагают, что только конфликт глубоко укоренившихся религиозных убеждений мог породить раскол 1642 г. и дать толчок гражданской войне. Они

считают, что все основные проблемы Карла I были связаны с религиозной сферой: именно религиозные вопросы были основой того краха, который потерпел режим Карла I в 1640 г. (Morrill 1984: 155—178; Fletcher 1981).

К ревизионистам примыкает также Э. Флетчер, который сходен с ними тем, что в рассмотрении происхождения гражданской войны считает, что оно связано с событиями не более чем двухлетней ретроспективы от начала войны: по его словам, великие события не всегда имеют значительные причины. Современники этих событий даже надеялись, что после созыва Долгого парламента возможно примирение соперничавших сторон. Но в их среде все же возобладала вера в то, что каждая из сторон организовала заговор против друга (Fletcher 1981). Вигская и марксистская интерпретации гражданской войны были оспорены ревизионистами также и в том, что гражданскую войну предлагалось рассматривать как фактически средневековый по характеру религиозный конфликт, а не явление, которое по своему характеру относится уже к Новому времени (Conflict 1989: 10).

Как отмечают Р. Каст и Э. Хьюз, историки-ревизионисты не представили ни одного труда, в котором содержалась бы разделяемая ими позитивная версия происхождения гражданской войны в Англии, но ревизионисты не видят в этом какого-либо недостатка, не считают себя научной школой, которая должна была бы представить еще одну связную версию происходивших исторических событий (Conflict 1989: 11).

По мнению Р. Каста и Э. Хьюз, непоследовательность ревизионистов яснее всего видна в подходе к событиям религиозной истории. Пуритан они рассматривают то как агрессивное меньшинство, то как часть широкого и в целом единого протестантского блока. Арминиаство представляется ревизионистами то как явление, неожиданно появившееся в церкви Англии, то проводится мысль о преемственности арминиаства с более ранними конформистскими идеями в англиканской церкви. Сторонники парламента представляются у ревизионистов как упрямые консервативные защитники традиционных прав, даже как экстремисты, охваченные миллениаристской экзальтацией, а роялисты выглядят как сторонники соблюдения законности, вынужденные защищать монарха.

Р. Каст и Э. Хьюз также выражают несогласие с подходом ревизионистов к работе с источниками. Ревизионисты, на их взгляд, слишком привержены буквальному, узкому толкованию источника — рассмотрение этого же источника в более широком контексте порой ведет к другим выводам. Историки-ревизионисты также, по их словам, «одержимы стремлением использовать в первую очередь рукописные источники». Рассмотрение изучаемого вопроса в ретроспективе, толкование событий задним числом рассматривается ревизионистами как непоправимо предвзятое, хотя бы это и несло в себе продуктивные догадки для понимания изучаемого вопроса. У них также проявляется тенденция к отрицанию существования чего-либо, если об этом молчат современные данному явлению источники. Применительно к изучению религиозно-политической истории Англии предреволюционного времени это означает, что в том случае, если в источниках прямо не упоминается об идеологическом конфликте, существовании оппозиции, даже если можно предположить, что высказывавшийся человек в данной ситуации был просто стеснен в возможности открыто высказать то, что думает по этому поводу, следовательно, нет возможности найти свидетельства существования недовольства политикой королевской власти. Отсутствие открытого сопротивления и оппозиции короне привело к переоценке ревизионистами стабильности режима личной власти в период беспарламентского правления Карла I. Надо учитывать, что для 1630-х гг. очень трудно найти источники личного происхождения, в которых давалась бы характеристика политической ситуации в стране. В период личного правления Карла I после 1629 г. единственным действующим источником центральной власти стали королевский двор и Тайный совет. Выражение политического несогласия с действиями властей стало гораздо более трудным делом по сравнению с тем временем, когда созывался парламента. Публичные протесты стали принимать более ограниченные формы, фокусировались на практических вопросах. Но, несмотря на эти факторы, в частных материалах этого времени все же прослеживается большая озабоченность происходящим в стране, разнообразие мнений по поводу событий в политической и религиозной жизни страны. Ревизионисты же пытались утверждать, что большинство

англичан не волновала политическая ситуация в стране, и режим личной власти оставался бы приемлемым далее, если бы не влияние неудачной войны с шотландцами в конце 1630-х гг. (Lake 1981: 44—71; Fincham 1984: 230—237).

Ревизионисты не считают нужным изучать механизм функционирования парламента. Наилучшими источниками для изучения истории парламента они считают парламентарские журналы, дневники парламентариев. Меньшее значение они придают еженедельным письмам с новостями, которые рассылались провинциальным подписчикам в XVII в. (newsletters) и донесениям иностранных послов, хотя эти документы, освещающие события в более широком контексте, могут пролить свет на мотивы действий депутатов парламента, которые труднее понять из парламентарских источников. Ревизионисты также подвергли критике представление о противостоянии «двора» и «страны», поскольку отмечали, что многие придворные были задействованы в том, что происходило в жизни графств, и между представителями «двора» и «страны» трудно обнаружить идеологические различия. Но критика политики правительства оппозицией в 1630-е гг. в предреволюционной Англии проявлялась также и через призму моральных подходов. Религиозному сознанию этого времени было присуще представление о том, что финансово-политические проблемы возникают у тех людей, кто расточителен, подвержен дурным влияниям, моральному разложению, что проецировалось современниками на королевский двор (Conflict 1989: 13).

Историки-ревизионисты утверждают, что вигская историография в истолковании событий XVII в. придерживается тех подходов, которые исповедовали сторонники парламента в гражданской войне. Но, как отмечают критики, подходы самих ревизионистов, в свою очередь, звучат отголоском позиции роялистов XVII в. На ревизионистов явно оказал влияние труд Кларендона «История Великого мятежа», в котором подчеркивалось, что начало гражданской войны было результатом действия кратковременных причин, случайных событий, том числе и смерти графа Бедфорда, который в мае 1641 г. успешно вел переговоры и находил компромиссы между парламентом и королем. Критики также считают, что ревизионисты испытали влияние менее известных трудов

историков-роялистов, например, Уильяма Дагдейла, писавшего в 1680-е гг. (Dugdale 1681). Историков-ревизионистов отличает еще и преимущественное внимание к делам высокой политики, взаимоотношениям известных политиков при дворе, в которых они предлагают искать достаточное объяснение происходившим событиям.

Достоинствами в научной деятельности ревизионистов считают то, что их исследования основаны на тщательном изучении источников, и любая серьезная критика ревизионистов тоже, в свою очередь, должна основываться на глубоком знакомстве с источниками. С ревизионистами можно согласиться в том, что рассмотрение гражданской войны как борьбы между прогрессивными и консервативными силами бессмысленно, обе стороны в этом конфликте пытались решать возникавшие новые проблемы, исходя из прецедентов, обычаев и традиций — для данного исторического периода это был присущий ему способ мышления (Conflict 1989: 15—16).

К настоящему времени исследователям стало ясно, что некоторые прямолинейные утверждения вигских историков не являются адекватными. В раннестюартовской Англии не было простого разделения и противостояния между властью и оппозицией. При Якове I (1603—1625) и Карле I (1625—1649) существовали политические противостояния и внутри королевского двора, и внутри королевского совета. Палату общин после проделанной современными историками, в том числе и ревизионистами, работы невозможно представить как некое сплоченное средоточие оппозиции, и депутаты парламента не были последовательными защитниками понятий о свободе, напоминающих современный либерализм. Но, в отличие от ревизионистов, можно утверждать, что в Англии первых десятилетий XVII в. в течение долгого времени существовала идеологическая и социальная напряженность, хотя нельзя сказать, что эта напряженность неизбежно вела к тому конфликту, который разразился в 1642 г.: продвижение развития событий к гражданской войне было сложным, противоречивым, колеблющимся. Хотя сознание англичан в начале XVII в. стремилось к достижению согласия, считая именно его идеалом, этот идеал мог быть достигнут только через борьбу и конфликт (Conflict 1989: 17).

Р. Каст и Э. Хьюз выражают несогласие с ревизионистской точкой зрения о том, что

пуританизм вообще не существовал как таковой и был лишь составной частью широкого и недифференцированного кальвинистского лагеря в Англии первых десятилетий XVII в. (Finlayson 1983; Christianson 1980: 463—482; Conflict 1989: 21). Пуританизм и евангелический протестантизм в целом, в сочетании с гуманистическими идеалами эпохи Возрождения, которые черпали примеры из истории античности, задавали новые образцы поведения правящей элите. Пуритане формировали образ хорошо информированного и квалифицированного, сознательного и совестливого, безупречного в моральном отношении правителя, представителя власти, который в сочинениях английских протестантов фигурирует под названием *the godly magistrate* («благочестивый магистрат»). Протестант, как считалось, должен был быть бдительным в противостоянии угрозе папизма, выступать за дальнейшие реформы в направлении совершенствования церкви, что стало находить выражение также и в активизации гражданской позиции человека, а это было привлекательно для многих социальных групп в Англии XVII в. Утверждения ревизионистов о том, что пуританизм лишь раздражал англичан требованиями поддержания дисциплины и порядка, обедняют представления о пуританизме (Conflict 1989: 22—23). Можно согласиться с некоторыми ревизионистами, например, с Дж. Морриллом, что религия оказала решающее влияние на те общественные конфликты, которые привели к началу гражданской войны в Англии. Но надо учитывать то, что религия в это время испытывала влияние всей обстановки, существовавшей в стране, и религия стала политизированной (Conflict 1989: 26).

Историки также уже давно проводили исследования экономического положения и доходов депутатов Долгого парламента (Brunton, Pennington 1954). В результате этих исследований не было обнаружено существенных экономических и имущественных различий между роялистами и сторонниками парламента: доходы их по своим размерам на одного человека были близкими. И среди роялистов, и среди парламентариев были представители экономически преуспевающего джентри, и те, кто испытывал экономические трудности, и землевладельцы патерналистского типа, и те, кто стремился к максимальным доходам. В обоих политических лагерях были

лица, занимавшие государственные и административные должности, а также связанные с промышленностью, коммерцией. На стороне парламента было несколько больше экономически преуспевающих людей, но не настолько, чтобы характеризовать сторонников парламента как поднимающееся джентри или тем более буржуазию, которые задались бы целью свергнуть политический строй, который препятствовал их дальнейшему обогащению. К настоящему времени среди историков стало складываться мнение, что такая дискуссия, как «спор о джентри», когда о социальных группах речь шла как о целостностях, не очень продуктивна в познавательном отношении, потому что в XVI—XVII вв. в процессах социальной эволюции выявляются большие локальные вариации.

Рост числа бедных в стране, колебания экономического положения многих представителей формировавшегося среднего класса были факторами, которые вызывали у Карла I и его окружения страх популизма, и боязнь беспорядков и разрушавшего социальные иерархии влияния пуританизма даже привела к тому, что относительно больше джентри пошло за Карлом I в ходе гражданской войны. С другой стороны, улучшение экономического положения части джентри и средних слоев повышали их гражданскую сознательность, заставляли интересоваться делами в своем графстве, общенациональной политической ситуацией. В результате эти группы тяготели к борьбе за утверждение в стране прав собственности, законности, права принимать участие в деятельности властных органов на всех уровнях, что сопровождалось обычно стремлением защитить протестантскую религию в Англии и страхом перед папизмом. Эти процессы тоже подготовили начало гражданской войны в 1642 г., и целью войны виделось реформирование коррумпированной политической системы, в которой оказалась под угрозой и протестантская религия. Это не означает, что религиозно-политические взгляды какой-то из противостоящих групп в английском обществе этого времени сами по себе породили гражданскую войну, но понимание особенностей социально-экономического и религиозно-политического контекста помогает прояснить происхождение гражданской войны и понять, почему носители разных религиозно-политических взглядов столкнулись друг с другом.

Современные британские исследователи также не хотят признавать, что религиозно-политическое противостояние сторон в гражданской войне можно редуцировать к влиянию социально-экономических причин. События гражданской войны нельзя считать неизбежными, но можно утверждать, что в сложившихся обстоятельствах достижение согласия стало очень трудным из-за того, что происходило в сфере религии, политики, идеологии, а также в экономике и общественной жизни. На развязывание гражданской войны повлияли также и некоторые личные качества Карла I: его стремление к достижению абсолютного повиновения со стороны подданных, почти полное отсутствие у него навыков повседневной политической деятельности с необходимым умением достижения компромисса, а также неискренность и нечестность Карла I, которые разрушали

доверие к нему. Религиозные пристрастия и наклонности Карла I тоже оказали непосредственное влияние на произошедший в английском обществе раскол. Так что, судя по тому, что против Карла I была начата военно-политическая борьба, сторонники парламента уже не считали короля защитником протестантской религии в стране, в результате чего первоначальные антипапистские настроения сторонников парламента смогли затем трансформироваться даже в антимонархические действия, приведшие к казни Карла I (Conflict 1989: 37—39).

Как видно, современная британская историческая наука уделяет большое внимание в объяснении происхождения событий описанию частных, конкретных обстоятельств и деталей. Это характерная черта британского историзма: убеждение, что «дьявол скрывается в деталях».

ЛИТЕРАТУРА

- Репина Л. П.* 1998. «Новая историческая наука» и социальная история. Москва: ИВИ РАН.
- Alexander H. G.* 1968. Religion in England, 1558—1662. London: University of London Press Ltd.
- Brunton D. Pennington D. H.* 1954. Members of the Long Parliament. London: Allen & Unwin.
- Cannadine D.* 1987. British History: Past, Present and Future? // Past & Present 116, 169—181.
- Clark J. C. D.* 1985. English Society 1688—1832. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark J. C. D.* 1986. Revolution and Rebellion. Cambridge: Cambridge University Press.
- Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603—1642 / Ed. by R. Cust and A. Hughes.* 1989. London and New York: Longman.
- Christianson P.* 1980. Reformers and the Church of England under Elizabeth I and the Early Stuarts // Journal of Ecclesiastical History 31, 463—482.
- Dugdale W.* 1681. A Short View of the Late Troubles in England. Oxford: Printed at the Theater for M. Pitt in Oxford.
- Elliott J. H.* 1973. England and Europe: A Common Malady? // The Origin of the English Civil War / Ed. by C. Russell. London: Macmillan, 246—257.
- Elliott J.* 1969. Revolution and Continuity in Early Modern Europe // Past & Present 42, 35—56.
- Elton G. R.* 1974. A High Road to Civil War? // Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. II, 164—182.
- Fincham K.* 1984. The Judges' Decision on Ship Money in February 1637: the Reaction of Kent // Bulletin of the Institute of Historical Research 57, 230—237.
- Finlayson M.* 1983. Historians, Puritanism and the English Revolution. Toronto: University of Toronto Press.
- Fletcher A. J.* 1981. The Outbreak of the English Civil War. London: Edward Arnold.
- Gardiner S. R.* 1894—1901. History of the Commonwealth and Protectorate. London: Longmans, Green, and Co.
- Gardiner S. R.* 1883—1884. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of Civil War. 1603—1642. London: Longmans, Green, and Co. Vol. I—X.
- Gardiner S. R.* 1886—1891. History of the Great Civil War. 1642—1649. London: Longmans, Green, and Co. Vol. I—III.
- Haigh C.* 1984. The Church of England, the Catholics and the People // Haigh, C. (Ed.). The Reign of Elizabeth I. London: Macmillan, 195—219.
- Hill C.* 1956. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford: Clarendon Press.
- Hill C.* 1940. The English Revolution. London: Lawrence and Wishart.
- Hill C.* 1958. Recent Interpretations of the Civil War // Hill C. Puritanism and Revolution. London: Secker and Warburg, 13—40.
- Hill C.* 1967. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. New York: Schocken Books.
- Hirst D.* 1986. Authority and Conflict: England 1603—1658. Cambridge: Harvard University Press.
- Kenyon J. P.* 1986. The Stuart Constitution 1603—1688. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kishlansky M.* 1986. Parliamentary Selection. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lake P.* 1981. The Collection of Ship Money in Cheshire during the 1630s: A Case Study of Relations between Central and Local Government // Northern History XVI, 44—71.
- Laslett P.* 1984. The World We Have Lost Further Explored. 3rd ed. New York: Scribner's.

- Manning B.* 1976. *The English People and the English Revolution*. London: Heinemann Educational Books.
- Morrill J. S.* 1985. *The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640—1642* // Beales D. Best G. (Eds.). *History, Society and the Churches*. Cambridge: Cambridge University Press, 105—124.
- Morrill J. S.* 1984. *The Religious Context of the English Civil War* // *Transactions of Royal Historical Society* 5th Series 34, 155—178.
- Morrill J. S.* 1976. *The Revolt of the Provinces*. London: George Allen & Unwin.
- Notestein W.* 1924. *The Winning of the Initiative by the House of Commons*. London: British Academy.
- Pocock J. G. A.* 1980. Introduction // Pocock J. G. A. (Ed.). *Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776*. New Jersey: Princeton University Press, 3—20.
- Richardson R. C.* 1977. *The Debate on the English Revolution*. London: Methuen.
- Russell C. S. R.* 1973. Introduction // *The Origins of the English Civil War* / C. S. R. Russell (Ed.). London: Macmillan, 1—31.
- Russell C. S. R.* 1983. *The Nature of a Parliament in Early-Stuart England* // H. Tomlinson (Ed.). *Before the English Civil War*. London: Macmillan, 123—150.
- Russell C. S. R.* 1979. *Parliaments and English Politics 1621—1629*. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press.
- Samuel R.* 1980. *British Marxist Historians 1880—1980* // *New Left Review* 120, 21—90.
- Sharpe K.* 1981. *Archbishop Laud and the University of Oxford* // H. Lloyd-Jones et al (Eds.). *History and Imagination*. London: Duckworth, P. 146—164.
- Sharpe K.* 1973. Introduction: *Parliamentary History 1603—1629: in or out of Perspective?* // *Faction and Parliament*. Sharpe K. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1—42.
- Tyacke N. R. N.* 1973. *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // C. Russell (Ed.). *Origins of the English Civil War*. London: Macmillan, 119—143.
- Tomlinson H.* 1983. *The Causes of War: A Historiographical Survey* // Tomlinson H. (Ed.). *Before the English Civil War*. London: Macmillan, 7—26.
- White P.* 1983. *The Rise of Arminianism Reconsidered* // *Past & Present* 101, 35—54.

REFERENCES

- Repina L. P.* “Novaya istoricheskaya nauka” i sotsialnaya istoriya [“New historical science” and social history]. Moscow: The Institute of General History, Russian Academy of Sciences. 1998 (In Russian).
- Alexander H. G.* *Religion in England, 1558-1662*. London: University of London Press Ltd. 1968.
- Brunton D., Pennington D. H.* *Members of the Long Parliament*. London: Allen & Unwin. 1954.
- Cannadine D.* *British History: Past, Present and Future*. In: *Past & Present* 116, 169—181. 1987.
- Clark J. C. D.* 1985. *English Society 1688—1832*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark J. C. D.* 1986. *Revolution and Rebellion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Conflict in Early Stuart England*. *Studies in Religion and Politics, 1603—1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. 1989. London and New York: Longman.
- Christianson P.* 1980. *Reformers and the Church of England under Elizabeth I and the Early Stuarts* // *Journal of Ecclesiastical History* 31, 463—482.
- Dugdale W.* 1681. *A Short View of the Late Troubles in England*. Oxford: Printed at the Theater for M. Pitt in Oxford.
- Elliott J. H.* 1973. *England and Europe: A Common Malady?* // *The Origin of the English Civil War* / Ed. by C. Russell. London: Macmillan, 246—257.
- Elliott J.* 1969. *Revolution and Continuity in Early Modern Europe* // *Past & Present* 42, 35—56.
- Elton G. R.* 1974. *A High Road to Civil War?* // Elton G. R. *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. II, 164—182.
- Fincham K.* 1984. *The Judges’ Decision on Ship Money in February 1637: the Reaction of Kent* // *Bulletin of the Institute of Historical Research* 57, 230—237.
- Finlayson M.* 1983. *Historians, Puritanism and the English Revolution*. Toronto: University of Toronto Press.
- Fletcher A. J.* 1981. *The Outbreak of the English Civil War*. London: Edward Arnold.
- Gardiner S. R.* 1894—1901. *History of the Commonwealth and Protectorate*. London: Longmans, Green, and Co.
- Gardiner S. R.* 1883—1884. *History of England from the Accession of James I to the Outbreak of Civil War. 1603—1642*. London: Longmans, Green, and Co. Vol. I—X.
- Gardiner S. R.* 1886—1891. *History of the Great Civil War. 1642—1649*. London: Longmans, Green, and Co. Vol. I—III.
- Haigh C.* 1984. *The Church of England, the Catholics and the People* // Haigh, C. (Ed.). *The Reign of Elizabeth I*. London: Macmillan, 195—219.
- Hill C.* 1956. *The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. Oxford: Clarendon Press.
- Hill C.* 1940. *The English Revolution*. London: Lawrence and Wishart.
- Hill C.* 1958. *Recent Interpretations of the Civil War* // Hill C. *Puritanism and Revolution*. London: Secker and Warburg, 13—40.
- Hill C.* 1967. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. New York: Schocken Books.
- Hirst D.* 1986. *Authority and Conflict: England 1603—1658*. Cambridge: Harvard University Press
- Kenyon J. P.* 1986. *The Stuart Constitution 1603—1688*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kishlansky M.* 1986. *Parliamentary Selection*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lake P.* 1981. *The Collection of Ship Money in Cheshire during the 1630s: A Case Study of Relations between Central and Local Government* // *Northern History* XVI, 44—71.
- Laslett P.* 1984. *The World We Have Lost Further Explored*. 3rd ed. New York: Scribner’s.

- Manning B.* 1976. The English People and the English Revolution. London: Heinemann Educational Books.
- Morrill J. S.* 1985. The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640—1642 // Beales D. Best G. (Eds.). History, Society and the Churches. Cambridge: Cambridge University Press, 105—124.
- Morrill J. S.* 1984. The Religious Context of the English Civil War // Transactions of Royal Historical Society 5th Series 34, 155—178.
- Morrill J. S.* 1976. The Revolt of the Provinces. London: George Allen & Unwin.
- Notestein W.* 1924. The Winning of the Initiative by the House of Commons. London: British Academy.
- Pocock J. G. A.* 1980. Introduction // Pocock J. G. A. (Ed.). Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776. New Jersey: Princeton University Press, 3—20.
- Richardson R. C.* 1977. The Debate on the English Revolution. London: Methuen.
- Russell C. S. R.* 1973. Introduction // The Origins of the English Civil War / C. S. R. Russell (Ed.). London: Macmillan, 1—31.
- Russell C. S. R.* 1983. The Nature of a Parliament in Early-Stuart England // H. Tomlinson (Ed.). Before the English Civil War. London: Macmillan, 123—150.
- Russell C. S. R.* 1979. Parliaments and English Politics 1621—1629. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press.
- Samuel R.* 1980. British Marxist Historians 1880—1980 // New Left Review 120, 21—90.
- Sharpe K.* 1981. Archbishop Laud and the University of Oxford // H. Lloyd-Jones et al (Eds.). History and Imagination. London: Duckworth, P. 146—164.
- Sharpe K.* 1973. Introduction: Parliamentary History 1603—1629: in or out of Perspective? // Faction and Parliament. Sharpe K. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1—42.
- Tyacke N. R. N.* 1973. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // C. Russell (Ed.). Origins of the English Civil War. London: Macmillan, 119—143.
- Tomlinson H.* 1983. The Causes of War: A Historiographical Survey // Tomlinson H. (Ed.). Before the English Civil War. London: Macmillan, 7—26.
- White P.* 1983. The Rise of Arminianism Reconsidered // Past & Present 101, 35—54.

V. N. Yerokhin
Nizhnevartovsk, Russia

DISCUSSIONS ON CAUSES OF ENGLISH REVOLUTION OF THE XVIIth CENTURY IN CONTEMPORARY BRITISH HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article deals with approaches to comprehension of XVIIth century Revolution in England in contemporary British historical science. At the present moment, as the article shows, scientific influence and recognition of progressive approaches to comprehension of the English revolution represented by liberal and Marxist historians have considerably lessened. Liberal and Marxist paradigms are also striving for broad generalizations, and such traits of research became less convincing for most part of British historians in 1980s. The author analyzes the peculiarities of revisionist trend in study of causes of the English Revolution and shows that the revisionist trend exerted appreciable influence on historical researches during recent decades. The author concludes that the British researchers of the English Revolution who consider specific features of historical situations and prefer an individualizing approach in understanding history turn out to be more influential.

Key words: English Revolution of the XVIIth century; modern British historical science; conservative trend; liberal trend; revisionist trend.

About the author: Vladimir Nikolaevich Yerokhin, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 902.9+902.6:930.27(477.75)

М. М. Чореф
Нижневартовск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ: ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

Аннотация. Наше исследование было проведено с целью выяснения возможности привлечения нумизматического материала для освещения темных вопросов истории византийской Таврики. Предметом изучения стали Чамну-бурунский клад и редкие монеты литья Херсона, поступившие в обращение при Василии I Македонянине.

Сразу же заметим, что объекты исследования были выбраны нами отнюдь не случайно. Дело в том, что как с исторической, так и с нумизматической точки зрения куда более ценными являются монетные комплексы, сформировавшиеся на варварской территории. В первую очередь — сопредельной Византии. Кроме того, необходимо было оценить достижения наших предшественников, уделивших внимание изучению этого клада. Ведь на их выводах основывается теория о возникновении в Горной Таврике государственного образования уже в раннем средневековье.

Столь же ценны и византийские монеты таврического литья. Дело в том, что они являются одними из самых распространенных артефактов. При их изучении мы воспользовались методологией, разработанной нами при изучении разновременных монет византийского Херсона.

Кроме того, возникла необходимость по-новому, с учетом новых открытий, обосновать нашу точку зрения по поводу атрибуции херсоно-византийской литой монеты с «В» на аверсе и с крестом, окруженным надписью, на реверсе.

Нами было проведено нумизматическое исследование, выводы которого были выверены с привлечением результатов изучения как письменных, так и археологических и сфрагистических источников.

Основываясь на полученных результатах, заключаем, что возникновение Чамну-бурунского клада может быть объяснено ослаблением византийского влияния в Таврике, а единственная подлинная монета в нем была отлита в Херсоне при Василии I Македонянине.

Полагаем, что результаты нашего исследования будут востребованы не только нумизматами, но и историками, изучающими историю Византийской империи и раннесредневековой Таврики.

Ключевые слова: Византия; Таврика; Херсон; нумизматика; Чамну-бурунский клад.

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Чореф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: (964) 1709641, e-mail: choref@yandex.ru

Большинство исследователей, занимающихся изучением истории Византии, сталкиваются с проблемой интерпретации свидетельств письменных источников. Так, в трактате Константина VII Багрянородного (913—959) «De administrando imperio» есть фразы: «πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν κλιμάτων καὶ τῆς Βοσπόρου γῆν» (Const. Porp. De admin. 42: 81—82) — «*всю землю Херсона и климатов, и землю Боспора*» и «πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ κλίματα» — «*до Херсона, Боспора и климатов*» (Const. Porp. De admin. 42: 85—86). Очевидно, что речь идет о близлежащих к Херсону землях, вернее всего, о крымской Готии и о южном побережье Таврики. Однако заметим, что климаты локализовались тогда не только близ Херсона. По тому же Константину VII Багрянородному: «Ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα

τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, καὶ δύναται ὁ Ἄλανός εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἔνδειαν ἐντεῖθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα τούτων κλιμάτων ἢ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν» (Const. Porp. De admin. 10: 5—8) — «*Девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может правитель алан, если, конечно, хочет, грабить их и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, так как из этих девяти Климатов поступают все средства к жизни и изобилие Хазарии*». Кроме того, со времен Клавдия Птолемея климатами называли и географические пояса (Щеглов 2005: 243—265). Древние были склонны делить на одноименные широтные зоны всю обитаемую часть земли. Этот термин использовали и арабские географы: в الأقاليم السبعة

— «семи климатах» жили все известные им народы (Крачковский 2004: 282—283). Как видим, климатами называли как отдельные области или страны, так и обширные географические регионы.

Новое значение слово κλιμάτα получило в конце правления Феофила, когда, по совету спафарокандидата Петроны Каматира, в Таврике была создана одноименная стратегия¹, входившая в состав фемы Херсон. Руководить преобразованиями был направлен сам инициатор нововведения, которого император почтил саном протоспафария (Const. Porp. De admin. 42: 50—51). Однако, как ни странно, в Херсоне продолжали действовать архонты, патеры полиса и другие представители городской знати, прослеживаемые, в первую очередь, по печатям². Сохранили они и позиции в чиновничьей иерархии империи. Так, ἄρχοντες Χερσῶνος упомянуты в «Тактикон» Ф. И. Успенского (Успенский 1898: 124; Albrecht 2012: 328; Oikonomides 1972: 56—57). Складывается впечатление, что организация фемы не затронула городскую жизнь. Очевидно, что стратегии, избираемые по императорскому указу из местных жителей³, руководствовались интересами горожан.

¹ К сожалению, в современной историографии укоренился досадный обычай игнорировать ранги правителей областей. Да и названия последних часто искажают. Вернее всего, именно эти упущения не позволили ряду исследователей проследить динамику развития государственной структуры империи. Дело в том, что в рассматриваемый нами период наместничества делились на дукаты и стратегии (Λεβελιώτης 2007). Заметим также, что по «Тактикон» Ф. И. Успенского в Тавриде в 842—843 гг. служили «ὁ ἀνθύπατος πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Χερσῶνος» (Успенский 1898: 114) — «анфипат патрикий и стратег Херсона» и «ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» (Успенский 1898: 115) — «патрикий и стратег Климатов», занимавший, судя по структуре текста и титулатуре, явно подчиненное положение по отношению к первому вельможе.

² Судя по моливдовулам, Херсоном в тот период управляли императорские придворные: ипаты и спафарии, которые одновременно являлись и городскими архонтами (Aleksyenko 2012: 115—117, № 23—25; Catalogue of Byzantine Seals 1991: 183, 184, № 82.1—82.3). Примечательно и сохранение института патеров полиса (Aleksyenko 2012: 213—214, № 128—130). О прочном положении местной аристократии говорит обнаружение моливдовулов представителей родов Херсонитов и Цул (Aleksyenko 2012: 229—238, № 148—160).

³ Нам кажется, что следующую фразу императора-ученого «ἐξ οὗ καὶ μέχρι τὴν σήμερον ἐπεκράτησεν ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν εἰς Χερσῶνα προβάλλεσθαι στρατηγῶν» (Const. Porp. De admin. 42: 48—49) следует переводить только так: «С той поры до настоящего дня стало правилом избирать для Херсона стратегов из местных».

Следовательно, Константинополь и не ставил перед собой цели подчинить Херсон.

Заметим, что не одно поколение ученых пыталось найти объяснение этому явлению. Причем не все они смогли удержаться в рамках научной этики. Так, Ш. Б. Газе в своем «Anonymus» (Leonis Diaconi caloënsis Historiae 1828: 496—505) упомянул гипотетический город τὰ Κλιμάτα (Leonis Diaconi caloënsis Historiae 1828: 502, 504), который, по логике исследователя, и был центром одноименной области, согласно Константину VII Багрянородному, располагавшейся близ Херсона. Умелая мистификация французского исследователя⁴ ввела в заблуждение ряд ученых, пытавшихся локализовать этот центр в различных регионах Северного Причерноморья. Правда, им так и не удалось обнаружить его в Таврике. Насколько нам известно, последним к этой проблеме обращался И. А. Баранов, который вслед за М. И. Артамоновым и И. Божиловым заключил, что τὰ Κλιμάτα могла находиться на Дунае (Баранов 1993: 142). По мнению ученого, именно этот город был центром одноименной фемы. Историк считал, что стратегия Херсон была создана спешно и непродуманно, а само ее появление носило кратковременный и, вернее всего, чрезвычайный характер (Баранов 1993: 142—143). По И. А. Баранову, постоянная фема в Таврике могла быть создана только при Константине VII Багрянородном (Баранов 1993: 143).

Практически одновременно с его статьей на научное обсуждение была вынесена небольшая публикация нумизматического материала, найденного в Херсоне. Она примечательна тем, что ее автор — А. М. Гилевич — опубликовала монету, отлитую, по ее мнению, от имени наместников Κλιμάτα (Κλιμάτων?) (Гилевич 1991: 217, табл. 1: 2).

К сожалению, эти гипотезы, равно как и выработанные их сторонниками доводы, практически не получили широкого признания. Однако к настоящему времени в научной среде уже нет единства мнений ни по вопросу о локализации κλιμάτων Константина VII Багрянородного и одноименной стратегии, ни по проблеме ранней истории фемы Херсон.

⁴ Детальный разбор ситуации приведен в работе И. Шевченко (Ševčenko 1971: 115—188).

Попробуем прояснить ситуацию с учетом данных нумизматики.

Начнем с бронзы, изданной А. М. Гилевич (Гилевич 1991: 217, табл. 1: 2, 3) (рис. 1: 1, 2). Сразу же заметим, что исследовательница привела практически безупречное описание этой монеты. По ее словам, на аверсе была оттиснута строчная аббревиатура «МВ», а на реверсе — сложная монограмма из букв «К», «Л» и, возможно, «М». Добавим только, что первые две буквы надписи оборотной стороны были вписаны в окружность (или часть дуги?), в нижней части которой просматривается рельефный квадрат, принятый нумизматом за «М». А. М. Гилевич видела в этих символах сокращение слова Κλιμάτα (Κλιμάτων?) (Гилевич 1991: 217). Впрочем, она не настаивала на своей дешифровке, так как у нее сложилось впечатление, «что монета отлита в изношенной форме, в которой была трещина, или стертый был штампик для изготовления матрицы» (Гилевич 1991: 217). Кроме того, она отметила, что имела дело с «плохим качеством литья» (Гилевич 1991: 217). Действительно, физические параметры изучаемой ею монеты (вес — 0,88 г, диаметр — 1,1 см) не соответствовали нормам херсонских гемифоллисов первой половины IX в. Опубликованная ею бронза содержит чуть более половины необходимого металла (Чореф 2008: 121).

Как видим, А. М. Гилевич не была уверена в безукоризненности своей атрибуции. Однако ее осторожные выводы были восприняты на веру рядом исследователей, всерьез рассуждающих о возможности эмиссии монеты в таврическом городе τὰ Κλιμάτα.

Мы считаем эту проблему крайне важной. Приведем соображения по поводу ее разрешения. Да, на аверсе бронзы, изданной А. М. Гилевич, уверенно читается «МВ». Следовательно, она была отлита при Михаиле III (842—867). Действительно, при этом василевсе, судя по «Тактикόν» Ф. И. Успенского, существовала должность «πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» — «патрикий и стратиг Климатов» (Успенский 1898: 115; Oikonomides 1972: 48—49). И если логика А. М. Гилевич верна, то у нас есть основания отнести изданную ею монету к эмиссии этого чиновника.

Правда, возникает несколько вопросов. Начнем с того, что на византийских монетах,

как правило, в качестве эмиссионных меток размещали аббревиатуры названий городов (Grierson 1993a: 616, 619, 634, № 11, 17—18.4, 20; 1993c: 84, Wroth 1908: 350, № 18) или *control letters* (Чореф 2011: 327—358). А вот названия провинций для этого шифровались значительно реже. Причем совершенным nonsense была бы монета второрядного чиновника, каким был стратиг Климатов. Следовательно, мы не можем согласиться с предлагаемыми А. М. Гилевич расшифровками аббревиатуры. У нас нет никаких оснований читать в ней Κλιμάτα или Κλιμάτων. На всякий случай напомним, что этот населенный пункт был упомянут только в «Anonymus», сфальсифицированном Ш. Б. Газе.

Кроме того, монета, опубликованная А. М. Гилевич, столь неудачно отлита, что у нас есть все основания вслед за издателем усомниться в ее же прочтении. Предполагаем, что бронза гипотетического τὰ Κλιμάτα является ординарным херсонским гемифоллисом Михаила III.

Действительно, технология денежного производства в Херсоне в первой половине IX в. была весьма далека от совершенства. В результате в обращение иногда поступали монеты с довольно нечеткими оттисками аверса и реверса. Правда, с бронзой, изданной А. М. Гилевич, дело обстоит значительно проще. К сожалению, исследовательница неверно расположила оборотную сторону этой монеты. Если бы она повернула ее на 135° по часовой стрелке, то получила бы не немислимое «К—Л—М», а вполне ординарное «ΠΧ»¹ (рис. 1: 1, 2, 4).

Заметим, что встречаются и куда более гротескные экземпляры. Обратим внимание на гемифоллис, изданный И. В. Соколовой (Соколова 1983: табл. VII: 1) (рис. 1: 3). Несмотря на то, что на его аверсе сглажена «В», а на реверсе не оттиснулись верхние половины букв аббревиатуры «ΠΧ», он вполне определим. Кстати, при некоторой доле фантазии можно и в этой лигатуре увидеть «К» и «Л». Правда, основная масса монет Херсона в это время отливалась достаточно качественно, чем и объясняется крайняя редкость бракованных

¹ Предполагаем, что А. М. Гилевич ввела в заблуждение неописанная ею дуга, образовавшаяся на монете в результате разрушения фрагмента штампа, на котором находилась верхняя часть «Π».

гемифоллисов, один из которых и был издан А. М. Гилевич.

Итак, если наши рассуждения верны, то Херсон остался единственным эмиссионным центром одноименной фемы. Следовательно, у нас есть все основания предполагать, что важнейшие моменты ее истории должны были получить отражение в эволюции денежного производства. Попытаемся их проследить.

Обратим внимание на уникальный клад, найденный при раскопках укрепления на мысе Чамну-Бурун (рис. 2). Сокровище было издано А. Г. Герценом и В. А. Сидоренко (Герцен, Сидоренко 1988: 120—135). Оно состояло из четырех медных и трех бронзовых имитаций солидам Льва III Исавра (717—741)¹ (рис. 2: 1—7) и одной медно-свинцовой монеты литья Херсона (рис. 2: 8). Тщательное изучение этих подражаний позволило исследователям установить технологию их изготовления. Все они были выбиты на специально изготовленных пластинках двумя парами штемпелей (Герцен, Сидоренко 1988: 127—128, рис. 6: 1, 2) (рис. 2: 9), как мы уже писали, вырезанных на неустановленном провинциальном денежном дворе (Чореф 2012а: 159). Однако низкое мастерство мангупских монетчиков не позволило получить качественные оттиски. Предполагаем, что «умельцы» попросту уничтожили штемпели, а позже сокрыли плоды своего творчества в малопосещаемом районе плато (Чореф 2012а: 169).

Но нас не должны интересовать эти обстоятельства. Куда важнее установить, когда и почему на Мангупе осмелились копировать византийские солиды. Конечно, можно, согласиться с мнением А. Г. Герцена и В. А. Сидоренко, что «реконструкция организации производства мангупских монет-имитаций говорит о значительных масштабах чеканки, вполне отвечающих требованиям провинциального монетного двора»². А

использование подлинных штемпелей³ говорит «не о частном, а легальном, более организованном характере производства монет-подражаний на Мангупе» (Герцен, Сидоренко 1988: 130).

Но, с нашей точки зрения, нет никаких оснований делать подобные выводы. Ведь в клад выпало только семь бракованных экземпляров, а качественные имитации, выбитые этими же штемпелями, до сих пор не обнаружены. Несомненно, что выпуск подражаний стал возможным только в результате утраты империей контроля за Горной Таврикой. Полагаем, что эмиссию рассматриваемых имитаций куда логичнее увязать с ликвидацией стратегии Климатов. Но, очевидно, определить дату этого события в результате изучения подражаний солидам Льва III Исавра не удастся.

Перейдем к единственной подлинной монете из Чамну-бурунского клада (рис. 2: 8, 3: 1). На ее аверсе отгиснута «В», а на реверсе хорошо виден «крест на Голгофе», окруженный неотчетливой легендой⁴. Как заключили А. Г. Герцен и В. А. Сидоренко, на оборотной стороне этой бронзы читается верхний сегмент надписи: «[ΛΕ]ΟΝΚΑ[Ι]ΚΟ[Ν]ΣΤΑΝ[ΤΙΝΟΣ]» («[Λέ]ον κα[ὶ] Κο[ν]σταν[τῖνος]») — «*Леон и Константин*». Именно это обстоятельство и позволило исследователям датировать ее правлением Льва III Исавра и его сына — будущего императора Константина V (741—775) (Герцен, Сидоренко 1988: 133). Однако заметим, что пары одноименных императоров не единожды находились у власти. И все они успевали воспользоваться монетной регалией. Так, известны совместные выпуски Льва IV Хазара (775—780) и Константина VI (780—797) (Grierson 1993a: 328—335, pl. XII; Wroth 1908: 393—396, pl. XV: 20—21, XLVI: 1—4), а также Льва V Армянина (813—820) и его сына Константина (Grierson 1993a: 375—386, pl. XVIII; Wroth 1908: 409—413, pl. XLVII: 10—20). Да и Константин V сначала продолжил эмиссию от имени своего отца, а потом поместил на деньги изображение и имя своего сына Льва IV Хазара (Grierson 1993a: 299—324, pl. VIII—XI; Wroth 1908: 378—388, pl. XLIII:

¹ Наши предложения по атрибуции этих монет приведены в (Чореф 2012а: 157—172).

² Исследователи установили, что мангупские монетчики расклепали сопряженные штемпели после того, как уничтожили чекан аверса. Потом они будто бы скрепили два штампа реверса и продолжили производство до полного их разрушения (Герцен, Сидоренко 1988: 130). Заметим, что эти обстоятельства не позволяют нам даже рассуждать о легальности и организованности, да и, собственно, о продуманности производства подражаний.

³ По мнению исследователей, изготовленных на месте (Герцен, Сидоренко 1988: 128, 130).

⁴ Полагаем, что монета была отлита в подрезанной форме. К анализу элементов ее композиции мы обратимся несколько позже.

22, 23, XLIV, XLV: 1—15). Следовательно, мы не можем датировать херсоно-византийскую монету из Чамну-бурунского клада только по этому фрагменту легенды оборотной стороны.

Также заметим, что в предложенной исследователями расшифровке легенды реверса есть ряд досадных неточностей. Начнем с того, что, по их мнению, на буквосочетание «KON» отводилось значительно меньше места, чем для союза «KAΙ» («καί») — «и». Точнее, на выделенном А. Г. Герценом и В. А. Сидоренко для этого пространстве можно было разместить только одну букву (рис. 2: 8, 3: 1). Отметим также и то, что καί в легендах византийских монет не встречается. Считаем, что вместо гипотетического «KA[I]KO[N]ΣTAN[TINOΣ]» монетчик мог разместить куда более ординарное и уместное «KONΣTAN[TINOΣ]». Тем более что на том месте, на котором, по мнению исследователей, мог быть оттиснут слог «KO[N]», судя по их же рисунку, явно просматриваются следы сглаженной буквы «N» (рис. 3: 1).

Заметим также, что нас не должна смущать треугольная форма «O» в имени Константина. Дело в том, что резчику штампа реверса этой монеты равно не удавались прямые линии, как, к примеру, перекладины креста (рис. 2: 8, 3: 1—4), так и округлые элементы букв. Обратим внимание хотя бы на весьма неординарное написание «Ω» в слове «[Λέ]ων», а именно так, кстати, а не как «[Λέ]ον» на монете прописано имя первого из правителей. К сожалению, мы вынуждены акцентировать внимание читателей и на этой погрешности А. Г. Герцена и В. А. Сидоренко. Дело в том, что на приведенной ими прориси легенды написание имени верно, т.е. такое же, как и на монете, через «Ω»¹, а в тексте статьи оно было прописано уже через «O» (Герцен, Сидоренко 1988: 129, 132, рис. 6: 7, 8).

Но ad rem. Выявленные обстоятельства позволили нам уточнить расшифровку монетной легенды. Основываясь исключительно на прочтении, предложенном А. Г. Герценом и В. А. Сидоренко, мы получили «[ΛΕ]ΩNKONΣTAN[TINOΣ]» («[Λέ]ων Κονσταν[τίνος]»). Но дешифровка этого фрагмента легенды не дает нам возможности

¹ Заметим, что подобное написание имени, т.е. как «Λέων», не было свойственно монетному делу Византии, но оно типично для средневекового и современного греческого.

датировать монету. Для поиска дополнительной информации мы обратили внимание на другие бронзы этой разновидности. Действительно, на реверсе всех известных к настоящему времени экземпляров монет этого типа (рис. 3: 1—4) просматривается круговая легенда разной степени сохранности (Анохин 1977: табл. XXIV: 351; Орешников 1911b: табл. В: 12; Туровский, Горбатов 2013: табл. 30: 380; Шонон 2000: 119, № 174). Так, на бронзе, изданной А. В. Орешниковым и В. А. Анохиным (Анохин 1977: табл. XXIV: 351; Орешников 1911b: табл. В: 12) (рис. 3: 2), в нижней части реверса видны буквы «Α», «Ε» и «Σ», а также, возможно, «Β» и «Λ». Первая из них просматривается ниже и правее креста. Литера «Ε» видна непосредственно под культовым символом. Буквы «Σ» видны после «Α» и ниже второго «N» в слове «KONΣTAN[TINOΣ]». А «Β» и «Λ», как мы ранее полагали, различимы чуть выше и левее и ниже основы креста. В любом случае у нас есть основания считать, что и в этой части монетного поля также находится элемент надписи. Мы допустили, что там могло быть только «Βασ[ι]λε[υ]ς» (Чореф 2012а: 163). Это буквосочетание можно расшифровать как «βασιλεῦς» — «василевс» или как «Βασίλειος» — «Василий». Заметим, что вероятность первого прочтения минимальна, ведь подобное титулование пар императоров не встречается вплоть до правителей Македонской династии. Куда правдоподобнее второе предположение. Так, хорошо известны фоллисы времен совместного правления Василия I Македонянина (867—886) и его сыновей Льва VI Мудрого (869/886—912) и Константина (869—979) (Grierson 1993b: 499—500, Cl. 3, 4, № 10a.1—11.17, pl. XXXI: 10a.1—10a.5, XXXII; Wroth 1908: 440—441, pl. L: 11—19, L: 1). При них на аверсе бронз помещали изображения правителей, а на реверсе — легенды с их именами. Причем текст располагали так, чтобы портрет автократора и соответствующая ему подпись находились бы по центру.

Итак, основываясь на прочтении А. Г. Герцена и В. А. Сидоренко, мы заключили, что выпуск литой монеты с «Β» на аверсе и с крестом и легендой «ΒΑΣ[Ι]ΛΕ[Ι]Ο[Σ][ΛΕ]ΩNKONΣTAN[TINOΣ]» («Βασ[ι]λει[ο]ς [Λέ]ων Κονσταν[τίνος]») — «Василий Лев Константин» на реверсе следует относить к совместному правлению Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и

Константина, т.е. к 869—879 гг. Нашему предположению не противоречит наличие на аверсе исследуемой монеты единственного элемента оформления — большой буквы «В», что, как известно, было свойственно именно херсонским эмиссиям основателя Македонской династии (Анохин 1977: 116; Соколова 1983: 39—40).

Однако мы не считаем предложенный вариант дешифровки единственно верным, ведь качество передачи надписи на монете, изданной А. В. Орешниковым, оставляет желать лучшего. Учитывая это обстоятельство, попытаемся осмыслить предположения по поводу атрибуции этих бронз, выдвинутые в последнее время.

Итак, в сентябре 2014 г. в материалах III Международного нумизматического симпозиума «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка» был опубликован доклад Н. А. Алексеенко и В. А. Сидоренко, судя по стилистике, полностью написанный первым из авторов и посвященный атрибуции интересующей нас монеты (Алексеенко, Сидоренко 2014: 5—8). Мы находим его крайне важным. Во-первых, была уточнена статистика находок бронз интересующей нас разновидности (Алексеенко, Сидоренко 2014: 5—7)¹; во-вторых, опубликована монета (рис. 3: 5) с хорошо читаемой легендой реверса (Алексеенко, Сидоренко 2014: 7); и, наконец, в-третьих, была предложена новая теория атрибуции этих бронз (Алексеенко, Сидоренко 2014: 7). Попытаемся оценить историческую значимость этого исследования.

Начнем с того, что Н. А. Алексеенко без какого-либо объяснения отказался от изначального прочтения легенды (Алексеенко, Сидоренко 2014: 7), предложенного его же соавтором. Судим по тому, что он не разобрал в ней «[ΛΕ]ΩΝ». А это, в свою очередь, дало ему возможность отвергнуть тезис А. Г. Герцена и В. А. Сидоренко о принадлежности изучаемой монеты к чекану Льва III Исавра (Герцен, Сидоренко 1988: 133), что он и сделал без каких-либо объяснений. Далее,

Н. А. Алексеенко попытался опровергнуть наше прочтение, найдя его неубедительным, хотя выявил в надписи все те же буквы «Ε» и «Ω» (Алексеенко, Сидоренко 2014: 7). При этом он не учел тот факт, что реконструкция легенды проводилась нами с учетом выводов А. Г. Герцена и В. А. Сидоренко, приведших прорись монеты. Что же касается вопроса о наличии в легенде «В», то, действительно, в легенде изданной Н. А. Алексеенко монеты читается «Θ», весьма схожая по конфигурации с вышеуказанным символом. Так что замечания по поводу прочтения легенды мы отвергаем. Совершенно ничтожным является тезис уважаемого исследователя, заключившего, что прочтенная им легенда «ΚΟ[N]ΣΤΑΝΤΙΝ[Ο]Σ ΕΝΘ[Ε]Ω ΝΙΚΗ[ΤΗΣ]» («Κο(ν)σταντῖν(ο)ς ἐν Θ(ε)ῶ νικη(τής)») — «Константин, от Бога победитель» была свойственна монетному делу Византии времен Константина IV Погоната (668—685) (Алексеенко, Сидоренко 2014: 8). Начнем с того, что на монетах этого государя такая надпись не встречается². Зато весьма близкая ее вариация свойственна монетному делу Василия I Македонянина (Grierson 1993b: 473—506). В любом случае не ясно, почему исследователь счел возможным приписать монету к чекану именно Константина IV Погоната, ведь одноименные государи не раз восходили на византийский престол. Учитывая выявленные обстоятельства, продолжаем настаивать на датировании этой монеты правлением основателя Македонской династии, причем в период его совместного правления с Константином, т.е. 869—879 гг.

Но ad rem. На монете из коллекции И. В. Шонова (рис. 3: 3) просматриваются изображения, отсутствующие на бронзе, изданной А. В. Орешниковым (рис. 3: 2). На ее лицевой стороне правее «В» виден фрагмент императорского одеяния, а на оборотной, под «крестом на Голгофе», определенно различим широкий полукруг, увенчанный крестиком. Именно эти элементы изображений были описаны А. Г. Герценом и В. А. Сидоренко как

¹ Правда, с учетом монеты из собрания В. Н. Орехова — с нечитаемой легендой, по данным авторов, поступившего в 1990-х гг. Заметим, что такая точность в сообщении информации о дате поступления и месте хранения экспоната, т.е. без упоминания о ее инвентарном номере (Алексеенко, Сидоренко 2014: 5), недопустима для сотрудника музея, которым является Н. А. Алексеенко.

² Мы имеем дело с фактом явного плагиата. Н. А. Алексеенко не сослался на нашу работу, в которой освещается вопрос титулования императоров дома Ираклия (Чореф 2012b: 69—78), а ограничился заимствованием содержащихся в ней выводов, к сожалению, им не понятых.

следы перечеканки¹. Примечательно, что на монете И. В. Шонова, очевидно, не контрамаркированной, они просматриваются в тех же местах, что и на Чамну-бурунском экземпляре. Да и по конфигурации они совершенно аналогичны (рис. 3: 1, 3). Нам остается только предполагать, что бронзы этой разновидности не были перечеканены. Вернее всего, они были отлиты в переделанной форме, в которой могли ранее изготавливать монеты с изображениями императоров на обеих сторонах. Мы относим их к первой серии.

Конечно, у нас нет никаких оснований предполагать, что в Херсоне могли отливать столь плохо оформленные имитации солидам. Вернее всего, в переделанной форме планировали выпускать первые фоллисы этого города. Ее небрежно подрезали и в результате получили штампы, которыми и были сформованы монеты, изображения которых приведены на рис. 3: 1, 3. Но она не была пущена в серийное производство. Полагаем, что были разработаны более изящные формы, не требовавшие подрезки. Бронзы, отлитые в них (рис. 3: 2, 4, 5), следует отнести ко второй серии.

Итак, высказав наши соображения по вопросу о периоде эмиссии херсонско-византийской монеты из клада, попытаемся определить ее номинал. Сразу же заметим, что она не могла быть гемифоллисом, так как на ее реверсе нет стандартного для того времени обозначения номинала — аббревиатуры «ΓΧ», да и весит она примерно в два раза больше этих монет, отлившихся в Херсоне в VIII—IX вв. Вернее всего, изучаемая бронза была первым херсонским фоллисом. Именно этим обстоятельством можно объяснить поиск стиля ее оформления. Но так как производство бронз этой разновидности оказалось слишком трудоемким, а полученные экземпляры уж очень некачественными, то вскоре вместо них в обращение поступили куда проще оформленные фоллисы с монограммой правителя на аверсе и с «крестом на Голгофе» на реверсе. Но в любом случае денежную реформу в Херсоне, приведшую к выпуску нового номинала, можно приурочить к совместному правлению Василия I

Македонянина и Константина, т.е. к 869—879 гг. Допускаем, что имя старшего августа было вынесено на аверс, а упоминание его соправителя и их титулатура — на реверс.

Попытаемся изложить и обосновать исторические выводы, вытекающие из атрибуции Чамну-бурунского клада (Чореф 2012а: 157—172). Мы уверены, что у нас нет оснований сомневаться в слабости византийского влияния в регионе к моменту его сокрытия. Очевидно, что в начале третьей четверти IX в. Горная Таврика не входила в состав Византии. Ведь чеканить фальшивые монеты такого качества на территории империи было бы небезопасно.

Сам же факт выпуска на Мангупе имитаций солидов, причем выбитых довольно древними штемпелями, свидетельствует как о его неподчинении византийским властям, так и о слабом знакомстве местных монетчиков с реалиями денежного дела империи. Вернее всего, эта эмиссия стала возможной в результате сжатия зоны контроля фемы Херсона до собственно города и его ближайших окрестностей, приведшей, кроме всего прочего, к ослаблению торговых связей в регионе. А, как известно, с конца IX в. из византийских «табелей о рангах» исчезли сведения о стратиге Климатов. Они отсутствуют уже в «Κλητορολόγια» Филофея. В ней упомянуты только наместник фемы — «ἡ τοῦ στρατηγὸς Χερσῶνος» (Oikonomides 1972: 100—101), который был анфипатом и патриkiem (Oikonomides 1972: 138—139), а также, собственно, городской стратиг — «ὁ στρατηγὸς Χερσῶνος» (Oikonomides 1972: 104—105). Первая должность, судя по «Тактикόν» В. К. Бенешевича, существовала и во времена Константина VII Багрянородного (Oikonomides 1972: 246—247).

Заметим, что известны печати, которые, по мнению их издателей, можно приписать стратигам Климатов и Херсона (Соколова 1983: 149—150, № 14; Alekseyenko 2012: 118—119, № 27; Catalogue of Byzantine Seals 1991: 182, № 81.1). Следовательно, у нас есть все основания для локализации «κλιμάτων» в Таврике. Учтем и то, что, по мнению И. В. Соколовой, эта военно-административная единица существовала до 870-х гг. (Sokolova 1999: 99). Мы принимаем эту точку зрения.

Таким образом, атрибуция гипотетической бронзы «Κλιμάτα (Κλιμάτων?)», изданной

¹ При перечеканке были бы сбиты элементы оформления херсонской литой бронзы, чего мы не наблюдаем.

А. М. Гилевич, и проверка определения проверить гипотезы локализации стратегии херсоно-византийской монеты Василия I Климатов, но и уточнить период ее Македонянина и соправителей из Чамну- существования. бурунского клада позволили не только

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н. А., Сидоренко В. А.* 2014. Еще раз о редких херсоно-византийских монетах (анохин 351): проблемы атрибуции и датировки // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»: Тезисы докладов и сообщений III Международного нумизматического симпозиума (Севастополь, 29.08—2.09.2014). Севастополь: НЗХТ, 5—8.
- Анохин В. А.* 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев: Наукова думка.
- Баранов И. А.* 1993. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ III, 137—145.
- Герцен А. Г., Сидоренко В. А.* 1988. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ 24. Вопросы социального и политического развития, 120—135.
- Гилевич А. М.* 1991. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ 52, 214—225.
- Крачковский И. Ю.* 2004. Арабская географическая литература (Серия «Классики отечественного востоковедения»). Москва: Восточная литература.
- Орешников А.* 1911b. Херсоно-византийские монеты (Дополнение) // Орешников А. В. (ред.). НС. Т. 1 (отд. отд.). Москва: Изд-во Московского нумизматического общества, 1—6.
- Сидоренко В. А.* 2012. Литые херсоно-византийские монеты IX—XII вв. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Тезисы докладов и сообщений IV Международного Византийского семинара (Севастополь 31.05—05.06.2012). Севастополь: НЗХТ, 37—43.
- Сидоренко В. А.* 2013. Церковное и муниципальное производства херсоно-византийских монет IX — начала XIII вв. // Алексеевко Н. А. (ред.). Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Сб. науч. тр. Севастополь: СПД Арефьев, 267—293.
- Соколова И. В.* 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград: Искусство.
- Туровский Е. Я., Горбатов В. М.* 2013. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ.
- Успенский Ф. И.* 1898. Византийская табель о рангах // ИРАИК. Т. III. София: Державна печатница, 98—137.
- Чореф М. М.* 2008. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма I, 117—130.
- Чореф М. М.* 2011. К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК III, 327—358.
- Чореф М. М.* 2012a. К атрибуции Чамну-бурунского клада // Коричко А. В., Ерохин В. Н., Солодкин Я. Г. (отв. ред.). Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижевартовск, 7—8 февраля 2012 г.). Ч. I. История идей и история общества. Отечественная история. Нижевартовск: Изд-во НВГУ, 157—172.
- Чореф М. М.* 2012b. От «Imperatorēs divī» к «Ἐν τοῦτω νίκας», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект // Вестник НГГУ 4, 69—78.
- Шонов И. В.* 2000. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь: Таврия.
- Щеглов Д. А.* 2005. Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ 3, 243—265.
- Albrecht S.* 2012. Quellen zur Geschichte der byzantinischen Krim // Monographien Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 101. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Alekseyenko N.* 2012. L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux // Capet E., Zuckerman K. (ed.). Occasional monographs 4. Paris: ACHCByz.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dimbarton Oaks and in the Fogg Museum of art. 1991 / Nesbitt J., Oikonomides N. (ed.). Vol. I. Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Const. Porp. — *Constantine Porphyrogenitus.* 1967. De administrando imperio // Moravcsik G. (ed.), Jenkins R. J. H. (transl.). CFHB. Vol. I. Washington: Dumbarton Oaks Center of Byzantine Studies.
- Grierson P.* 1993a. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Bellinger A. R., Grierson P. (ed.). Vol. III. P. I. Leo III to Michael III, 717—867. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Grierson P.* 1993b. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Bellinger A. R., Grierson P. (ed.). Vol. III. P. II. Basil I to Nicephorus III, 867—1081. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Λεβειώτης Γ. Α.* 2007. Η πολιτική κατάρρευση του βυζαντίου στην Ανατολή. Το Ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το Β' ήμισυ του 11^{ου} αι. Θεσσαλονίκη: Τμήμα Ιστορίας & Αρχαιολογίας.
- Leonis Diaconi caloënsis Historiae.* 1828 // Hasi C. R. (rec.). CSHB. P. XI. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.
- Oikonomides N.* 1972. Les Listes de Préséance Byzantines des IXe — et Xe Siècles. Paris: CNRS.
- Ševčenko I.* 1971. The date and author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers 25, 115—188.
- Sokolova I. V.* 1999. Les sceaux byzantis de Cherson // Studies in Byzantines Sigillography 3, 139—151.
- Symonds H.* 1913. The documentary evidence for the English royal coinages of Henry VII and Henry VIII // British Numismatic Journal X, 127—171.

Wroth W. 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. II. London: Longmans & Co.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	—	Античная древность и средние века
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории
ИРАИК	—	Известия Русского археологического института в Константинополе
МАИАСК	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
CFHB	—	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CSHB	—	Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae

REFERENCES

- Alekseenko N. A., Sidorenko V. A.* «PriPONTiyskiy menyala: dengi mestnogo rynka»: Tezisy dokladov i soobscheyniy III Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simposioma (Sevastopol, 29.08—2.09.2014) [“Pontic money-changer: money of the local market”: Abstracts of papers and reports of the 3rd international numismatic symposium in Sevastopol, August 29–September 2, 2014]. Sevastopol: Natsionalniy zapovednik “Khersones tavrichesky”, 2014. p. 5—8 (In Russian).
- Anokhin V. A.* Monetnoe delo Hersonesa (IV v. do n.e. — XII v. n.e.) [Coinage of the Chersonese (IV B.C. – XII A.D.)]. Kiev: Naukova dumka, 1977 (In Russian).
- Baranov I. A.* Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], no. 3 (1993): 137—145 (In Russian).
- Gertsen A. G., Sidorenko V. A.* Antichnaya drevnost i sredniye veka. Voprosy sotsialnogo i politicheskogo razvitiya [Ancient times and the Middle Ages. Issues of social and political development], no. 24 (1988): 120—135 (In Russian).
- Gilevich A. M.* Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle], no. 52 (1991): 214—225 (In Russian).
- Krachkovskiy I. Yu.* Arabskaya geograficheskaya literatura (Seriya «Klassiki otechestvennogo vostokovedeniya»). [Arab geographical literature (A series of “Classics of Russian oriental studies”)]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004 (In Russian).
- Oreshnikov A.* Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic collected book], vol. 1 (1911): 1—6 (In Russian).
- Sidorenko V. A.* ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “imperiya” i “polis”: Tezisy dokladov i soobscheyniy IV Mezhdunarodnogo Vizantiyskogo seminar (Sevastopol 31.01—05.06.2012) [ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “Empire” and “polis”: Abstracts of proc. of the IV International seminar on Byzantine Empire, Sevastopol, May 31 — June 5, 2012]. Sevastopol: Natsionalniy zapovednik “Khersones tavrichesky”, 2012. p. 37—43 (In Russian).
- Sidorenko V. A.* Vizantiyskiy seminar ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “imperia” i “polis”: Sbornik nauchnykh trudov [Seminar on Byzantine Empire ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “Empire” and “polis”: Proceedings]. Sevastopol: SPD Arefev, 2013. p. 267—293 (In Russian).
- Sokolova I. V.* Monety i pečati vizantiyskogo Khersona [The Byzantine Cherson coins and stamps]. Leningrad: Iskusstvo, 1983 (In Russian).
- Turovskiy E. Ya., Gorbatov V. M.* Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel. [The ancient and medieval Chersonese coins: A directory for identification]. Simferopol: DIAYPI. 2013 (In Russian).
- Uspenskiy F. I.* Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinople [Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople], vol. 3 (1898): 98—137 (In Russian).
- Choref M. M.* Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], vol. I (2008): 117—130 (In Russian).
- Choref M. M.* Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], vol. III (2011): 327—358 (In Russian).
- Choref M. M.* Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Nizhnevartovsk, 7—8 fevralya 2012 g.) Ch.1. Istoriya idey i istoriya obshchestva. Otechestvennaya istoriya. [Culture, science, education: problems and prospects: Proc. of the All-Russian theoretical and practical conference in Nizhnevartovsk, February 7—8, 2012. Part. 1. History of ideas and history of society. National history] Nizhnevartovsk: Izdatelstvo NVGU, 2012. p. 157—172 (In Russian).
- Choref M. M.* Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University of Humanities], no. 4 (2012): 69—78 (In Russian).
- Shonov I. V.* Monety Chersonesa Tavricheskogo [The Chersonese-Tauris coins: A catalogue]. Simferopol: Tavriya. 2000 (In Russian).
- Shcheglov D. A.* Vestnik drevney istorii [Bulletin of ancient history], no. 3 (2005): 243—265 (In Russian).
- Albrecht S.* 2012. Quellen zur Geschichte der byzantinischen Krim // Monographien Des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 101. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Alekseyenko N.* 2012. L’Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux // Capet E., Zuckerman K. (ed.). Occasional monographs 4. Paris: ACHCByz.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dimbarton Oaks and in the Fogg Museum of art. 1991 / Nesbitt J., Oikonomides N. (ed.). Vol. I. Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Const. Porp. — Constantine Porphyrogenitus. 1967. De administrando imperio // Moravcsik G. (ed.), Jenkins R. J. H. (transl.). *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. I. Washington: Dumbarton Oaks Center of Byzantine Studies.

Grierson P. 1993a. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Bellinger A. R., Grierson P. (ed.). Vol. III. P. I. Leo III to Michael III, 717—867. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Grierson P. 1993b. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Bellinger A. R., Grierson P. (ed.). Vol. III. P. II. Basil I to Nicephorus III, 867—1081. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Λεβενιώτης Γ. Α. 2007. Η πολιτική κατάρρευση του βυζαντίου στην Ανατολή. Το Ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το Β' ήμισυ του 11ου αι. Θεσσαλονίκη: Τμήμα Ιστορίας & Αρχαιολογίας.

Leonis Diaconi caloënsis *Historiae*. 1828 // Hasi C. R. (rec.). *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. P. XI. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.

Oikonomides N. 1972. *Les Listes de Préséance Byzantines des IXe — et Xe Siècles*. Paris: CNRS.

Ševčenko I. 1971. The date and author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers* 25, 115—188.

Sokolova I. V. 1999. *Les sceaux byzantis de Cherson* // *Studies in Byzantine Sigillography* 3, 139—151.

Symonds H. 1913. The documentary evidence for the English royal coinages of Henry VII and Henry VIII // *British Numismatic Journal* X, 127—171.

Wroth W. 1908. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London: Longmans & Co.

M. M. Choref
Nizhnevartovsk, Russia

ADMINISTRATIVE ARRANGEMENT OF THE EARLY BYZANTINE TAURICA: NUMISMATIC EVIDENCE

Abstract. This study examined numismatic material as means of dealing with unexplored issues of the Byzantine Taurica history. The objects of the study are Chamnu-Burun treasure and rare coins casted in Cherson and put into circulation under Basil I the Macedonian.

It should be noted that they became the objects of research for a reason. The point is that the coins created on the barbarian territory are more valuable from the historical and numismatic viewpoints. First of all, this was the territory of the Byzantine Empire. Second, it is important to appreciate our forerunners' progress in researching this treasure, as their findings have become the base for the theory that there was a state in the mountains of Tauric Peninsula in the early Middle Ages.

The Byzantine coins of the Tauric cast are valuable as well, because they are a most widespread artifact. When studying the coins, we applied the strategy developed for the Byzantine coins of Cherson casted at different times.

Moreover, considering new findings there was a need to justify our position about the attribution of Cherson-Byzantine cast coin with the symbol of «B» on the head side and with a cross surrounded by an inscription on the tail side.

The numismatic research has been pursued and findings were verified with the results of written, the archaeological and sphragistic sources.

We have held a numismatic study and verified its results with written, archeological and shragistic data.

Based on the results of our study, we conclude that Chamnu-Burun treasure could be connected with the weakening of Byzantine influence in Taurica. The only original coin was casted in Cherson under Basil I the Macedonian.

We believe that the results may appeal to both numismatists and historians studying the Byzantine Empire and Taurica in the early Middle Ages.

Key words: the Byzantine Empire; Taurica; Cherson; numismatology; Chamnu-Burun treasure.

About the author: Mikhail Mikhailovich Choref, Candidate of Historical Sciences, Senior Research at the Regional Historical Research Laboratory.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

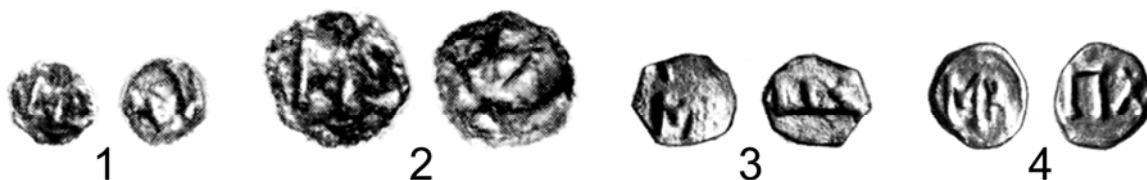

Рис. 1. К атрибуции монеты с «К—Л—М» на реверсе (по А. М. Гилевич)

1, 2 — фотографии из публикации А. М. Гилевич: натуральная величина (1), увеличено в два раза (2); 3 — бракованный гемифоллис Михаила III (по И. В. Соколовой); 4 — стандартная монета этой разновидности.

Рис. 2. Чамну-бурунский клад и реконструкция штемпеля, использованного для производства подражаний (по А. Г. Герцену и В. А. Сидоренко)

Рис. 3. Херсоно-византийские монеты с «В» на аверсе и с крестом, окруженным надписью ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥ ΝΙΚΗ на реверсе

1 — прорись бронзы этой разновидности из Чамну-бурунского клада (по А. Г. Герцену и В. А. Сидоренко); 2 — изданная А. В. Орешниковым; 3 — хранящаяся в коллекции И. В. Шонова; 4 — опубликованная Е. Я. Туровским; 5 — изданная Н. А. Алексеенко и В. А. Сидоренко.

УДК 94(420).086

Л. А. Якубова
Нижевартовск, Россия**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТОНИ БЛЭРА В 1997—2001 ГГ.**

Аннотация. Статья посвящена вопросу расходования государственных бюджетных средств первым лейбористским правительством Тони Блэра (1997—2001 гг.) в сфере социального обеспечения. На основе анализа бюджетных документов Министерства финансов определены ключевые направления социальной программы «нового лейборизма», на реализацию которых предполагалось выделение государственного финансирования: политика в сфере занятости, поддержка семьи и детства, здравоохранение, образование. Исследован объем государственного финансирования на основные статьи социальных расходов в период с 1997 по 2001 гг.

Данные направления социальной политики имели общей целью трансформацию «государства всеобщего благосостояния» посредством рационального расходования государственных финансовых средств.

Бюджетная политика лейбористского правительства Тони Блэра стала логическим продолжением концепта «третьего пути», составившего идеологическую платформу «нового лейборизма».

Ключевые слова: «новый лейборизм»; неоконсерватизм; Тони Блэр; «государство всеобщего благосостояния»; социальная политика; Лейбористская партия; Консервативная партия; бюджет; социальные реформы.

Сведения об авторе: Лала Алиевна Якубова, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510, e-mail: lalayakubova@gmail.com

«Новыми лейбористами» Великобритании была создана особая модель социальной политики, критически вобравшая в себя социальный опыт либералов, традиционных лейбористов и неоконсерваторов. После победы на всеобщих парламентских выборах 1997 г. лейбористы во главе с Т. Блэром сформировали новое правительство и приступили к претворению своей социальной программы в жизнь. Социальный блок лейбористского кабинета был представлен министром труда и по делам пенсий Эндрю Смитом, министром здравоохранения Аланом Милберном, министром образования и ремесел Чарльзом Кларком.

В социальной сфере «новые лейбористы» провозгласили курс на реформирование «государства благосостояния» с акцентом на переход от раздачи денег к оказанию комплексной помощи людям. Программа социального реформирования предусматривала меры по укреплению семьи, совершенствованию заботы о детях, усилению борьбы с преступностью, реформированию системы здравоохранения и т.д. Эти вопросы получили частичное освещение в работах отечественных исследователей А. А. Громыко

(Громыко 2000; 2001), С. П. Перегудова (Перегудов 1996; 1997; 1999).

Лейбористское правительство начало пересмотр всей системы социального обеспечения, переосмысление управленческой роли государства (Громыко 1998: 178). Большое значение для социальных реформ они видели, прежде всего, в более рациональном расходовании государственных средств, а не в увеличении их объема.

Первое промежуточное бюджетное послание нового правительства было направлено в Палату общин в ноябре 1997 г. В марте 1998 г. министр финансов Г. Браун на заседании Палаты общин представил первый полномасштабный бюджет правительства на 1998/99 финансовый год. В этом бюджете лейбористы выдвигали следующие приоритетные задачи в экономической и социальной сферах: обеспечение экономической стабильности на основе низкой инфляции и эффективной системы государственных финансов, поощрение предпринимательства посредством налоговых мер, развитие малых фирм и научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, содействие трудоустройству, борьба с безработицей, выделение дополнительных средств на нужды

здравоохранения, школьного образования (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Согласно содержащимся в бюджетном послании данным, базовая годовая инфляция к марту 1998 г. составила 2,5%, что соответствовало долгосрочным параметрам министерства финансов и Банка Англии.

Правительство рассчитывало, что этот уровень инфляции останется и в 1999 г. Задачу удержания инфляции в пределах намеченных параметров с мая 1997 г. самостоятельно решал Банк Англии. Правительство, а затем Банк Англии неоднократно увеличивали базовую учетную ставку, которая составляла тогда 7,25%, сравнительно высокий показатель, способствовавший «перегреву» британской экономики. Вставал вопрос об обменном курсе фунта (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Одной из важных составляющих роста инфляции является опережающий базовую инфляцию рост уровня оплаты труда. Впервые эта тема была затронута министром финансов в промежуточном послании в ноябре 1997 г. В послании 1998 г. Г. Браун обратился к работодателям и профсоюзам с призывом сдержанно относиться к пересмотру уровня заработной платы, связав с ростом этого показателя возможное увеличение учетных ставок, сокращение рабочих мест и падение темпов экономического роста (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Данная проблема усугублялась активными мерами самого правительства по борьбе с безработицей. Высокая занятость может привести к нехватке квалифицированных кадров и увеличению числа незаполненных мест, что, в свою очередь, ведет к удорожанию труда. Таким образом, в данном случае требовался точный расчет правительства.

Анализ бюджетного послания лейбористского правительства 1998 г. не позволяет выявить серьезные отличия от прежней бюджетной политики консерваторов, так как лейбористы пообещали в ходе предвыборной кампании сохранить бюджет тори до тех пор, пока реформирование системы социального обеспечения не будет окончательно завершено (как минимум в течение 2 лет).

Однако все же было решено перераспределить средства по статьям бюджета для улучшения положения малоимущих. Снижение отчислений по социальному страхованию с низкой заработной платы и повышение этих отчислений с высокой

заработной платы было достигнуто за счет увеличения налога с работодателей. Цель лейбористов заключалась в том, чтобы стимулировать граждан к отказу от проживания на государственное пособие по безработице и поиску работы (welfare-to-work). В целом 20% семей с самыми низкими доходами должны были стать на 2% богаче, а 20% с самыми высокими доходами — на 0,3% беднее (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Согласно бюджетной программе лейбористов, озвученной Гордоном Брауном, за период 1999—2002 гг. государственные расходы должны были возрасти на 57 млрд. ф. ст. (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998). Расходы на социальное обеспечение должны были составить около 95 млрд. ф. ст. и представлять собой треть всех государственных расходов (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998). Средства на социальное обеспечение распределялись по следующим статьям: пособия престарелым — 46%, пособия инвалидам — 26%, семейные пособия — 20%, пособия по безработице — 6%, прочие расходы — 2% (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

В программных документах лейбористской партии отмечалось, что есть такие области, которые должны находиться под контролем государства. К ним лейбористы относили образование, здравоохранение, выплату пенсий, обеспечение безопасности на улицах, политику в сфере занятости. «Несомненно, существуют секторы экономики, где в равной степени аморально и неразумно распределять товары и услуги по принципу рынка, — утверждали «новые лейбористы». — Ресурсы на здравоохранение, просвещение и социальное страхование должны распределяться безотносительно к покупательной способности тех, кому оказываются подобные услуги. Достойные стандарты и достаточная обеспеченность жильем и транспортом должны быть доступными для тех, кто не может позволить себе пользоваться этими услугами на частной основе или предпочитает не делать этого» (Because Britain Deserves Better 1997).

Анализ бюджетных документов лейбористского правительства позволяет выделить ключевые направления реализации социальной программы «нового лейборизма», которые представлены во всех ежегодных бюджетах в виде основных статей для государственного финансирования, — политика в сфере занятости, поддержка семьи и детства,

здравоохранение, образование (Chancellor's 1997; Budget Speech 1997; Chancellor's 1998; Budget Speech 1998; Financial Statement and Budget Report 1998; Chancellor of Exchequer's Budget Statement 1999; Budget Report 1999). Эти четыре направления социальной политики имели своей общей целью, как не раз уже отмечалось, трансформацию «государства всеобщего благосостояния».

Таким образом, модель социальной политики «нового лейборизма» была представлена в виде своеобразного «квадрата». Ежегодно из государственного бюджета выделялись средства на данные приоритетные направления. В каждом отдельно взятом бюджете выделялись также и другие дополнительные направления.

Основой социально-экономической политики правительства Тони Блэра была реформа системы государственного содействия увеличению занятости. Бюджет 1999 г. содержал ряд положений, развивающих лейбористскую стратегию максимального сокращения числа лиц, живущих на государственное пособие, и активного поощрения роста их занятости путем предоставления налоговых льгот (Budget Report 1999; Chancellor of Exchequer's Budget Statement 1999).

Бюджетом 1998/1999 г. было предусмотрено выделение на эти нужды 5,2 млрд. ф. ст., которые должны быть получены от введения налога на непредвиденную прибыль.

Лейбористы планировали обеспечить рабочими местами всех граждан, включая нетрудоспособных. По их мнению, ни одна социальная группа не должна быть лишена возможности работать. На соответствующую программу из бюджета 1997 г. было выделено 200 млн. фунтов (Because Britain Deserves Better 1997).

Особый акцент в бюджете 1998/1999 г. делался на поиск возможностей занятости для женщин; 60 млн. ф. ст. от налога на непредвиденную прибыль выделялись для помощи 250 тыс. женщин, чьи мужья не имели работы. Ряд мер был направлен на создание условий для увеличения занятости одиноких матерей. Многие критики лейбористов указывали на то, что правительство практически вытесняет матерей-одиночек с государственного пособия, заставляя их браться за временную и неквалифицированную работу (Because Britain Deserves Better 1997).

Бюджет предусматривал специальные программы по способствованию занятости таких категорий населения, как выпускники школ, лица, лишённые полной дееспособности, бездомные, престарелые. Для придания большей эффективности шагам в данной области реструктуризировались методы исчисления и сбора подоходного налога и национального страхования; большими полномочиями наделялась Государственная служба налоговых сборов.

Следующим компонентом социальной реформы стало предложение работодателям еженедельной государственной дотации в размере 75 фунтов для предоставления постоянного рабочего места безработным. На реформу из бюджета выделялось 3,5 млрд. фунтов (Because Britain Deserves Better 1997).

Лейбористы предложили план государственной стратегии по защите детства, сделав это направление одним из приоритетных в социальной политике. Во-первых, эта стратегия предусматривала увеличение государственных ассигнований на заботу о детях. В 1997 г. в Великобритании существовал 1 млн. одиноких родителей, воспитывающих 2 млн. детей на пособие. Бюджет 1997 г. предлагал 200 млн. фунтов на создание инновационной программы, которая была призвана обеспечить обучение и рабочие места этой категории населения (Chancellor's 1997 Budget Speech 1997).

Во-вторых, стратегия заботы о детях была интегрирована в программу предоставления рабочих мест для молодых людей (до 25 лет) — они будут сначала обучаться, а затем работать в службах по заботе о детях.

В-третьих, предполагалось сделать заботу о детях более широкой; каждый одинокий родитель, имевший более 1 ребенка, должен был получать еженедельно по 100 фунтов (Chancellor's 1997; Budget Speech 1997).

В бюджете 1998 г. были увеличены статьи расходов на поддержку семьи и детства. Выросло детское пособие на самого старшего ребенка для всех семей на 2,5 фунта; вводилось дополнительное детское пособие (2,5 фунта еженедельно) на каждого ребенка не старше 11 лет; предусматривалось расширение финансовых возможностей семей, работавших на низкооплачиваемых местах, с помощью специальных семейных кредитов (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Бюджет 1998/1999 г. предусматривал также льготы для семей с детьми: безработная

семейная пара с двумя детьми получала 390 фунтов в год; семья с тремя детьми, в которой работал только один родитель и его годовой доход составлял 12 тыс. фунтов, получала 1,540 фунтов в год; семья с двумя детьми, в которой работали оба родителя и их годовой доход составлял 25 тыс. фунтов, получала 1,210 фунтов ежегодно (Financial Statement and Budget Report 1998).

В рамках реформирования системы здравоохранения лейбористы ставили цель вернуть доверие к Национальной Службе Здравоохранения. Для этого из бюджета 1997 г. было выделено 1,2 млрд. фунтов. Была объявлена программа создания новых больниц по всей стране (Chancellor's 1997; Budget Speech 1997).

В бюджете 1998/1999 г. дополнительно было выделено 500 млн. фунтов для сокращения очереди пациентов, ожидающих лечения (Chancellor's 1998; Budget Speech 1998).

Реформы в области здравоохранения включали ликвидацию планов по передаче в частную собственность больниц и поликлиник, запрещалась реклама табачных изделий. В бюджете 1999 г. было выделено 20 млрд. фунтов на реформу Национальной Службы Здравоохранения, в том числе 8 млрд. фунтов — на строительство новых больниц, клиник, приемных медицинских пунктов, центров здоровья.

Уже в бюджете 1997 г. лейбористы объявили образование своим приоритетом номер один. На реформу образования выделялось 2,3 млрд. фунтов (Chancellor's 1997; Budget Speech 1997). Правительство было уверено в том, что средства, отведенные на эту статью бюджета, поступят по назначению.

Наряду с четырьмя основными направлениями социальных расходов бюджеты имели и дополнительные статьи расходов на пенсионное обеспечение. Пенсии для лиц старше 65 лет по бюджету 1997 г. должны были увеличиться на 1 тыс. 660 фунтов, для лиц старше 75 лет — на 1 тыс. 680 фунтов (Chancellor's 1997; Budget Speech 1997).

Лейбористы, встав на путь социальных реформ, понимали, что эти реформы требовали больших затрат бюджетных средств. Это влекло за собой рост налогов и отчислений на

социальное обеспечение. Но «новым лейбористам» помогла экономическая конъюнктура; они пришли к власти и приступили к выполнению своей социальной программы в тот период, когда британская экономика находилась в стадии длительного подъема, что позволило «новым лейбористам» увеличить расходы в социальной сфере. Спад в экономике, уменьшение налоговых поступлений вследствие либеральной налоговой политики, увеличение затрат на социальные выплаты могли привести к «свертыванию» социальных программ.

Бюджеты лейбористского правительства оставляли нижний предел налога на прибыль — 10%. В бюджетном послании 1998/1999 г. министр финансов сообщил, что в рамках реформирования системы налогообложения и льгот для малообеспеченных слоев населения правительство намерено вскоре пойти на увеличение этого налога на прибыль, а также ввести кредит на налог на прибыль для наиболее низкооплачиваемых категорий работников.

Первая мера, по словам Гордона Брауна, будет осуществляться, когда для этого будут иметься необходимые экономические условия. Налоговый же кредит для малообеспеченных семей вводился с октября 1999 г. Данная мера была призвана сократить сумму выдаваемых государством пособий для малообеспеченных семей. Аналогичная реформа предусматривала введение налоговых льгот и сокращение общей суммы пособий для лиц с частичной потерей трудоспособности (Budget Report 1999).

Министр финансов также обнародовал программы правительства по совершенствованию систем государственного страхования, заботы о детях из занятых семей и др. (Chancellor of Exchequer's Budget Statement 1999).

Таким образом, бюджетная политика первого лейбористского правительства Тони Блэра (1997—2001 гг.) в целом соответствовала предвыборным обещаниям Лейбористской партии Великобритании, являлась фундаментом для реализации социальной программы «нового лейборизма».

ЛИТЕРАТУРА

- Громыко А.А. 2000. Победы и поражения современной социал-демократической Европы // Полис 3, 140—150.
Громыко А.А. 2001. Политический реформизм в Великобритании (1970—1990 годы). Москва: XXI век — Согласие.

- Перегудов С.П.* 1997. Великобритания после выборов 1997 года: обычная смена власти или прорыв в XXI век? // *Мировая экономика и международные отношения* 5, 74—85.
- Перегудов С.П.* 1999. Тони Блэр. Москва: ИНИОН РАН.
- Перегудов С.П.* 1996. Тэтчер и тэтчеризм. Москва: Наука.
- Because Britain Deserves Better.* 1997. New Labour's Election Manifesto. London: Labour Party.
- Blair T.* 1996. *New Britain. My vision of Young Country.* London.
- Budget Report 1999. 1999 // [www. hm-treasury.gov.uk](http://www.hm-treasury.gov.uk) (2015. 14 сент.).
- Chancellor's 1997 Budget Speech. 1997 // [www. hm-treasury.gov.uk](http://www.hm-treasury.gov.uk) (2015. 14 сент.).
- Chancellor's 1998 Budget Speech. 1998 // [www. hm-treasury.gov.uk](http://www.hm-treasury.gov.uk) (2015. 14 сент.).
- Chancellor of Exchequer's Budget Statement 1999. 1999. // [www. hm-treasury.gov.uk](http://www.hm-treasury.gov.uk) (2015. 14 сент.).
- Financial Statement and Budget Report 1998. 1998. // [www. hm-treasury.gov.uk](http://www.hm-treasury.gov.uk) (2015. 14 сент.).

REFERENCES

- Gromyko A.A.* Polis [Polis] 3 (2000): 140—150 (In Russian).
- Gromyko A.A.* Politicheskiy reformizm v Velikobritanii (1970-1990 gody) [Political reformism in the UK (1970s-1990s)]. Moscow: XXI vek – Soglasiye. 2001 (In Russian).
- Peregudov S.P.* Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations], no. 5 (1997): 74-85 (In Russian).
- Peregudov S.P.* Tony Blair. Moscow: Centre of scientific information in the field of social sciences and humanities, Russian Academy of Sciences. 1999 (In Russian).
- Peregudov S.P.* Thatcher i thatcherizm [Thatcher and Thatcherism]. Moscow: Nauka, 1996. 301 p (In Russian).
- Because Britain Deserves Better.* New Labour's Election Manifesto. London: Labour Party. 1997.
- Blair T.* *New Britain. My vision of Young Country.* London. 1996.
- Budget Report 1999. URL: [https:// www. hm-treasury.gov.uk](https://www.hm-treasury.gov.uk) (Accessed on Sept. 14, 2015).
- Chancellor's 1997 Budget Speech. <https://www.hm-treasury.gov.uk> (Accessed Sept. 14, 2015).
- Chancellor's 1998 Budget Speech. <https://www.hm-treasury.gov.uk> (Accessed Sept. 14, 2015).
- Chancellor of Exchequer's Budget Statement 1999. [https:// www.hm-treasury.gov.uk](https://www.hm-treasury.gov.uk) (Accessed Sept. 14, 2015).
- Financial Statement and Budget Report 1998. [https:// www.hm-treasury.gov.uk](https://www.hm-treasury.gov.uk) (Accessed Sept. 14, 2015).

L. A. Yakubova
Nizhnevartovsk, Russia

PUBLIC FUNDING OF THE SOCIAL POLICY UNDER TONY BLAIR'S LABOUR GOVERNMENT IN 1997-2001

Abstract. The study touches upon the issue of the state budget social welfare expenditure by Tony Blair's Labour government in the United Kingdom in 1997—2001. Based on the budgetary papers from the Treasury, the author has identified key areas of «New Labour» social program financed by the government, including employment policy, family support and child welfare, healthcare, and education. The author has studied the amount of public funding for major social expenses in the period from 1997 to 2001. These social policy items are state-financed and have one common goal – the transformation of the «Welfare State» by means of reasonable use of public funds.

The fiscal policy of Tony Blair's Labour government has become a logical continuation of a «Third Way» position, which is serving as the ideological platform of «New Labour».

Key words: «New Labour»; neoconservatism; Tony Blair; the «Welfare State»; social policy; the Labour Party; the Conservative Party; budget; social reforms.

About the author: Lala Alievna Yakubova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Уважаемые коллеги!

Нижевартовский государственный университет приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области биологических, педагогических, гуманитарных наук.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Журнал выходит в трех тематических выпусках, отражающих следующие научные направления:

- **Биологические науки.**
03.02.08 Экология.
- **Гуманитарные науки.**
07.00.02 Отечественная история.
07.00.03 Всеобщая история.
- **Педагогические науки**
13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры.
13.00.08 Теория и методика профессионального образования

Тематические выпуски скомплектованы в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 № 294, от 10.01.2012 № 5), и таблицей соответствия направлений (аспирантура), утвержденной приказом Минобрнауки России от 06.11.2013 № АК-2589/05.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре:

ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала);

ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России» (подписной индекс: 24943) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Публикация в журнале бесплатная.

В журнале публикуются результаты оригинальных научных исследований и обзорные статьи по наиболее актуальным проблемам гуманитарных, педагогических и естественных наук. Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты научных исследований; статьи не должны находиться на рассмотрении для публикации где-либо еще; публикации должны быть одобрены всеми соавторами.

Статья, регистрационная форма, договор на печать статьи в журнале¹ (в 2 экз.) и отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) направляются либо ответственному редактору соответствующего Вашей тематике выпуска журнала, либо по адресу uni@nvsu.ru (управление научных исследований НВГУ).

Статья направляется на рецензирование. При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике статьи; один экземпляр издания направляется автору. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

1. Оформление статьи:

1.1. Формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см.

1.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию журнала.

1.3. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5, 7—9).

1.4. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

1.5. Структура статьи:

1. Код УДК;
2. Имя, отчество, фамилия автора(ов);
3. Название статьи;
4. Аннотация;
5. Ключевые слова (отделяются друг от друга точкой с запятой);
6. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень (аспиранты, соискатели указывают вуз и кафедру), место работы (город, организация, подразделение), должность;

Пункты 2—6 указываются также и на английском языке

7. Контактная информация: включает почтовый адрес, телефон и e-mail;
8. Текст статьи;
9. Иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
10. Список сокращений;
11. Литература (на русском и английском языке)

¹ См. на сайте журнала: <http://vestnik.nvsu.ru/avtoram/>

